

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

АЦТЕКИ И КОНКИСТАДОРЫ

ГИБЕЛЬ
ВЕЛИКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

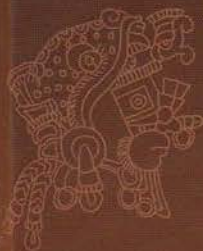
ДЖОН ПОЛ ЧАРЛЬЗ М. РОБИНСОН

АЦТЕКИ И КОНКИСТАДОРЫ

ДЖОН ПОЛ
ЧАРЛЬЗ РОБИНСОН

ЭКСМО

АЦТЕКИ И КОНКИСТАДОРЫ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ДЖОН ПОЛ ЧАРЛЬЗ М. РОБИНСОН

АЦТЕКИ И КОНКИСТАДОРЫ

ГИБЕЛЬ
ВЕЛИКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЭКСМО
МОСКВА
2009

УДК 94+355/359
ББК 63.3(0)
П 49

Печатается по изданию:

John Pohl, Charles M. Robinson

AZTECS AND CONQUISTADORES

The Spanish Invasion and the Collapse of the Aztec Empire

Перевод с английского *Екатерины Дрибинской*

Пол Д.

П 49 Ацтеки и конкистадоры : Гибель великой цивилизации / Джон Пол, Чарльз М. Робинсон ; [пер. с англ. Е. Дрибинской]. – М. : Эксмо, 2009. – 176 с. : ил. – (Военная история человечества).

ISBN 978-5-699-32129-2

Книга американских авторов Джона Пола (известный ученый-археолог, занимающийся изучением древних индейских цивилизаций) и Чарльза М. Робинсона «Ацтеки и конкистадоры: Гибель великой цивилизации» посвящена истории завоевания Мексики испанцами в первой четверти XVI века. Главным ее содержанием является описание Мексиканской экспедиции Эрнана Кортеса и боевых действий 1519–1521 гг., однако значительное место в ней уделено также состоянию противоборствующих сторон, в том числе составу и организации войск ацтекской империи и испанских конкистадоров, их внешнему виду, вооружению и тактике.

Снабженное многочисленными цветными и черно-белыми иллюстрациями, картами и планами, это издание представляет несомненный интерес для тех, кто интересуется историей Америки и европейской колонизации в эпоху Великих географических открытий.

УДК 94+355/359
ББК 63.3(0)

Джон Пол, Чарльз М. Робинсон

АЦТЕКИ И КОНКИСТАДОРЫ

ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ответственный редактор *А. Ефремов*. Научный редактор *А. Васильев*
Дизайн переплета *М. Горбатов*. Технический редактор *О. Кистерская*
Компьютерная верстка *С. Карпухин*.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 22.12.2008.
Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Гарнитура «Школьная». Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 3000 экз. Заказ № 4852

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

© First published in Great Britain in 2007, by Osprey Publishing Ltd., Midland House, West Way, Botley, Oxford, OX2 0PH. All rights reserved.

© Е. Дрибинская, перевод с англ., 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», издание на русском языке, 2009

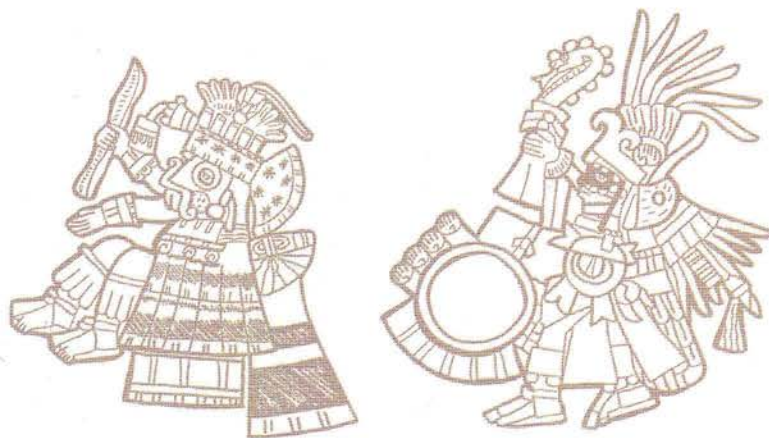
ISBN 978-5-699-32129-2

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЙНЫ	17
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОЮЮЩИЕ СТОРОНЫ	33
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИСПАНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В МЕКСИКУ	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НОВАЯ ИСПАНИЯ И НОВОЕ НАСЛЕДИЕ	157
БИБЛИОГРАФИЯ И СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	172
ГЛОССАРИЙ	175

ВВЕДЕНИЕ

Испанское завоевание Мексики полностью изменило мировую историю. Установление власти европейцев в Западном полушарии открыло путь к европейской гегемонии на территории обеих Америк, а затем к образованию там независимых государств. Можно спорить, было ли это к лучшему или к худшему, однако теперь, пятьсот лет спустя, именно Западному полушарию принадлежит ведущая роль в мире. И хотя Соединенные Штаты можно назвать культурным преемником Великобритании, влияние Испании нельзя недооценивать, ведь примерно треть территории современных США входила некогда в «Новую Испанию» – именно так Мексика называлась в эпоху испанской колонизации. Сан-Антонио в Техасе, Санга-Фе в Нью-Мексико и Монтеррей в Калифорнии – все они до 1821 г. являлись узловыми центрами испанского владычества, а после этого – мексиканского правления, и ныне на юго-западе Соединенных Штатов испанский язык используется наравне с английским. Таково наследие Колумба, Эрнана Кортеса и других конкистадоров.

Брак короля Фердинанда и королевы Изабеллы в 1469 г. объединил иберийские королевства Арагон и Кастилию и положил начало испанской экспансии, приведшей к разгрому мусульманского Гранадского эмирата, открытию Америки и вторжению в Италию. В 1492 г. Христофор Колумб (Кристоваль Колон) вернулся с Эспаньолы – нынешнего острова Гаити – с сообщением о новых землях, заселенных туземцами, которые не пользуются орудиями из металла, но имеют много золота. В 1493 г. он основал колонию с населением в полторы тысячи человек, но не смог справиться с раздором среди испанских колонистов и с индейцами-араваками. Открытые мятежи на Эспаньоле пришлось безжалостно подавлять военной силой, но в результате сам Колумб оказался под арестом. Его преемники показали себя столь же жестокими, но не более компетентными правителями. При Николасе де Овандо, брате-рыцаре ордена Алькантара, была повешена Анакоана, жена верховного вождя араваков, и сожжены заживо другие предводители мятежников. Затем Овандо учредил так называемую «энкомьенду» – систему, при которой большая часть индейского населения должна была постоянно работать на испанских землевладельцев. В 1505 г. губернатором был назначен сын Колумба Диего. Не в силах обуздать

НА ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ СТРАНИЦЕ

Во время осады Теночтитлана в 1521 г. Кортес, побуждаемый своими солдатами, рискнул наступать, не проверив, заполнен ли ров фашинами. Испанцы снова оказались в ловушке (как раз в годовщину «Ночи Печали») и подверглись атаке со всех сторон. Сам Кортес едва избежал плена и был спасен тлашкальтеками. («Льенсо де Тлашкала» [Lienzo de Tlaxcala – «Картина из Тлашкалы»], Американский музей естественной истории)

ВВЕРХУ

Тлалок и чичимекский герой Уицилопочтли (иллюстрации Джона Пола из «Бурбонского кодекса»)

Эрнан Кортес (1485–1547). Безжалостный, целеустремленный и честолюбивый, Кортес решительно и отважно установил власть Испании в Новом Свете и разрушил ацтекскую цивилизацию. Его ум и умение сотрудничать с индейскими союзниками привели к тому, что его экспедиция добилась успеха там, где другие терпели поражения. (Изобразительная библиотека Энн Ронан)

устремления богатых землевладельцев – таких, как Понсе де Леон, Эскивель, Навраэс и Веласкес, первые конкистадоры за каких-то три года захватили Пуэрто-Рико, Ямайку и Кубу, убивая всех и вся, что препятствовало их поискам золота.

Ранее исламские правители получали дань желтым металлом и изготавливали из него поразительные произведения искусства и украшения. Но в XV в. европейские монархи хотели подражать флорентийцам и чеканить собственную монету. Вскоре золото стало в воображении испанцев единственным способом преодолеть жесткие ограничения социальной структуры. Колумб прямо утверждал, что человек, имеющий достаточно золота, может купить место в раю. Однако в 1519 г. Испанский Мэйн представлял собой жалкие остатки былого процветания. Большинство месторождений золота были выработаны, индейцы-араваки, истинное богатство этой земли, безжалостно эксплуатировались на плантациях и ранчо. В результате эпидемий аравакское население Эспаньолы сократилось с одного миллиона в 1492 г. до едва ли 16 тысяч в 1518 г. Стало ясно, что испанцам придется продвигаться дальше, если они хотят найти вожделенное золото.

Весной 1519 г. Эрнан Кортес, бросивший изучение права в университете и ставший плантатором и перекупщиком, возглавил третью экспедицию в Мексику. С шестью сотнями искателей приключений он отправился завоевывать могучую и безжалостную империю, армия которой насчитывала десятки тысяч воинов. Испанское завоевание Мексики стало величайшей военной экспедицией в истории, и Кортес, возглавивший ее и добившийся победы, показал себя одним из выдающихся полководцев в истории. Однако Конкиста была не просто войной, но столкновением цивилизаций и религий. Не последнюю роль в поражении ацтеков сыграли их фатализм и пристрастие к ритуалам. Они знали, что их боги требовательны и капризны и могут в мгновение ока даровать свое благоволение или отнять его. Ацтеки верили, что мир уже был четырежды разрушен и будет уничтожен снова. Сами ацтеки являлись пришельцами, которые ранее вытеснили исконных обитателей равнин, и могли предполагать, что в будущем их самих тоже кто-то вытеснит. У них были предсказания, были и дурные знамения. Кажется, что все складывалось против них. И, однако, они держались и сражались до конца, потому что были воинами, без сомнений принимавшими решения своих богов.

Испанцы же, со своей стороны, сражались с мрачным отчаянием людей, поставивших на кон уже не богатство и даже не бrenную жизнь, а собственные бессмертные души. Они очень хорошо знали, что в случае пленения их принесут на вершине пирамиды в жертву идолам, которых они считали проявлениями сатаны и его демонами. Испанцы видели в этих чудовищных, покрытых кровью идолах тех самых существ, кого ветхозаветные пророки, Откровение св. Иоанна и вся христианская традиция описывали как демонов. Но они знали также, что, согласно христианскому учению, они должны победить. Они были свидетелями окончания восьмивекового владычества мусульман в Испании. Они верили, что, низвергая идолов и покоряя идолопоклонников, они выполняют волю Христову и несут Его слово всему миру. И что если они погибнут с мечом в руке, сражаясь против этих демонов, то души их будут спасены.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1469** Брак Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской и последовавшее объединение Испании.
- 1484** Рождение Эрнана Кортеса.
- 1491–1492** Фердинанд и Изабелла наносят поражение эмиру Мохаммаду XI Боабдилу и отвоевывают у мавров Гранаду. Колумб вместе с Висенте Яньесом Пинсоном и его братом Мартином Алонсо высаживается на Эспаньоле. Испанцы заключают союз с вождем араваков Гуаканагари и основывают на северо-западном побережье острова город Ла-Нативидад.
- 1493** Максимилиан Габсбург становится императором Священной Римской империи под именем Максимилиана I.
- 1493–1496** Второе плавание Колумба к Эспаньоле. Он обнаруживает, что Ла-Нативидад разрушен, а колонисты перебиты враждебной частью араваков. Испанцы закладывают второе поселение Ла-Исабела в шестидесяти милях к востоку. Колония страдает от ураганов, эпидемий и пожаров. Начинается открытая война колонистов с араваками, отказавшимися поставлять им работников и золото. Брат Колумба Бартоломео основывает Санто-Доминго на южном побережье. Уайна Капак становится императором инков.

- 1495** Фердинанд и Изабелла отправляют армию на Сицилию и в южную Италию, чтобы защитить права Арагона на эти земли в борьбе против французского короля Карла VIII. Следующие десять лет испанцы под командованием выдающихся военачальников, таких как Гонсало Фернандес де Кордова, участвуют в войнах между Францией, Священной Римской империей, папой римским и итальянскими городами-государствами.
- 1497** Франсиско Рольдан поднимает мятеж против Колумба. Поддерживающая его часть колонистов Ла-Исабелы уходит на запад, заключив союз с верховным вождем араваков Бехекио и его сестрой Анакоаной.
- 1498–1500** Третье плавание Колумба к Южной Америке. Будучи обвинен в неспособности к правлению и коррупции, он возвращен в Испанию в цепях.
- 1499–1500** Висенте Яньес Пинсон захватывает рабов в походах по северному побережью Колумбии и подтверждает существование южноамериканского континента.
- 1502–1504** Колумб отправляется в четвертое и последнее плавание для исследования побережья Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики и Панамы. Он сталкивается с перевозчиками сокровища индейскими каноэ и подтверждает изначальные свидетельства о неслыханном богатстве мезоамериканских цивилизаций. Монтесума II избран императором ацтеков в возрасте 34 лет.
- 1503** Гонсало де Кордова наносит поражение маркизу ди Салуццо в битве при Гарильяно, вынуждая французов отступить из Италии. Закаленные в битвах ветераны возвращаются в Испанию и узнают о новооткрытых богатствах «Индий». Некоторые из них, включая будущего завоевателя Перу Франсиско де Писарро, решают направить свои военные таланты на завоевание Западного полушария. Диего де Веласкес, действующий по приказу Николаса де Овандо, губернатора Санто-Доминго на Эспаньоле, подвергает казни Анакоану и 80 младших аравакских вождей, завершая тем самым покорение западной Эспаньолы.
- 1504** Смерть королевы Изабеллы. Хуан де Эскивель и Хуан Понсе де Леон захватывают восточную Эспаньолу, и весь остров становится испанской колонией. Экономика опирается теперь на плантации и ранчо, а не на золотодобычу. Возрастающая потребность в рабах порождает дальнейшую экспансию на Карибах.
- 1504–1506** Хуан де ла Коса, Алонсо де Охеда, Диего де Никуэса и прочие с переменным успехом пытаются заложить поселения на материке в Центральной и Южной Америках. Оставленный Охедой, Франсиско де Писарро основывает поселение в Урабе (Колумбия). Вражда с местными вождями впоследствии заставляет испанцев перебазироваться в Дарьен.
- 1506** Смерть Колумба. Эрнан Кортес прибывает на Эспаньолу.
- 1508** Висенте Яньес Пинсон и Хуан Диас де Солис исследуют побережье Гондураса и полуостров Юкатан, подтверждая существование Мезоамерики.
- 1509** Понсе де Леон покоряет Пуэрто-Рико. Хуан де Эскивель и Панфило де Нарваэс захватывают Ямайку.

- 1511** По пути от Дарьена на Эспаньола Гонсало Герреро и Херонимо де Агилар потерпели крушение на полуострове Юкатан. Герреро впоследствии стал военным вождем майя и неоднократно руководил их войсками в боях против испанцев. Агилар после своего спасения в 1519 г. служил переводчиком у Кортеса.
- 1512–1514** Диего Веласкес де Куэльяр и Панфило де Нарваэс захватывают Кубу. Кортес, приняв участие в этом завоевании, получает ценный опыт ведения боевых действий против индейцев. Веласкес назначен губернатором Кубы. Кортес состоит при нем секретарем, а позднее делает состояние на торговле скотом и операциях с золотом.
- 1513** В поисках новых источников золота, жемчуга и рабов Васко Нуньес де Бальбоа пересекает Панамский перешеек и достигает Тихоокеанского побережья. В экспедиции принимает участие Писарро. Понсе де Леон исследует Флориду.
- 1515** Франциск I, став королем Франции, инициирует новые походы в Италию. Испания вынуждена на протяжении десяти лет постоянно вести военные действия на Апеннинском полуострове.
- 1516** Смерть короля Фердинанда. Ему наследует сын его дочери Карл, первый король единой Испании. Спустя три года, после смерти его деда по отцу Максимилиана I, Карл избран императором Священной Римской империи под именем Карла V.
- 1517** Получив сообщения о богатых землях на востоке, губернатор Веласкес посылает Франсиско Эрнандеса де Кордову исследовать полуостров Юкатан. Тот возвращается, понеся тяжелые потери в бою с индейцами (при высадке в Чампотоне, на западном побережье Юкатана), и вскоре умирает от ран.
- 1518** Воодушевленный донесениями о многолюдных городах, Веласкес посылает вторую экспедицию, под руководством Хуана де Грихальвы. Испытывая недостаток припасов для сколько-нибудь продолжительного похода вдоль побережья Юкатана или Табаско, Грихальва достигает Веракруса и решает вернуться на Кубу.
Октябрь. Веласкес ставит Эрнана Кортеса во главе третьей экспедиции.
Ноябрь. Кортес отплывает из Сантьяго-де-Куба, невзирая на приказ губернатора. Цель его пути – Тринидад и Сан-Кристобаль-де-ла-Хабана.
- 1519** **10 февраля.** Кортес отплывает в Мексику. Он пересекает залив и высаживается у Веракруса, где заключает союз с тотонаками.
Апрель. Кортес основывает поселение Вилья-Рика.
Июнь. Кортес выступает из Семпоалы в глубь Мексики.
Июль. Участники экспедиции отправляют королю прошение о признании их отдельной колонией.
Август – сентябрь. Война в Тлашкале, заключен союз с тлашкальтеками.
Октябрь – ноябрь. Заключив союз с тлашкальтеками, Кортес входит в Теночтитлан и захватывает Монтесуму в заложники. Основан город Панама. Магеллан отправляется в трехгодичное плавание вокруг света. В Панаме по обвинению в мятеже обезглавлен Нуньес де Бальбоа. Восстание против испанцев на побережье.
Декабрь. Зачинщик восстания, Куальпопока, сожжен испанцами в Теночтитлане.

1520

Апрель. Карл V получает прошение о признании экспедиции Кортеса отдельным колониальным предприятием. Экспедиционный отряд с Кубы под предводительством Панфило Нарваэса высаживается на берег с приказом об аресте Кортеса и прекращении его экспедиции. Чтобы воспрепятствовать Нарваэсу, Кортес покидает Мехико, возложив командование оставленными там силами на Педро де Альварадо.

Май. Альварадо стреляет в толпу во время празднеств месяца тошкатль на храмовой площади. Кортес наносит поражение Нарваэсу у Семпоалы.

24 июня. Кортес возвращается в Мехико. Испанцы в осаде.

Июнь. Отречение Монтекумы. Императором ацтеков избран Куитлауак. Смерть Монтекумы – вероятно, от раны, причиненной брошенным из толпы камнем.

30 июня. La Noche Triste («Ночь Печали»). Кортес уводит свой отряд из Мехико. Его перехватывают в пути, многие испанцы убиты.

Лето–осень. Эпидемия оспы. Смерть Куитлауака. Императором избран Куаутемок.

30 июня – 10 июля. Отступление из Мехико в Тлашкалу.

7 июля. Сражение при Отумбе. Испанская кавалерия спасает экспедицию от полного уничтожения.

Август–сентябрь. Кортес готовится к возвращению в Мехико. В Тепеаке основана в качестве базы Сегура-де-ла-Фронтера.

26 декабря. Кортес начинает поход на Мехико из Сегуры.

На картине изображено отступление Эрнана Кортеса от Теночтитлана в 1520 г. Из коллекции британского посольства, Мехико. (Изобразительная библиотека Энн Ронан)

1521

Апрель. Кортес осаждает Теночтитлан с армией, насчитывавшей свыше 900 испанцев и более 50 000 союзников-индейцев.

Каменный цомпантли
в Темпло Майор (Великом
храме) в Мехико (вверху)

Май. Гонсало де Сандоваль выдвигается к Истапалапе и начинает осаду Мехико.

Май – август. Осада.

Август. Куаутемок сдается. Падение ацтекской империи.

Понсе де Леон умирает от ран после второй экспедиции во Флориду.

1522 **Октябрь.** Карл V назначает Кортеса губернатором и капитан-генералом Новой Испании (Мексики).

1522–1523 Кортес организует экспедицию в Западную Мексику. Педро де Альварадо, его бывший помощник, нападает на города-государства миштеков и сапотек в Оахаке, затем открывает военные действия против горных племен майя в Гватемале. Он прекращает кампанию, столкнувшись с огромной пипильской армией в Сальвадоре.

1524–1526 Смерть Веласкеса. Кортес устраивает карательную экспедицию против Кристобала де Олида в Гондурасе и пересекает петенские джунгли в Гватемале. Последний ацтекский император Куаутемок, взятый в качестве заложника, казнен.

Франсиско Писарро выступает в поход на юг, в Колумбию.

В Италии испанские и имперские войска разбивают французов в сражении при Павии.

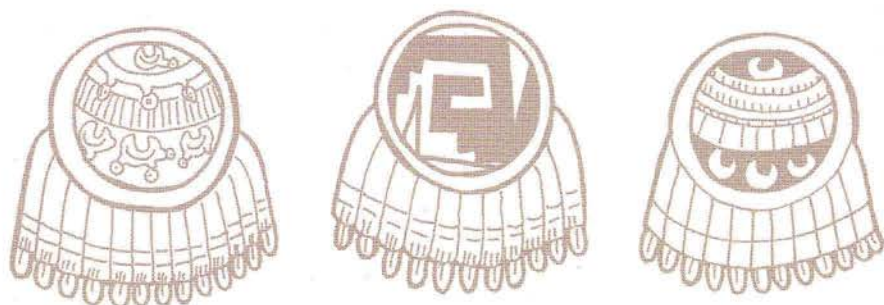
- 1526–1527** Писарро отплывает во вторую экспедицию на юг и достигает Эквадора, где выменивает золото, лам и разные предметы роскоши, наглядно свидетельствующие о существовании обширной империи инков в Перу.
Император инков Уайна Капак умирает от оспы. Его сыновья Атауальпа и Уаскар оспаривают власть над империей.
Франсиско де Монтехо начинает кампанию против майя на Юкатане.
- 1528** Кортес и Писарро возвращаются в Испанию, где встречаются с императором Карлом. Кортес получает титул маркиза дель Валле де Оахака (долины Оахаки). Писарро поручено вторжение в инкскую империю. Сменив Веласкеса на посту губернатора Кубы, Нарваэс возглавляет неудачную экспедицию во Флориду. Среди немногих спасшихся и достигших Мексики после восьми лет плена и странствий – офицер Кабеса де Вака. Его доклад вдохновляет походы де Сото и Коронадо.
- 1529–1530** Нуньо де Гусман покоряет западную Мексику.
Договор в Камбрэ завершает войны между Францией, Италией, Испанией и Священной Римской империей в Европе.
- 1531–1535** Писарро с отрядом в 160 человек вторгается в Перу. Эрнандо де Сото командует у него кавалерией. Услышав, что Атауальпа направляется на юг, чтобы объявить себя императором в Куско, Писарро перехватывает его в пути и предает казни. Затем испанцы проходят 800 миль, пробиваясь к столице инков, где правят два года от имени Манко, сына Уайны Капака. Основана Лима, новая столица Перу. Кортес возглавляет экспедицию к Калифорнийскому заливу. Франсиско де Монтехо совершает походы в Табаско и Кампече.
- 1535** На смену конкистадорам приходят чиновники. Антонио ди Мендоса становится первым вице-королем Новой Испании, создав административную систему, которая просуществовала до 1821 г.
- 1539–1542** Эрнандо де Сото, отправившийся в поход с Кубы, захватывает Флориду, затем двигается на север и восток, ведя военные действия против индейцев-мускоги от Джорджии до Луизианы, пока не умирает от лихорадки. Командование экспедицией принимает Луис де Москоско, который с остатками испанского отряда отступает в Мексику. Хуан Родригес Кабрильо исследует тихоокеанское побережье Калифорнии и Орегона.
- 1540–1542** Франсиско Васкес де Коронадо вторгается на юго-западные территории нынешних Соединенных Штатов. Он ведет войну против индейцев суни и племен пуэбло, живущих по берегам Рио-Гранде, пока не теряет надежду на победу и не возвращается в Мехико.
- 1541** Педро де Альварадо умирает от ран в Гвадалахаре, Мексика. В Лиме, в Перу, убит Писарро.
- 1547** Кортес умирает в Кастильеха-де-ла-Куэста в окрестностях Севильи, в Испании.

colhuacan. pueblo.

tanayucan. pueblo/

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЙНЫ

ИСПАНИЯ

В начале XVI столетия в Испании только что подошел к концу восьмивековой период гражданских войн, собирательно называемых Реконкистой, или Мавританскими войнами, в ходе которых северные королевства Иберийского полуострова, Кастилия и Арагон, сражались за освобождение земель, захваченных маврами в VIII в. В 1492 году пала мавританская Гранада, последний оплот мусульман, и в тот же год перед еврейским населением Испании был поставлен выбор между изгнанием и обращением в христианство. Хотя испанцы считали Реконкисту войной за изгнание чужеземцев, мавры уже давно стали неотъемлемой частью испанского общества и не могли считаться чужеземцами. То же самое можно было сказать о многочисленном еврейском населении, которое внесло огромный вклад в философию, науку и экономику.

В последние годы Реконксты идея единой испанской нации была скорее умозрительной. Иберийский полуостров был поделен между тремя доминирующими королевствами: Португалией на западе, Кастилией в центре и Арагоном на востоке. Португалия была самой богатой и могущественной, однако менее всего заинтересованной во внутрииберийских делах, так как все силы у нее уходили на африканские колонии, которые были источником богатства. Кастилия и Арагон тем временем смогли поглотить множество более мелких королевств, из которых только два – христианская Наварра на севере и мусульманская Гранада на юге – смогли сохранить ненадежную независимость. Династический брак между королевой Кастилии Изабеллой и наследным принцем Арагона Фердинандом, заключенный в 1469 г., означал конец независимого существования этих двух государств и рождение единой Испании.

Первой пала Гранада – она сдалась в январе 1491 г. Ее падение и успех первого плавания Колумба в 1492–1493 гг. вызвал в народе подъем, а также волну национализма и религиозной ксенофобии. Испанцы теперь видели себя участниками великого национального движения, смешанного с религиозным усердием. Патриотизм и религиозное рвение поддерживались обещанием богатства. Первую волну пере-

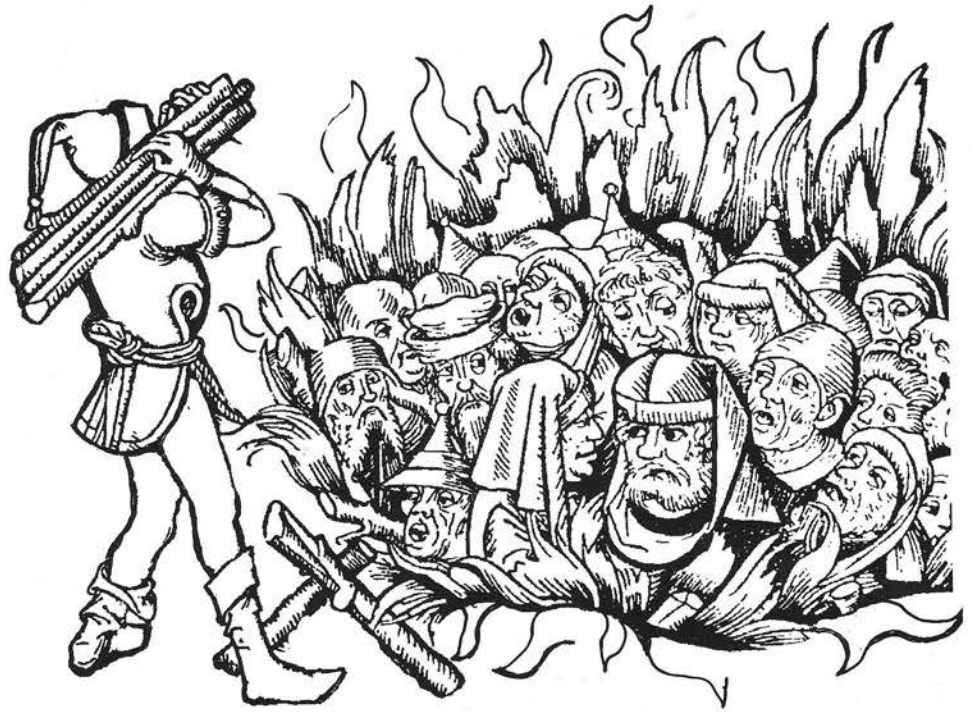
ВВЕРХУ

Ацтекские щиты (иллюстрация Джона Пола из «Кодекса Мендосы»)

НАПРОТИВ

Основание и рост города Теночтитлан в Мексике (иллюстрация из «Кодекса Мендосы»). Орел, сидящий на кактусе, изображает основание города, а щит над связкой стрел (символ войны), украшенный семью шарами (символизирующими власть), – сам город. Справа от орла – символ цомпантли, подставки для черепов. Вокруг – племенные вожди, которые основали город. В нижней части – завоевание ацтеками соседних городов Кульхуакан (слева) и Тенайюка (справа), которые впоследствии сделались вассальными данниками. По периметру – названия месяцев ацтекского календаря: 13 – тростник, 12 – кролик, 11 – дом, 10 – нож и т. д. Они отмеряют первый календарный цикл существования города. («Кодекс Мендосы», том 2, Бодлейнская библиотека, Оксфорд)

Гравюра, изображающая сожжение протестантов, мусульман (мавров) и евреев. В конце XV в. Фердинанд и Изабелла предприняли попытку создать единую испанскую нацию, истребив всех некатоликов. Безжалостная политика нетерпимости с тем же рвением проводилась и в Западном полушарии и имела для аборигенов те же разрушительные последствия. (Иллюстрация Джона Пола)

селенцев, Колумба и его спутников, сменила вторая, еще более воодушевленная. С 1506 по 1518 г. в поисках новых земель из Испании в Индию отправилось более 200 кораблей.

Но у них были и более материальные мотивы. Предводители экспедиций, первопроходцы и завоеватели, часто происходили из мелкого дворянства, с длинными родословными, но без денег или влияния. Они надеялись приобрести богатство и власть в новооткрытых Индиях. Рядовые же стремились туда, чтобы сменить копанье в кастильской земле на менее трудоемкий способ обогащения. Многие кастильцы начала XVI в. жили в бедности и голодали. И, наконец, они желали освободиться не только от строгой иерархии церкви и дворянства, но от нарождающейся государственной бюрократии.

Однако при всем оптимизме и жажде приключений открытие того, что вскоре стали называть Новым Светом, оказалось болезненным – не только для индейцев, попавших под европейское владычество, но и для самих европейцев. Хотя Ренессанс и способствовал развитию культуры и классической науки, европейцы были совершенно не готовы к открытию нового континента и его населения. Когда они не могли объяснить Новый Свет при помощи своих истории, философии и науки, они обращались за ответами к религии. Понадобились столетия, чтобы понять, что же произошло, да и то не полностью. Встречаясь с аборигенами, непохожими на уже известные им народы, европейцы не были уверены, от бога они или от дьявола. Есть ли у них душа? Люди они или просто некая разновидность высших животных? То, что у индейцев существовала тысячелетняя культура, развивавшаяся в изоляции от остального человечества и потому чуждая пониманию, только ухудшало дело.

Человек своего времени, Христофор Колумб многим современным ученым видится невежественным, неумелым, тщеславным и алчным. Именно Колумб наметил гибельный и непоправимый курс испанской военной политики в Карибском регионе.

К 1517 г. испанцы закрепились не только в месте своей первой высадки на Эспаньоле, но и в Дарьене (Панама), на Ямайке, Пуэрто-Рико и Кубе. Они ходили в походы за рабами на острова Гондурасского залива и к берегам Никарагуа и Флориды. Однако западная часть Мексиканского залива и северо-западные Карибы оставались неисследованными. Чтобы исправить положение, губернатор Кубы дон Диего Веласкес послал две экспедиции с целью исследования этих мест. Первая из них, предводимая Франсиско Эрнандесом де Кордовой, попыталась в 1517 г. высадиться на западном побережье Юкатана, но подверглась нападению майя. Большинство ее участников погибло, а сам Кордова позднее умер от ран. Однако донесение о народе, живущем в огромных городах, убедило Веласкеса через год финансировать следующую экспедицию, которую возглавил его племянник Хуан де Грихальва. Как и Кордова, Грихальва встретился с сопротивлением при попытке высадиться на территорию майя, но, продвинувшись вдоль побережья дальше на север, он нашел более склонных к торговле ацтеков и тотонаков Веракруса. Вскоре стало ясно, что среди индейцев материка существует множество политических разногласий, которые взял на заметку и впоследствии использовал Кортес.

Кордова и Грихальва формально приняли во владение от имени испанской короны побережье Юкатана и Кампече, а Веласкес, который ходатайствовал о своем на-

Вторжение на Кубу

В начале XVI в. большая часть туземного населения Эспаньола вымерла от войн, болезней и принудительных работ по энкомьенде, так что конкистадоры начали исследовать другие острова в поисках золота и рабов. После завоевания юго-восточной части Эспаньола Понсе де Леон, узнав о том, что золото и многочисленное аравакское население имеются на острове Пуэрто-Рико, предложил организовать туда экспедицию. К 1509 г. он покорил местных индейцев, обратив многих из них в рабство, а также награбил достаточно золота, чтобы стать одним из самых богатых людей на Карибах. Его успех воодушевил других конкистадоров на аналогичные предприятия. Два года спустя Диего Веласкес де Куэльяр вторгся на Кубу и совершил там массовые неспровоцированные убийства индейцев, как он делал

это и на Эспаньоле. Именно там Кортес приобрел свой наиболее ценный военный опыт. В этой кампании решающую роль сыграли собаки, которые обнаруживали индейские засады в густом лесу, давая испанцам время подготовиться к бою. Обычно это были волкодавы. Впервые их использовали в 1493 г., и они оказались так эффективны, что их считали стоящими десятка солдат в схватке против араваков, вооруженных только копьями. Одним из самых знаменитых псов был Бекерильо («Теленок»), который убил столько индейцев, что Понсе де Леон положил ему дополнительно жалование лучника и половинный пай в добычу. Впоследствии прочие конкистадоры, в том числе и Кортес, казнили пленников, спуская на них своих «псов войны». (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

значении губернатором новооткрытых территорий, решил отправить третью экспедицию, под командованием Эрнана Кортеса. Хотя Веласкес и не доверял Кортесу, чей военный опыт ограничивался сравнительно легким завоеванием Кубы, но, тем не менее, Кортес являлся сильной фигурой в кубинской политике и хорошо разбирался в людях. У него были деньги и кредит на риск, а губернатор не любил рисковать собой и своей собственностью. Сомнительно, чтобы тогда кто-нибудь – кроме, может быть, самого Кортеса – подозревал, что это назначение может изменить всю мировую историю.

Этот примечательный человек родился в Медельине в 1485 г., в семье дона Мартина Кортеса де Монроя и его жены доньи Каталины Писарро де Альтамирано, происходивших из мелкого дворянства. Эрнан был болезненным ребенком и несколько раз едва не умер. В религиозно насыщенной атмосфере того времени его спасение было приписано святому Петру, к которому впоследствии он обращался за поддержкой в начинаниях. В четырнадцать лет его послали в университет Саламанки, где он изучал право и изнывал от скуки и безразличия, несмотря на свои способности. Через два года он, используя в качестве предлога недостаток денежных средств и хроническую болезнь, бросил учебу и вернулся домой. После этого он около года бесцельно странствовал по Испании и в южных портах, несомненно, слышал рассказы моряков об Индиях. В 1504 г. он отплыл на Санто-Доминго, где получил во владение землю и индейцев. Благодаря семейным связям с губернатором доном Николасом де Овандо Кортес был назначен нотариусом городского совета Асуа.

К 1511 г. Кортес был преуспевающим плантатором на Санто-Доминго. Тем не менее он сопровождал Веласкеса в походе на Кубу, занимая тогда должность помощника казначея. Приобретя в собственность индейцев, Кортес поделился ими с Хуаном Хуаресом, на чьей сестре Каталине он женился. Вскоре Кортес вступил в конфликт с Веласкесом. Оба они являлись волевыми людьми и желали играть решающую роль в кубинских делах. Кортес возглавил фракцию, которая тайком подрывала позиции Веласкеса, о чем проницательный губернатор был осведомлен. Однако ни один из них не имел достаточной силы, чтобы свергнуть другого, и в результате установилось непрочное сотрудничество, то и дело прерываемое вспышками вражды. Это стало одной из причин, по которым Веласкес предложил, чтобы Кортес возглавил экспедицию в Мексику, – во главе отряда становился компетентный командир, а сам губернатор избавлялся от неудобного человека. Веласкес не понимал, что выпускает джинна из бутылки.

АЦТЕКИ

Это наименование служит предметом дискуссий. Слово «ацтек» не является исконным, хотя и имеет под собой некую культурную основу. Впервые его использовал европеец, исследователь-натуралист Александр фон Гумбольдт, а позднее оно приобрело популярность благодаря опубликованной в 1843 г. «Истории завоевания Мексики» Уильяма Г. Прескотта. Ацтек – всего лишь эпоним, образованный от названия Астлан, «Страна Белой Цапли», легендарной прародины семи пустынных племен чичимеков, которые чудесным образом явились из пещер в сердце священных гор к

северу от долины Мехико (здесь и далее дается традиционный и более привычный для нас перевод названия *Mexico*, хотя на ацтекском языке науатль оно произносилось как «Мешико». – Прим. переводчика). Они вели мирную жизнь, занимались охотой и рыболовством, пока боги не велели им совершить завоевание. Чичимеки пустились в путь и однажды увидели, как молния ударила в дерево и расщепила его. Седьмое и последнее из племен, членов которого правильно именовать мешиками, приняло это за знак отделиться и следовать своей собственной судьбе. Оно странствовало еще много лет, иногда живя охотой, иногда оседая и возделывая землю, но никогда не оставалось на одном месте надолго. После падения Тулы (Толлана), столицы государства тольтеков, владычествовавшего в Центральной Мексике с IX по XIII в., мешики решили двинуться на юг к озеру Тешкоко (Тескоко).

Истощенные и не имеющие союзников, мешики вскоре подверглись нападению местных тольтекских вождей, под напором которых им пришлось отступить на остров посреди озера. На этом острове они увидели чудесное явление: орла, сидящего на выросшем из скалы кактусе. Это был знак Теночтитлана, конца пути. Не имея за душой ничего, кроме славы свирепых воинов, мешики могли лишь наниматься к враждующим тольтекским вождям. Постепенно они смогли так повлиять на баланс сил в регионе, что получили право на браки с представителями царствующих семей. Став наиболее могущественным племенем из семи изначальных ацтекских племен, мешики инкорпорировали бывших соперников и вместе с ними завоевали империю. Впоследствии они дали свое имя мексиканскому народу, а их город Теночтитлан превратился в современный Мехико-сити. Историки продолжают применять термин «ацтеки» к археологической культуре, доминировавшей в окрестностях Мехико, однако следует понимать, что этнически люди этой культуры имели между собой весьма заметные различия.

Теночтитлан был разделен на четыре района. Каждый район состоял из пяти кварталов, образованных землевладельческими родами и носивших название «кальпулли». Это ацтекское слово буквально означает «группа домов». По большей части кальпулли были населены крестьянами, возделывавшими зерновые и бобы на природных террасах-чинампах, а также ремесленниками. Через столицу проходили шесть главных каналов и множество более мелких, которые позволяли добираться в любое место города на лодках, что было очень удобно при доставке грузов на остров. Ученые считают, что население Теночтитлана в 1500 г. составляло от 200 000 до 250 000 человек, что в четыре раза больше, чем в Лондоне того времени.

Испанцы, впервые вошедшие в Теночтитлан с Кортесом, дивились широким мостовым и каналам, а также храмам бесчисленных божеств и столь же поражающим воображение особнякам знати и жрецов, которые жили близко к императору и состояли при его дворе. Служившие у Кортеса ветераны Итальянских войн сравнивали этот город с Венецией, но не меньше остальных удивлялись тому, что такая столица находится на противоположной стороне света. В городе имелся центральный рынок, на котором тысячи людей продавали все что угодно, от золота, серебра, самоцветов, раковин и перьев до необработанного камня, кирпичича-сырца и древесины. Каждая улица была отведена одному из сообществ – от гончаров до красильщиков, и за соблюдением строгих правил обмена следили особые судьи. Торговали всем, что

Осада Коиштлауаки, 1458

Между 1300 и 1450 г. Коиштлауака стала одним из богатейших царств Мезоамерики – благодаря контролю над главными торговыми путями, связывавшими Центральное Мексиканское нагорье с Веракрусом, Оахакой и Чьяпасом. Каждый год торговцы со всей Мезоамерики прибывали на огромные рынки этого царства, чтобы торговать там золотом, бирюзой, перьями тропических птиц, какао, кошенилью и даже особыми тканями из кроличьего пуха. Владыка Атональ добился огромной политической власти, участвуя в переговорах по заключению союзов между миштеками, чочо-пополько, восточными науа и полудюжиной других племен. Ища повода для разгрома этой древней конфедерации, ацтеки обвинили Атоналя в убийстве ста шестидесяти ацтекских торговцев. Затем Монтесума I и Несауалькойотль собрали армию в 300 000 воинов, из которых не менее 120 000 были носильщиками, и начали первую кампанию Тройственного союза.

Владыка Атональ сражается против ацтеков, используя широкую легкую дубинку, усаженную острыми кремнёвыми чешуйками. Он носит бирюзовую корону, как и подобает тольтекскому владельцу-текутли, и излюбленное миштекской знатью длинное одеяние шиколли. Вождь из народа чочо, защищающий укрепление вместе с Атоналем, носит плетеную корону и особый короткий панцирь-ичкауипилли из стеганого хлопка. Изображение первого предводителя воссоздано по рисунку из Lienzo Selzer II, второго – по Селденскому свитку. Оба манускрипта представляют собой пиктографические хроники предположительно коиштлауакского авторства. Атональ сражается отважно, но ацтеки наголову разбили его войско, прежде чем успели подойти союзники. Пленный правитель был удушен, многие его люди ритуально умерщвлены перед Великим Храмом Теночтитлана (Адам Хук, © Оспри Пабблишинг Лтд.)

ПРЕДЫДУЩИЙ РАЗВОРОТ
Храм Пернатого Змея в Теотиуакане с резными головами бога Кецалькоатля, или Пернатого Змея, и Тлалока, круглоглазого бога дождя. Храм был построен за несколько столетий до прихода ацтеков, которые включили этих богов в свой пантеон. (© Филип Бэрд, www.anthroarchaeology.org)

шло в пищу, – собаками, кроликами, оленями, индейками, перепелами, всевозможными фруктами и овощами.

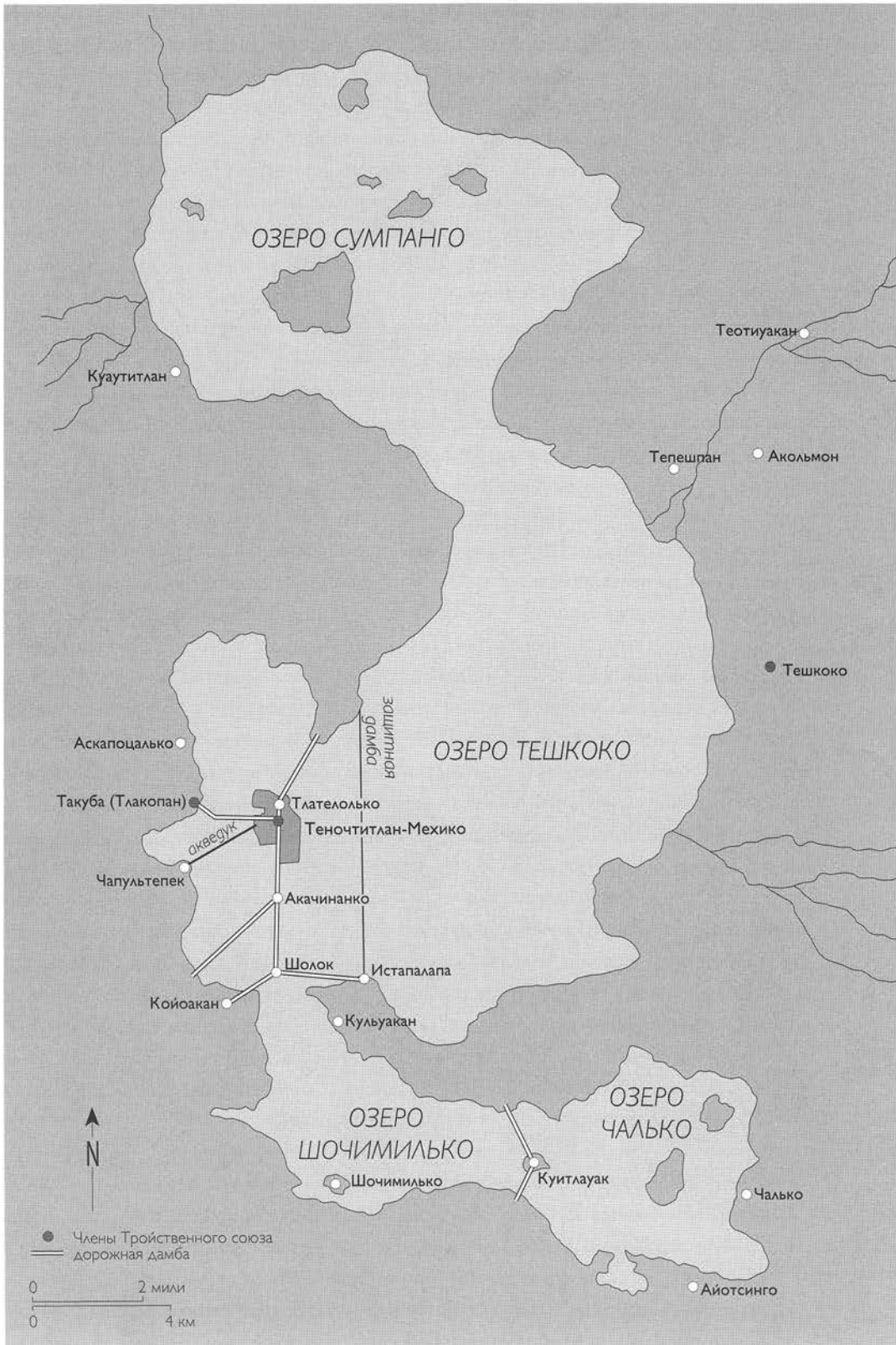
К городу вели три главные мощные дороги, заканчивавшиеся подъемными мостами. В случае опасности мосты поднимали, и город оказывался полностью изолированным и готовым к обороне. Вода подавалась в город посредством системы акведуков, главный из которых шел от источника на горе Чапультепек, находившейся на мысе к западу от города. Хотя в каждом из четырех районов города были свои храмы, посвященные главным богам ацтеков, все затмевал Великий Храм, рукотворная гора, построенная в центральном районе и увенчанная двумя храмами, посвященными тольтекскому богу бури Тлалоку и чичимекскому богу войны Уицилопочтли. Его окружал город внутри города, площадью приблизительно 1200 кв. м., где находились храмы, общественные здания, дворцы и площади. Этот внутренний город был обнесен защитным сооружением – коатепантли, или змеиной стеной, названной так из-за своих украшений в виде высеченных из камня змеиных голов.

Официально Теночтитлан был основан в 1325 году, но ему понадобилось более столетия, чтобы вырасти и стать столицей империи. В период между 1372 и 1428 г. мешикские верховные вожди, которых называли уэй тлатокуэ, или «великие говорящие», Акамачитли и его преемники Уицилиуитль и Чимальпопока подчинялись деспотичному Тесосомоку – правителю государства тепанеков Аскапоцалько. Они принимали участие в его завоеваниях и преуспели в расширении границ своих владений на юг и восток от озера. В 1427 г. Тесосомок умер, к власти пришел его сын Маштла, который приказал убить Чимальпопоку. Вместо убитого Чимальпопоки мешики быстро избрали своим тлатоани (великим вождем) его дядю, военачальника Ицкоатля. Ицкоатль заключил союз с Несауалькойотлем, изгнанным наследником трона Тешкоко, царства акольхуа на восточном берегу озера. Совместно они пошли войной на Аскапоцалько. Осада длилась не одну сотню дней и закончилась только тогда, когда Маштла отрекся от трона и отправился в изгнание. Ицкоатль и Несауалькойотль наградили тепанекских властителей Тлакопана, которые помогли им свергнуть тирана. Из тройного союза Теночтитлана, Тешкоко и Тлакопана образовалась новая ацтекская империя.

В 1440 г. Ицкоатль умер. Ему наследовал его племянник Монтесума Ильуикамина. Монтесума I, как его стали называть впоследствии, определил направление ацтекской экспансии до конца XV в. К западу от Мехико простиралась владения тарасков, которые контролировали оживленную торговлю предметами роскоши, доставлявшимися из Южной Америки морским путем вдоль тихоокеанского побережья на полуостров Байя. К югу и востоку находились богатые союзы сапотеков, миштеков и восточных науа, причем науа приходились ацтекам родней и одновременно соперниками в борьбе за власть над Южной Мексикой. Верховный жрец Тлаказельель посоветовал Монтесуме сначала основать базу для действий на периферии этих могущественных государств. Затем Монтесума предпринял походы на территорию нынешних мексиканских штатов Морелос и Герреро, откуда его имперские армии могли совершать нападения, длившиеся месяцами, а иногда и годами.

Вскоре после восшествия на престол Монтесума потребовал, чтобы все города-государства Долины Мехико доказали свою лояльность к Теночтитлану, поставив

НАПРОТИВ
Долина Мехико, 1519
Осушение озер началось во времена колонизации и продолжалось до XIX в. Современный Мехико-сити занимает практически всю территорию бывшего озера Тешкоко и район к западу от него. Акведук доставлял в Теночтитлан воду из источников на горе Чапультепек. Дамба служила для удержания солоноватой озерной воды

строительные материалы и рабочих для возведения Великого Храма, посвященного древнему тольтекскому богу бури Тлалоку и чичимекскому герою Уицилопочтли. Город-государство Чалько, полагаясь на союз с миштеками и восточными науа, отказался выполнять требования ацтеков и был ими покорен в 1453 г. После этого ацтеки, избегая прямых столкновений с восточными науа Тлашкалы, выступили против уаштеков и тотонаков, живших на атлантическом побережье. Используя множество уловок, имперская армия вскоре покорила почти весь северный Веракрус, что дало империи богатую добычу – редкие раковины, хлопок, какао, золото и бесценные перья тропических птиц. Встревоженные этим рискованным обходным маневром, восточные науа приготовились к прямому нападению на Тлашкалу, Уэшоцинка или даже центр паломничества тольтекского бога-человека Кецалькоатля в Чолуле, но ацтеки выжидали.

В 1458 г. ацтекская армия совершила еще один «марш-бросок», пройдя 5000 миль (около 800 км) на юг от Долины Мехико и осадила миштекское царство Коиштлауака, располагавшееся на территории нынешнего штата Оахака. По имеющимся сведениям, военная экспедиция была организована Монтесумой Ильуикаминой ради мести за убийство 160 торговцев, совершенное Атоналем, владыкой Коиштлауаки. Сама численность сил вторжения, достигавшая 300 000 человек, ясно свидетельствовала о том, что это не просто карательная экспедиция. Атональ запросил поддержки у других миштекских государств, таких как Тепосколула, Тилатонго и Тлашиако, а также у городов-государств восточных науа Чолулы, Уэшоцинка и Тлашкалы, являвшихся его союзниками. Однако эта помощь запоздала, и ацтеки еще до ее прибытия разгромили Коиштлауаку. Атональ был удушен, многие его воины взяты в плен и позднее принесены в жертву в Великом Храме Теночтитлана. Десятки городов-государств и царств Пуэбло и Оахаки были потрясены поражением. Это был конец эпохи небывалой независимости и процветания Мезоамерики.

В 1468 г. Монтесуму сменил на троне его сын Ашайакатль. Еще в бытность свою наследником он проявил себя как способный военачальник, возглавив поход против сапотекос Теуантепека. Теперь он собирался продолжить завоевания своего блистательного отца, полностью окружить Тлашкалу и распространить свою власть на уаштеков и миштеков. Согласно легенде, Ашайакатль и его дядя Тлакаэзель приказали воздвигнуть в центральной части Теночтитлана новый монумент в честь завоеваний империи – огромный круглый камень с высеченным на нем образом солнца. По традиции, они приняли помощь в его возведении в виде материалов и рабочих от Несуалькойотля, владыки Тешкоко, Тотокуиуацтли, владыки Такубы, и от правителей других ацтекских городов-государств:

«Когда этот камень был установлен на место, все присутствовавшие при этом люди, облеченные властью, обсудили, как они будут праздновать освящение Солнечного Камня и куда должны быть приведены для жертвоприношения пленники. Ашайакатль и Тлакаэзель потребовали от своих гостей остаться в Теночтитлане еще на один день, чтобы они могли предложить им объявить войну против Мичоакана» (Дуран, 1994: 277).

НАПРОТИВ

На этой странице из «Кодекса Мендосы» внизу изображены четыре воина. Подписи под их изображениями слева направо: тлакатекаль, тлакочкалькатль, уицнауатль и теокиауакатль. Продуманные облачения мексиканских воинов были созданы для устрашения противника не в меньшей степени, чем для защиты. («Кодекс Мендосы», том 67г, Бодлейская библиотека, Оксфорд)

Камень Койольшауки

Вследствие полного разрушения доколумбового Теночтитлана во время осады 1521 г. все, что нам известно о центральной, культовой части города, остается по большей части предположениями. Предположение, что Великий Храм мог быть расположен ниже сокала (городского центра) современного Мехико-сити, похоже, подтвердилось в 1790 г. находкой скульптурного монолита, известного как Календарный Камень (см. стр. 116), и статуи Коатликуэ, легендарной матери Уицилопочтли. Колониальные записи и диаграммы указывают, что площадь основания Великого Храма составляла приблизительно 300 квадратных футов (около 30 кв. м), он имел четыре или пять ярусов и был высотой 180 футов (примерно 50 м). По западной стороне шла лестница, которая заканчивалась у двух святилищ, расположенных на верхней площадке. Однако только систематические археологические раскопки могут подтвердить или опровергнуть свидетельства испанских завоевателей.

21 февраля 1978 г. рабочие-электрики в Мехико-сити копали траншею глубиной около шести футов к северо-западу от кафедрального собора и наткнулись на каменный блок. Немедленно на место

были вызваны археологи, которые и спасли находку – каменный диск диаметром 11 футов (3,4 м), с вырезанным на нем рельефом в форме человеческой фигуры. По золотым бубенчикам на щеках археологи опознали в изображении лунную богиню Койольшауки, «Украшенную бубенчиками».

По легенде, богиня угрожала божественному покровителю ацтеков Уицилопочтли, и он убил ее. Тщательное исследование камня Койольшауки привело руководителя раскопок Эдуардо Матоса Моктесуму к выводу, что памятник находится *in situ*, то есть он не попался на глаза испанцам, не был разбит и закопан, как многие другие рельефы. Вспомнив, что в легендах говорилось, будто тело Койольшауки было погребено у подножия горы, археологи высказали догадку, что Коальтепек, легендарное воплощение самого Великого Храма Теночтитлана, может лежать рядом с камнем. Вскоре они нашли часть огромной лестницы и массивные каменные головы змей, обозначающие Коальтепека, которые окружали подножие пирамиды. Так в соответствии с тысячелетней легендой был найден Великий Храм. (Джон Пол)

Мичоакан, что означает «Место рыб», был центром империи тарасков с миллионным населением, которой управлял наследственный правитель. Столица находилась в Цинцунцане на озере Пацкуаро. Хотя Ашайакатль собрал армию более чем в 20 000 человек, ему противостояла вдвое превосходящая по численности армия тарасков. Это встревожило, но не остановило Ашайакатля, и он приказал своим войскам атаковать. Битва продолжалась день и ночь. На следующее утро, когда его ударные войска потеряли лучших бойцов убитыми или тяжелоранеными, Ашайакатль принужден был с боем отступить и едва сумел вернуться в Теночтитлан с едва ли пятой частью своей армии. Солнечный Камень не получил обещанных подношений в виде сердец и крови, и поражение потрясло всю империю. Многие города-государства поспешили воспользоваться ситуацией и подняли мятежи. В 1481 г. Ашайакатль умер. Ему наследовал Тисок, который правил недолго и бесславно. Многие полагают, что он был убит собственными придворными.

В 1486 г. трон перешел к младшему брату Тисока Ауицотлю, который показал себя как выдающийся военачальник. Ауицотль реорганизовал армию и вскоре вернул большую часть территорий, утраченных предыдущими правителями. Затем он начал серию беспрецедентных по дальности военных походов. Обойдя тарасков, он преуспел в завоевании приморских районов Герреро, что дало ему свободный выход к стратегическим торговым путям вдоль тихоокеанского побережья через Акапулько. В 1497 г. он отвоевал значительную часть Оахаки, пройдя через Теуантепек в Чьяпас и продвинувшись на восток до нынешней гватемальской границы. Опасаясь за слишком отдалившиеся источники снабжения, он попытался вернуться, но обнаружил, что сапотеки его предали. И только когда Ауицотль согласился на неслыханный брак одной из своих дочерей и сапотекского правителя Кокихоэсы, а также уступил власть над только что завоеванной провинцией Соконуско, был заключен мир. И все же именно в правление Ауицотля империя достигла своего расцвета, ее власть распространялась на 25 миллионов человек, живущих на Мексиканском нагорье.

В период правления Монтесумы II, пришедшего к власти около 1503 г., ацтекская империя достигла вершины своего могущества. Толковый военачальник, Монтесума подавил мятежи в провинциях и завоевал новые земли. Только две части страны еще сохраняли способность сопротивляться ацтекам: могущественная империя тарасков на западе, на территории современных штатов Халиско и Мичоакан, и небольшое воинственное государство Тлашкала на востоке. Ацтеки склонялись к тому, чтобы оставить тарасков в покое, поскольку их империя была достаточно могущественна, чтобы борьба с ней закончилась ничем и нанесла серьезный ущерб. Однако с Тлашкалой и ее союзниками продолжалось нечто вроде «холодной войны», часто переходящей в открытые столкновения. Захваченных в плен врагов приносили в жертву богам ацтеков. Та же судьба ожидала ацтекских воинов, плененных врагами. В любом случае жертвы считались любимцами богов и, по поверью, попадали прямо в рай. После одного из поражений Монтесуме сообщили о принесении в жертву пленных ацтеков в городе победителей Уэшоцинко. «Ради такой судьбы мы и рождаемся, – сказал он, – для этого мы идем на битву, ведь такая смерть – счастье. Такую смерть славили наши предки».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВОЮЮЩИЕ СТОРОНЫ

КОНКИСТАДОРЫ

Введение

В своем исследовании «История Мехико» Хьюберт Хоув Банкрофт описал конкистадора XVI столетия «совершенно не таким, как современный солдат». Он пишет:

«Он был не просто машиной, он был великим игроком с судьбой. Он рисковал жизнью по своей воле. Если проигрывал – это хорошо, если выигрывал – еще лучше. Сотня проигрывала, один выигрывал, и каждый мог рискнуть и ввязаться в это состязание. Жизнь конкистадора являлась непрерывной азартной игрой, но в случае успеха его ожидали слава и богатство».

Короче говоря, конкистадор не был солдатом в общепринятом смысле этого слова. Хотя многие из соратников Кортеса имели военное прошлое и участвовали в Итальянских или иных кампаниях, они представляли собой, по сути, компанию авантюристов. Зачастую они сами оплачивали свои экспедиции, и многим из них приходилось брать займы, чтобы покрыть расходы. Им приходилось оплачивать оружие и коней. Помимо провизии и снаряжения, все солдаты платили казавшийся им непомерным взнос отрядному хирургу, который лечил от ранений и тропической лихорадки, а также аптекарям, поставлявшим лекарства. Вознаграждение же, если таковое было, состояло из доли от общей добычи, и они надеялись, что экспедиция окажется удачной и прибыльной.

Война и авантюры были у них в крови. Многие из них были не просто испанцами, а кастильцами, уроженцами страны, которая столетиями являлась передним краем войны против мавров. Кортес, завоеватель Мексики, и его дальний родич Франсиско Писарро, завоеватель Перу, были родом из кастильской провинции Эстремадура. Название ее означает буквально «особенно трудная». Эстремадура на-

ВВЕРХУ

Ацтекские воины. (Иллюстрация Джона Пола из «Кодекса Мендосы»)

НАПРОТИВ

Испанцы и тлашкальтеки сражаются с ацтеками. («Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

ходила на самой границе между христианской и мавританской частями Испании, она была полем боя между ними. Высокие унылые плато и продуваемые ветрами равнины, рощи коренастых, искривленных дубов и изобилие крепостей – эта земля всегда рождала суровых, самостоятельных и уверенных в себе людей.

Но не только природа и окружение ковали характер испанцев. Их культура была культурой войны, у них присутствовал дух крестоносцев, столетиями сражавшихся с неверными за правое дело христианства. Завершение Реконкисты в 1492 г. положило конец угрозе от одних неверных, но тут Христофор Колумб и его последователи открыли других. Эстремадура была более чем готова обеспечить Конкисте великих военачальников, которые впоследствии сформировали из своих земляков основу сил вторжения.

Организация и тактика

Испанская армия XVI в. не походила ни на одну армию Европы того времени. Она была закалена Реконкистой. Фердинанд был обязан своими успехами тому, что вооружил народ и сформировал из него ополчения – дело практически неслыханное в соседних странах, например во Франции, где привилегированное сословие обеспечивало свое выживание ограничениями на право иметь оружие и доспехи. После победы над маврами Фердинанд занялся претензиями Арагона на Неаполь и южную Италию, находившуюся тогда под угрозой французского вторжения. Французы имели все основания опасаться новой испанской армии. Испанские алебардчики не стеснялись сбрасывать цвет аристократии с коней, давая возможность стрелкам в упор палить из своих аркебуз и, пробивая пулями доспехи, буквально разносить беспомощных рыцарей в клочья. Это была настоящая угроза социальному порядку, и к 1500 г. испанский солдат-горожанин стал самым эффективным солдатом Европы со времен римских легионеров.

До XV в. испанское дворянство было разделено на множество кланов и предпочитало вести войну с опорой на оборону замков. Военные походы имели относительно небольшой масштаб, и для их проведения, как правило, собиралась армия из тяжеловооруженной конницы, поддержанной лучниками, которые главным образом исполняли роль прикрывающего заслона. Феодальная организация испанского общества подразумевала, что каждый дворянин – это воин, хотя к его боевой подготовке предъявлялись лишь минимальные требования в виде элементарных навыков верховой езды, владения копьем, мечом и щитом. Собранные с большим трудом в одну армию, рыцари обычно прибывали небольшими отрядами и редко сражались согласованными тактическими подразделениями. Поскольку главным для рыцаря считалась «доблесть», то умение, тактика и стратегия играли небольшую роль. При виде противника ничто не могло удержать рыцаря – он поднимал щит, опускал копье, давал коню шпоры и рвался вперед. После боя долг службы считался исполненным, и оставшиеся в живых возвращались в свои владения.

В XV в. ситуация начала меняться. Возросшее благосостояние, усовершенствованные средства связи и улучшенные дороги позволили соперничающим правите-

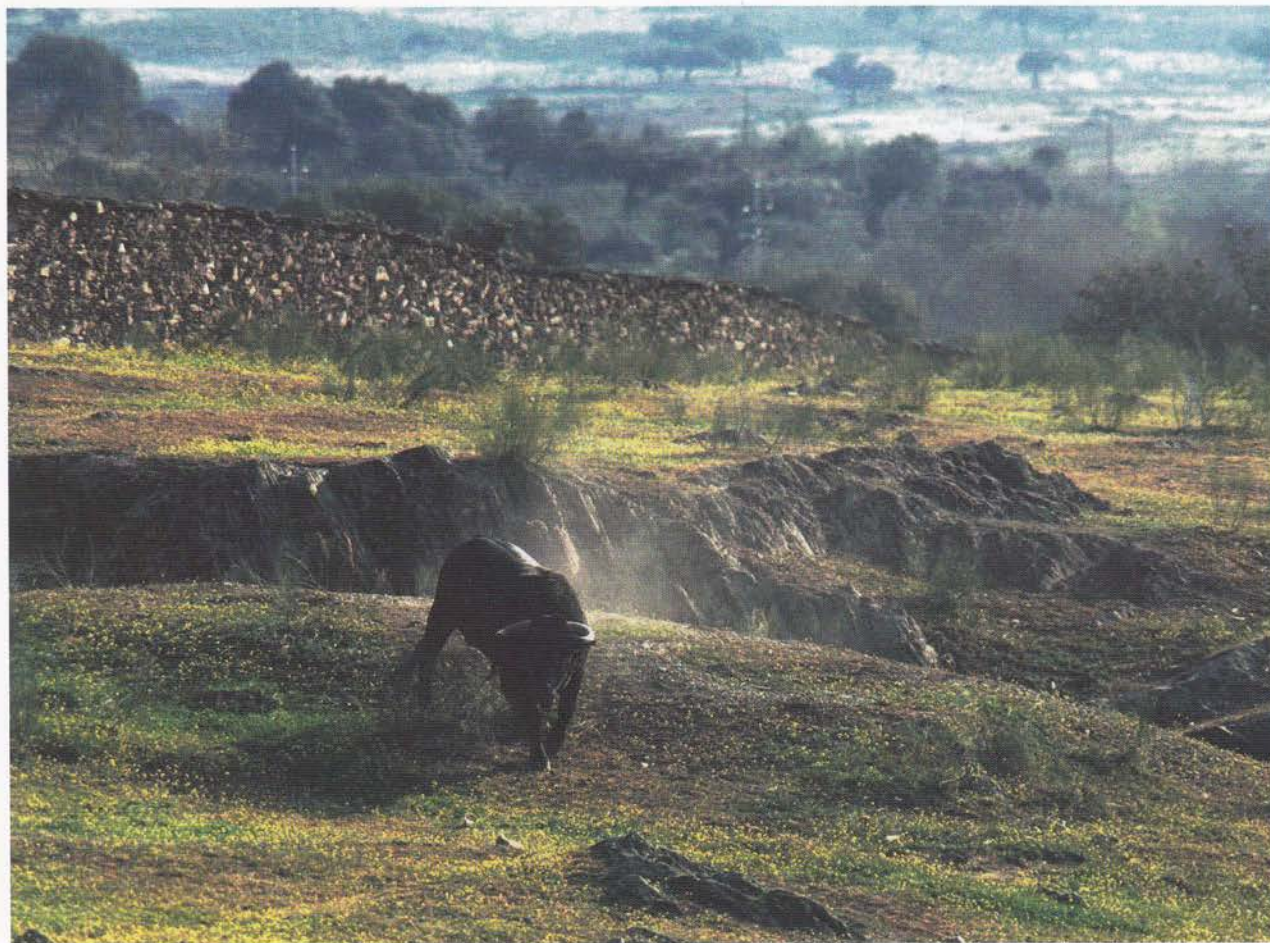

Типичные участники Реконквисты и Итальянских войн начала Ренессанса. Доспехи, оружие и снаряжение те же, что были в распоряжении конкистадоров. (Карл Хэберлин, иллюстрация XIX в.)

лям нанимать отряды профессионалов, привыкших использовать такое смертоносное оружие, как арбалеты, аркебузы и пушки. Многие наемники происходили из нарождающегося третьего сословия – горожан, торговцев, ремесленников, которые придавали особое значение образованию в области искусства, науки и техники. Господство тяжелой конницы закончилось с появлением новых способов боя, основанных на плотных построениях пехоты. Поначалу основу пешего войска составляли отряды по 50 человек во главе с капитаном, но к 1500 г. число людей в таких частях увеличилось до 200, и они превратились в формирования, которые позже, в середине XVI в., получили название «терции» (исп. *tercios*).

Испанские пехотинцы добились успеха в горах Андалузии, сражаясь против мавров, но на обширных итальянских равнинах они встретились с совершенно другим противником – швейцарскими наемниками. Первая испанская армия прибыла в Италию в 1495 г., горя от нетерпения испытать свои умения в сражениях с французами. В битве при Семинаре испанцы столкнулись лицом к лицу с восемью сотнями швейцарских пикинеров (пеших копейщиков). Отважные и великолепно подготовленные швейцарцы сражались 18-футовыми копьями (ок. 5,5 м) примерно так же, как македонская фаланга. Швейцарцы быстро наступали колоннами по три линии глубиной, полагаясь на стремительность атаки, которая должна была смести противника.

Разбитые, несмотря на стойкое сопротивление, испанцы вскоре приспособились к новому противнику. В 1503 г. при Чериньоле их пехота состояла из равного числа аркебузирова, пикинеров и мечников. В начале испанские аркебузиры обстреляли

Многие конкистадоры, в том числе Кортес, Альварадо и Писарро, были родом из Эстремадуры, провинции на западе Испании. Провинция эта известна обширными каменистыми равнинами, более пригодными для скотоводства, чем для земледелия. После опустошительной засухи в начале XVI столетия многие местные уроженцы стремились попытаться счастья на войне. В наши дни на этой скалистой земле выращивают быков для корриды. (Topfoto/The Image Works)

вражеский строй залпами, а пикинеры выстроились «ежом». Образовавшиеся после концентрированного обстрела разрывы в строю были использованы солдатами в тяжелых доспехах, которые вклинились в плотный строй и стали рубить противника, в то время как длинные копья швейцарцев в ближнем бою стали бесполезны. Это сочетание оказалось непревзойденным и хорошо послужило испанцам против ацтекских армий.

Выдающиеся победы испанцев в Италии были возможны только под командованием выдающегося полководца. Во время Реконксты Фердинанд и Изабелла хорошо понимали, что при выборе командующего военные таланты важнее, чем благородное происхождение. В результате они постоянно выдвигали простоллюдинов и награждали их званиями и золотом. Одним из них был Гонсало Фернандес де Кордова, который взлетел выше всех и стал примером для подражания у конкистадоров.

Кордова был младшим сыном богатого кастильского землевладельца и мог унаследовать очень малую часть достояния своего отца. Сначала он искал удачи в качестве солдата и сражался то за одного, то за другого властителя по всему Иберийскому полуострову. Во время Гранадской кампании Кордова привлек внимание Фердинанда и Изабеллы своим умением вести как маневренные боевые действия,

так и осады. Он быстро выдвинулся при дворе и в 1495 г. получил пост главнокомандующего испанскими экспедиционными силами в Италии. Усвоив полученный при Семинаре урок, Кордова превратил испанскую армию в устрашающую боевую машину, которая одержала победу при Чериньоле и нанесла окончательное поражение французам при Гарильяно в 1504 г., за что Кордова был назначен вице-королем Неаполя.

Кордова славился учтивостью, обладал невероятной физической силой и являлся прекрасным наездником. Он был учтив даже на поле боя. Будучи глубоко религиозным человеком, он носил с собой образ младенца Иисуса и выказывал настоящее милосердие к поверженным врагам, предпочитая предложить им почетные условия, чем разграбить и сжечь город, как того требовали законы войны. Конкистадоры, будучи людьми безжалостными, постигли преимущества дипломатии и создания союзов от человека, которому дали почетное прозвище «Великий Капитан».

В то время как Кордова воодушевил своим примером будущих предводителей Конкисты, Колумб предложил величайшее техническое новшество. До конца XV века в прибрежных водах Европы для перевозки грузов использовались тяжелые корабли, карраки. О навигации в открытом море было известно мало, и искусство мореплавания в основном включало в себя плавание вдоль берега во избежание шквалов, врагов и прочих неприятностей. Ранние карраки имели прямое парусное вооружение, дававшее им приличную скорость, но только при наличии благоприятного ветра. Только благодаря каравеллам, которые были меньше размером и вдохновлены мавританскими образцами, Колумб смог не только быстро пересекать

Типичное европейское оборонительное построение аркебузир и пикинеров в каре. В битве при Отумбе в 1521 г. ацтеки окружили Кортеса и его людей, пытаясь вызвать у них панику. Однако испанцы, выстроившись плотными каре, отразили атаку стрельбой из аркебуз и арбалетов, в то время как конники внезапной атакой смешали ряды противника. (Деталь гравюры, опубликованной Теодором де Бри, 1592)

Моряки, подобные этим, изображенным на рисунке 1529 г., высоко ценились в армиях конкистадоров. Они не только вели корабли через неизвестные моря при любой погоде, но и занимались инженерными работами на суше. В большинстве своем они были португальского, генуэзского и неаполитанского происхождения. (Вайдитц, 1927)

НАПРОТИВ СЛЕВА

Стереотип конкистадора – закованный в броню рыцарь. Хотя на изображения, сделанные индейцами – очевидцами событий, этот образ явно попал из религиозных процессов, которые устраивали в испанских колониях в честь конкистадоров. Например, у этого всадника из «Флорентийского кодекса» на голове бургиньот, шлем конца XVI в., который использовали для различных официальных церемоний и никогда не носили в бою. («Флорентийский кодекс», том 12, часть 22, Американский музей естественной истории)

НАПРОТИВ СПРАВА

Проблема с перевозкой лошадей на кораблях решалась при помощи сложной системы растяжек и ремней, которыми животных привязывали в стойлах. Лошади стоили дорого, в среднем по три тысячи песо, и были совершенно необходимы в экспедициях конкистадоров. (Вайдитц, 1927)

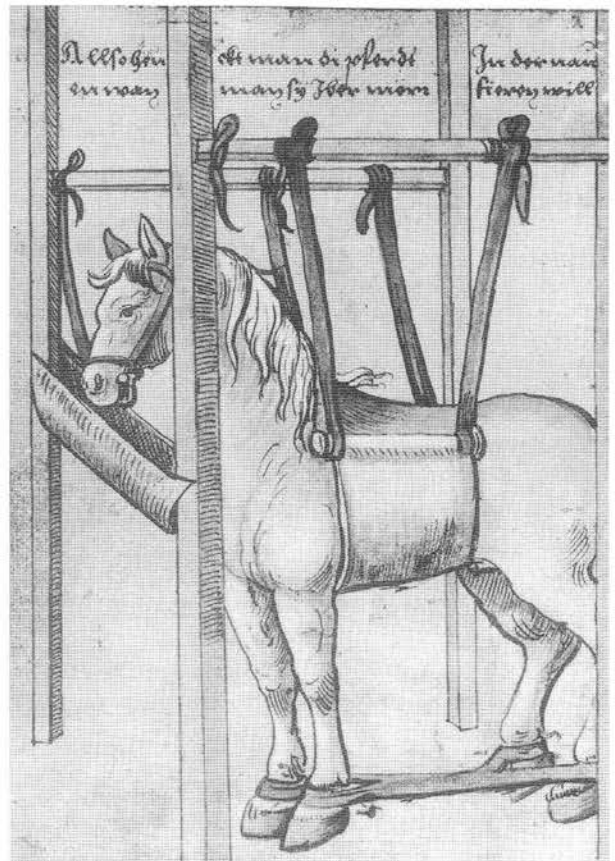
открытое море, но и использовать узкие проливы и глубокие гавани, характерные для Карибских островов и Мексиканского залива. Новаторское сочетание прямого и косо́го парусного вооружения позволило мореплавателям по-настоящему ходить под ветром и значительно улучшило маневренность, скорость и дальность кораблей. Каравеллы стали легендой в истории географических открытий, но в военном деле они были еще более эффективны. Эти корабли позволили испанцам атаковать территории противника с подвижной базы. Противник не мог определить, когда и где могут высадиться испанцы, и сосредоточить там свои силы для обороны. Новые корабли могли снабжать достаточным количеством припасов целые армии на месяцы и даже годы – при условии доступности дружеских портов.

Однако тем, кто пускался в путь на корабле в XVI в., предстояли шесть недель мучений. Большую часть этого времени они оказывались запертыми в ограниченном пространстве под палубой, где царила вонь от испорченной пищи, крыс, животных и нечистот. Однако они как-то переносили все это, скрашивая жизнь азартными играми, песнями и танцами – всем, чем угодно, лишь бы отвлечься от окружающей обстановки. Они обожали баллады о великих героях – Карле Великом, Роланде и особенно о Сиде, иберийском воителе XI века. В то время книги сделались более доступными, и на кораблях могли читать их вслух для развлечения. Прочитанное производило на испанцев такое глубокое впечатление, что впоследствии они назвали множество новооткрытых земель в честь описанных в книгах стран – Амазония, Калифорния, Патагония. Название Антильских островов возводили к легенде об Атлантиде. Многие считали, что все эти истории – чепуха, но признавали легенды о золотом веке и серебряном веке, бывших прежде грехопадения Адама и Евы. Конечно, эти истории о забытых странах имели под собой некоторое основание, и поиски их были только делом времени.

Одежда и вооружение

Несмотря на то что в Испании были созданы национальные вооруженные силы, специально установленного обмундирования у них в XV и XVI вв. не существовало. Солдатам полагалось одеваться за свой счет. Многие начинали свою карьеру, будучи одеты в обычные шерстяные туники, узкие штаны и простые плащи, а также во все, что удавалось найти крестьянину или работнику, входящему в ополчение. Позднее, разбогатев от грабежа и насмотревшись на поднимающийся в городах Италии, Франции и Священной Римской империи процветающий средний класс, торговцев и ремесленников, солдаты желали произвести впечатление и блеснуть хорошим вкусом. Как и воины всех других народов, испанцы поначалу предпочитали мягкие струящиеся линии одежды, отражающие идеализацию форм человеческого тела, столь значимую для искусства Возрождения, но вскоре предпочтения переменялись в пользу консервативного внешнего вида, разительно контрастировавшего с предпочтениями противника. Например, швейцарские наемники, сражавшиеся против испанских войск в Италии, носили костюмы ярких цветов, с прорезями и пуфами, а также изящные шляпы с перьями.

Одежда по большей части изготавливалась из шерсти и льна. Шелк и мех были дороги и по большей части доступны только офицерам, да и то разве что для отделки их одежды. Рубашки шили широкими и собирали складками на низкий вырез,

Одежда конкистадоров

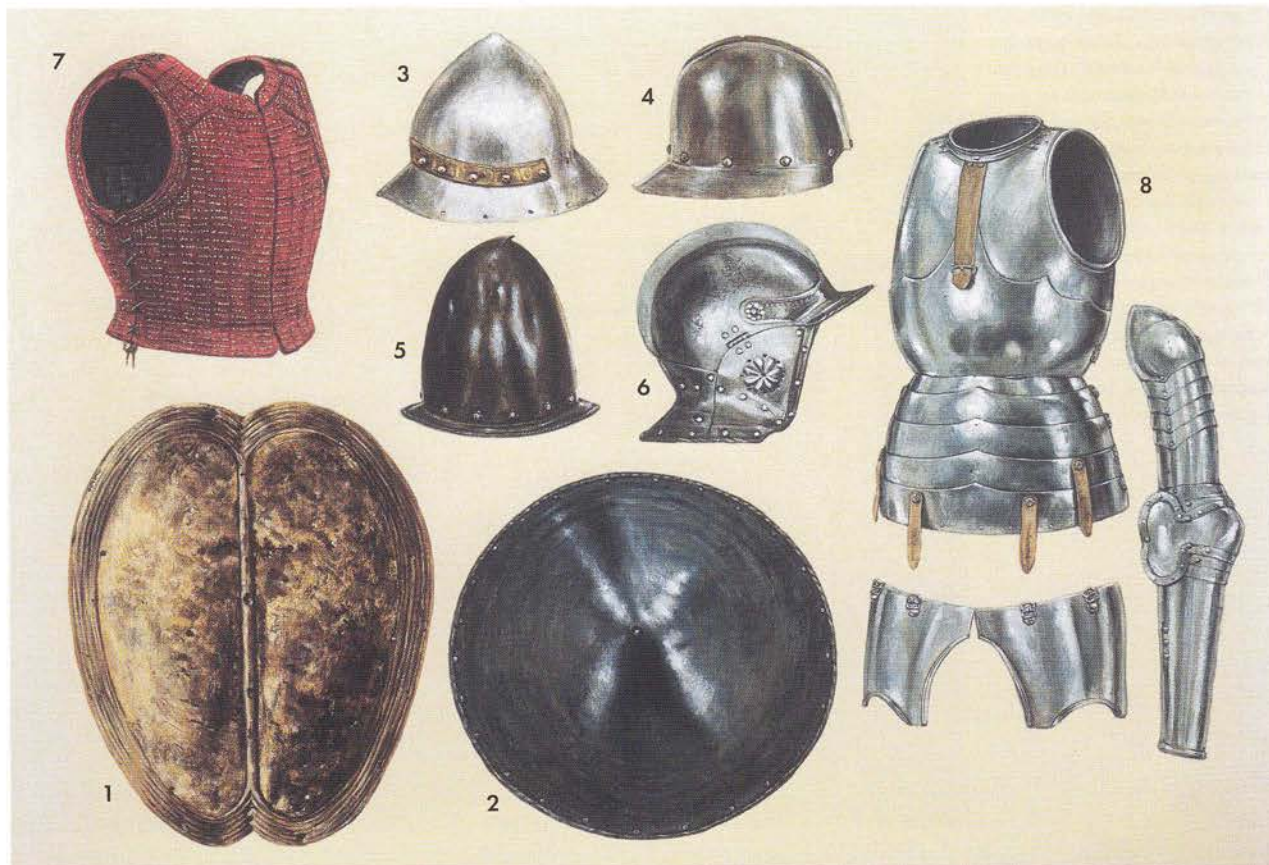
Хотя конкистадора обычно представляют воителем эпохи барокко в шлеме-морионе и с пресловутой козлиной бородкой, большинство конкистадоров были представителями Возрождения и предпочитали итальянские фасоны. В 1490-е годы под влиянием классического искусства стало модно бриться (1). Однако и индейские, и испанские источники пишут, что Кортес и его люди носили бороды, – несомненно, из-за того, что они непрерывно вели военные кампании. Во многих источниках упоминаются их «плоские шапки», разнообразные по форме, – из которых наибольшую популярность имели головные уборы с прорезными полями (2). К 1540-м годам в моду вошли короткие волосы и подстриженные бороды, а также рубашки с воротником и небольшие шапки, украшенные пером, которые полагалось носить надвинутыми на один глаз (3). Рубашки заправляли в рейтузы, к кото-

рым был пришит гульфик (4). Рейтузы затем подвязывались к верхним частям одежды – дублету (5) или камзолу (6). По изображениям того времени бывает трудно отличить одно от другого – так схоже они иной раз выглядели. Камзол обычно носился поверх дублета для дополнительной защиты или тепла. Поначалу оба эти вида одежды имели полы, закрывавшие бедра, но к середине XVI в. мода изменилась в пользу более коротких фасонов.

Обувь являлась необходимой вещью, однако обзавестись ею было нелегко. Военные высокого звания и люди, служившие в коннице, носили сапоги (7), меж тем как пешие солдаты начинали с простых кожаных башмаков (8), но поскольку те довольно быстро изнашивались, приходилось заменять их индейскими сандалиями (9). (Адам Хук, © Оспри Пабблишинг Лтд.)

позднее у рубашек появился небольшой воротник или оборка, из которой позднее, к концу XVI в., развился круглый гофрированный воротник. На ноги надевали облегающие рейтузы или чулки. Чулки надевали или отдельно, или сшивали вместе, а затем подвязывали шнурком к рубашке или даже дублету.

Другим обычным элементом одежды были дублет и камзол. Иной раз их трудно различить из-за одинакового фасона и общих способов изготовления. Исходно ду-

Доспехи конкистадоров

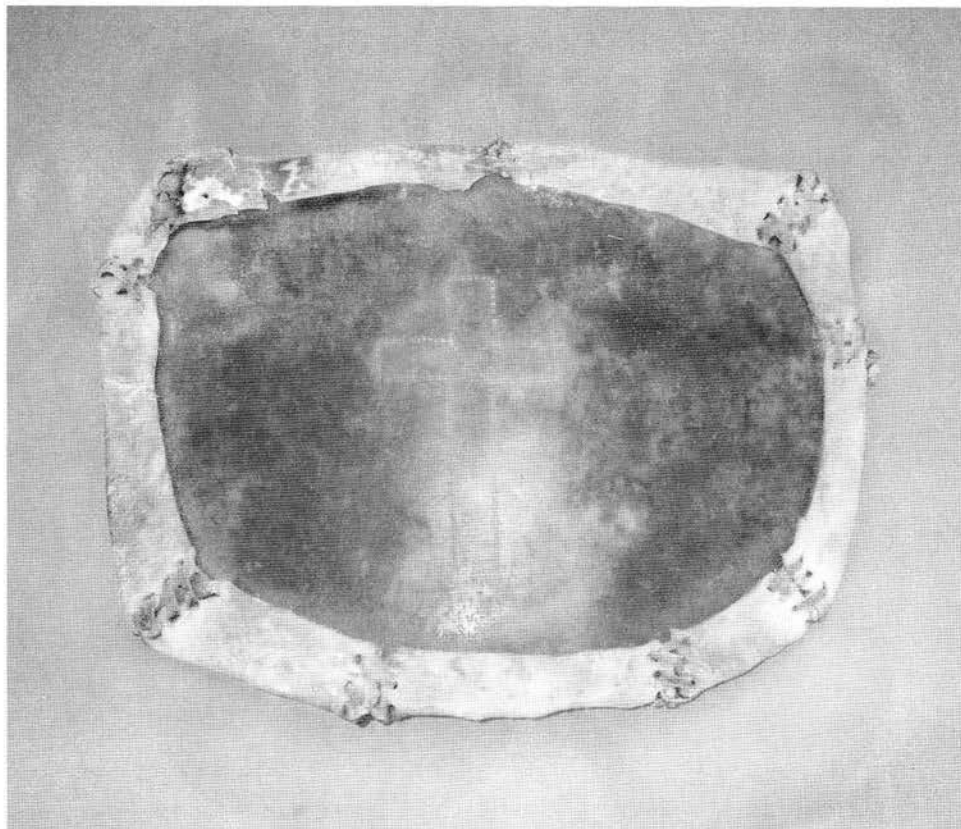
Защитное вооружение, применяемое конкистадорами, зависело как от условий похода, так и от состояния финансов. Они пользовались щитами двух основных видов. Один из них, именуемый адарга, был мавританского происхождения. Имея форму сердца, он обычно изготавливался из толстой бычьей шкуры и украшался по краю тиснением в виде узких продольных полос. Как правило, его не красили (1). Другой разновидностью являлся тарч – круглый щит диаметром в 2 фута (ок. 60 см), сделанный из дерева или металла и снабженный с обратной стороны двумя полукруглыми петлями. Через одну из них продевали руку, а за вторую держали щит (2). Коническая форма тарча служила для отражения прямых ударов в грудь.

Шлемы представляли собой вариации шапели де фер (*chapel de fer*, в переводе с французского – «железная шапка») (3), сравнительно несложной в производстве и обеспечивающей достаточную

защиту для лица и шеи. Селата, или салат, был не менее популярен (4). К началу XVI в. появились еще два вида шлемов – куполообразный кабассет (5) и бургиньот (6), который пользовался особой популярностью у офицеров. Доспехи, закрывавшие тело, стоили очень дорого, но они были необходимым средством защиты для кавалеристов, чьи атаки часто проводились буквально под ливнем индейских метательных снарядов. Бригандина (7) представляла собой стеганный льняной жилет с прикрепленными стальными пластинками в дюйм шириной и два дюйма длиной. Пластинки обычно скрывали под слоем бархата или другой хорошей ткани, но заклепки оставляли на виду и иногда даже покрывали позолотой. Стальной доспех тоже встречался, но он, вероятно, ограничивался минимальным комплектом – нагрудником, наспинником, налядвенниками, наручами и наплечниками (8). (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

блет был приталенным, с большим вырезом спереди, открывающим рубашку. Его рукава, суженные к запястью и расширяющиеся к плечу, либо пришнуровывались к проймам, либо пришивались. В начале XVI в. дублет застегивали спереди сверху донизу, а его полы могли быть различной длины – от совсем коротких до целиком закрывающих бедро. Иногда швы скрывались дополнительными валиками или крылышками. Для дополнительного тепла или в качестве неофициальной одежды

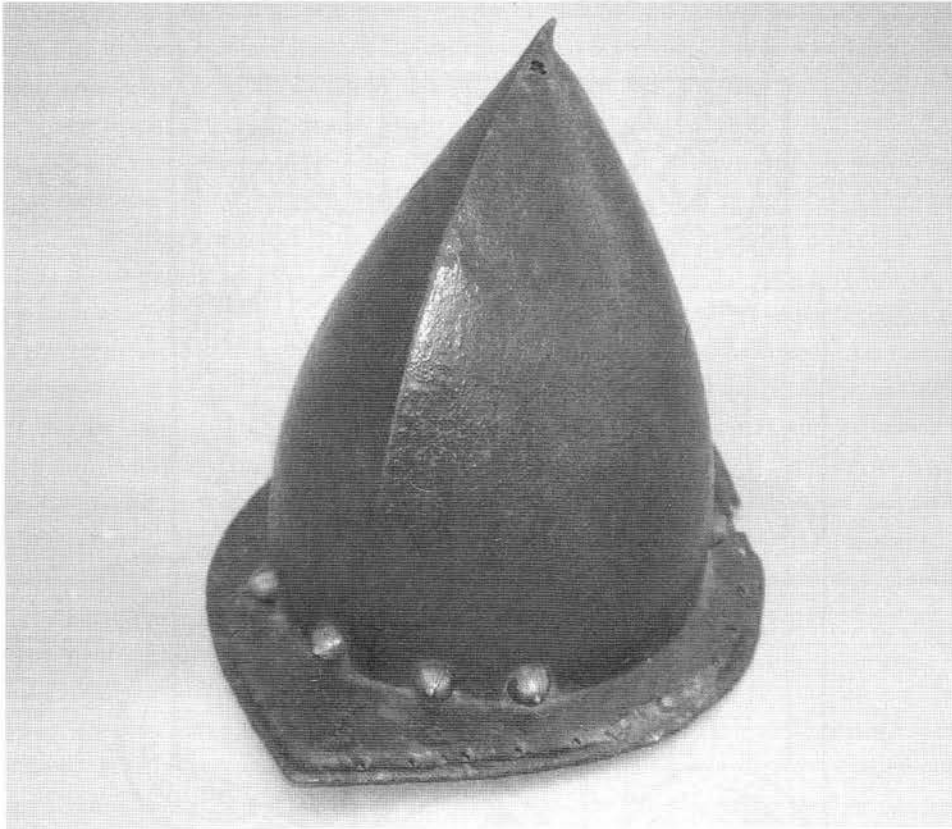
Когда тяжелый доспех показал свою неприспособленность к условиям Мексики, конкистадоры иногда вырезали части своих кирас, обивали их острые края кожей и носили получившиеся пластины поверх груди. Такая уменьшенная кираса была гораздо легче, чем полный нагрудник, меньше сковывала движения, но достаточно надежно защищала от большинства видов туземного оружия. Этот образец украшен крестом. (Коллекция Энрике Э. Гуэрры)

те, кто мог себе это позволить, носили под дублетом или камзолом жилет без рукавов, длиной до талии. Ранний камзол также был приталенным, но мог иметь как низкий нагрудный вырез, так и глухой ворот. Длина его складчатых пол достигала коленей, но позднее укоротилась до верхней части бедер. Вначале камзол носили расстегнутым, открывающим рубашку, дублет и гульфик, но к середине XVI в. он приобрел высокий стоячий воротник и стал застегиваться от горла до талии. Полы больше не были складчатыми, но остались расширяющимися книзу и могли быть разной длины. В конце концов, уже в XVII веке камзол превратился в верхнюю одежду из буйволовой кожи у тяжелой кавалерии, а дублет послужил основой для нынешних пиджаков.

Плащи выполняли функции нынешних пальто или шинелей. Поначалу длинные, они впоследствии укоротились до коленей. Имея на спине множество складок, плащ был раскрыт спереди, его откидывали назад, чтобы продемонстрировать узорную подкладку.

Примерно в 1530-х годах рейтузы стали делить на верхние и нижние, первые впоследствии превратились в штаны, последние – в носки. С укорачиванием дублета штаны оказались на виду. Они были разного фасона и длины. Обычно они состояли из трех слоев: подогнанной по фигуре основы, на которую можно былошить все что угодно, внутренней льняной подкладки и внешней части, более свободной, но с длинными прорезями, через которые виднелась подкладка. Самым распростра-

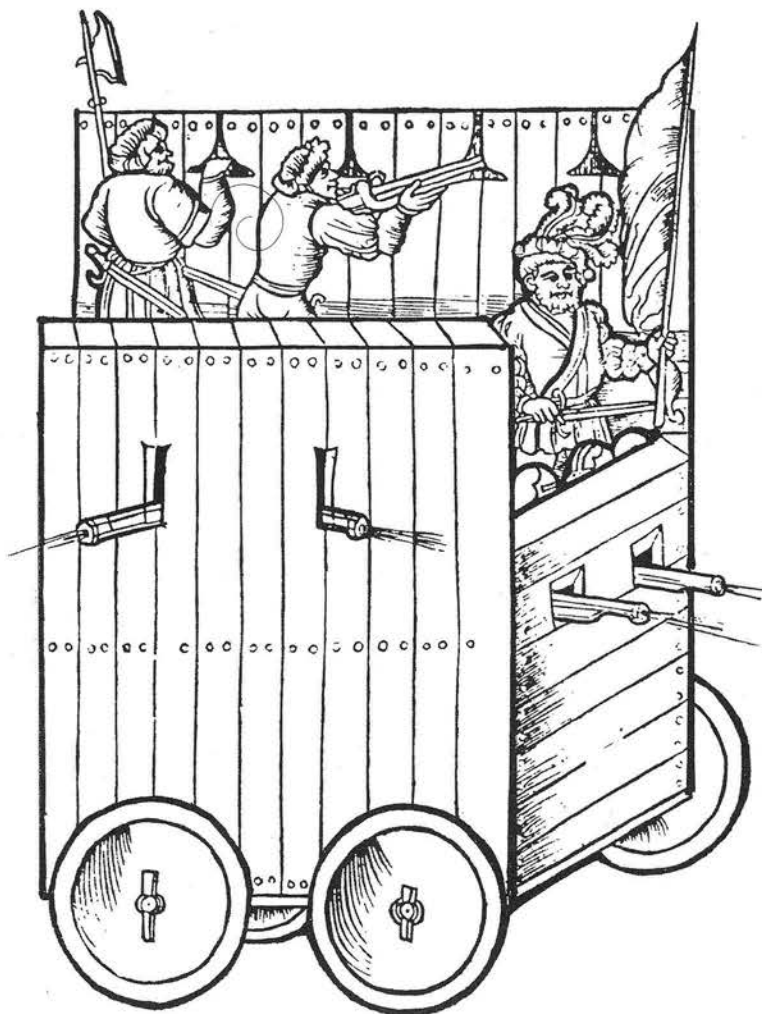
Ковано-клепанный шлем был гораздо проще, чем более поздний морион, и им мог пользоваться любой солдат, у которого хватило бы денег на его покупку. (Коллекция Энрике Э. Гуэрры)

ненным головным убором была плоская шапка с узкими полями и беретообразным верхом, которую обычно носили сдвинутой набок. Часто верх делили на секции и делали их жесткими. И солдаты, и моряки носили небольшие шапки с узкими подвернутыми полями.

Несмотря на их приверженность к европейской моде, в реальности испанские солдаты обычно приспособивали к своим нуждам одежду тех народов, на землях которых они воевали. Мы знаем, что они часто получали в дар от ацтеков предметы одежды. Стиль, соответствующий их представлениям о подобающем костюме, включал короткий бахромчатый жакет шиколли (популярное одеяние местных жрецов) и широкий прямоугольный тильматли, носимый как плащ или пончо. Башмаки и короткие сапоги приходилось заменять сандалиями.

Насколько широко конкистадоры применяли доспехи – вопрос спорный. Очень немногие из участников завоевания Нового Света, оставивших воспоминания, писали о том, каким предохранительным вооружением они владели и чем они реально прикрывали себя в бою. То ли конкистадоры мало пользовались доспехами, то ли их применение являлось настолько обычным делом, что не заслуживало упоминания. В отличие от боевых действий в Испании и Италии польза от брони в Карибских войнах была весьма ограниченной. Во влажном климате тропиков, при изобилии насекомых, крайне тяжело носить металлические латы. На солнце они раскалялись, кроме того, их следовало постоянно чистить или смазывать для

Во время осады испанцы пытались отбросить ряды ацтеков, разместив аркебузи-ров, арбалетчиков и прочих тяжелооруженных солдат в своего рода передвижных башнях – колесных боевых повозках, сколоченных из толстых деревянных брусьев. Судя по описаниям, они были подобны данному образцу, изображенному на одной из европейских гравюр. По узким улицам их перемещали, толкая сзади. (Иллюстрация Джона Пола)

защиты от ржавчины. Более того, доспехи были дороги – даже очень старые, а предводители отрядов стремились уменьшить расходы на снаряжение и всегда делали выбор в пользу наступательного вооружения, а не оборонительной защиты.

Зарисовки, относящиеся к началу военной кампании в Мексике, заставляют предположить, что лишь немногие из людей Кортеса носили латы. Индейские рисунки из Тлашкаланского манускрипта, датированного примерно десятью годами позже, изображают испанцев, приближающихся к Тлашкале, с мечами, пиками и копьями, но без доспехов. Опять же, Берналь Диас говорит о солдате, который таскал «позолоченный, но изрядно поржавевший шлем», как о чем-то необычном настолько, что это привлекло внимание ацтекского посланника. Однако позднее Диас описывает испанских всадников как «хорошо защищенных броней», а сами ацтеки говорят о людях, «целиком закованных в железо, словно они стали железными». Различия в описаниях заставляют выдвинуть два предположения: что доспехи не являлись обычной частью личного снаряжения солдата, но их тащили на вьюках вместе с припасами и раздавали непосредственно перед боем, или что доспехи попросту были подвезены позже вместе с новыми предметами снабжения.

По-видимому, верно и то, и другое. Вполне возможно, что рядовые солдаты, среди которых немногие могли добыть европейские латы, использовали вместо них ацтекские доспехи из стеганого хлопка, которые были легкими, не стесняли движений и неплохо защищали от туземных дротиков и метательных камней.

Участникам первых экспедиций Колумба вряд ли было доступно что-то серьезнее шлема и нагрудника. Как показали раскопки на юго-западе Соединенных Штатов, спустя полвека ситуация почти не изменилась. Шапель де фер представляла собой открытый шлем с низким верхом и широкими полями и в таком виде просуществовала с XII по XVI в. Такие шлемы было легко производить, перевозить и распределять, однако при всей своей простоте они служили достаточно надежной защитой головы как для рядового бойца, так и для командира. В XV в. появился другой вид шлема – селата, или салат. Поначалу у некоторых легких шлемов появились вырезы для глаз в полях, что позволяло надеть шлем поглубже, не ограничивая при этом обзора. Эта модификация оказалось такой удобной, что оружейники начали делать шлемы с опущенными полями, которые полностью закрывали нижнюю часть головы. Однако к 1450 г. и испанцы, и итальянцы стали отдавать предпочтение одному из вариантов салада под названием барбют, оставляющему лицо открытым.

В XVI в. шлем снова видоизменился – он стал выше, поля сделались гораздо уже. Первые такие шлемы появились в Италии, их называли кабассетами, или «грушами». Предположительно кабассеты появились в Испании вместе с ветеранами Итальянских войн и вместе с ними же попали на Карибы после 1500 г. Прошло от 30 до 40 лет, пока не появилась четвертая и самая знаменитая разновидность шлема – морион. Этот шлем с гребнем имел поля, которые закрывали уши, а над лбом поднимались вверх. Хотя сами конкистадоры никогда не пользовались такими шлемами, морионы стали популярны по всей испанской империи и впоследствии сделались частью легендарного образа конкистадора.

Рыцари в полных доспехах представляли собой самую тяжеловооруженную военную силу средневековой Европы. Часто во время атаки им приходилось прорываться к противнику через заградительную стрельбу. В связи с этим важной частью их снаряжения были закрытые шлемы, но использовали ли их конкистадоры – неизвестно. В конце XV в. самым распространенным кавалерийским шлемом являлся армэ. Он имел более удобную форму, а его вес распределялся на плечи благодаря наличию широкого латного воротника (горжета). Ранние образцы имели нащечники, которые крепились на шарнирах и смыкались на подбородке под забралом. Позднее подвижная защита для нижней части лица стала крепиться на тот же шарнир, что и само забрало. Недостаток этого шлема заключался в сложности его изготовления и, соответственно, в его дороговизне. Кроме того, носить армэ в тропиках было слишком жарко, а шарниры быстро ржавели в том климате, и шлем становился непригоден к использованию.

В XVI в. появился новый вид кавалерийского шлема – бургиньот. Это был открытый шлем с козырьком, выступающим поверх глаз, и стоячим гребнем. К нему легко крепились нащечники, а при наличии бюффе, или круговой стойки, закры-

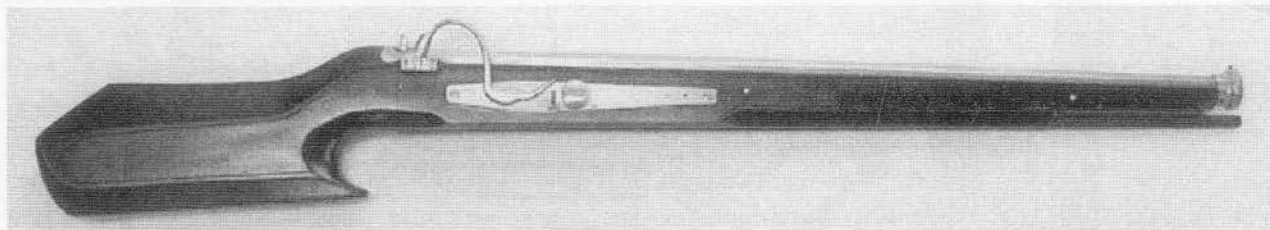
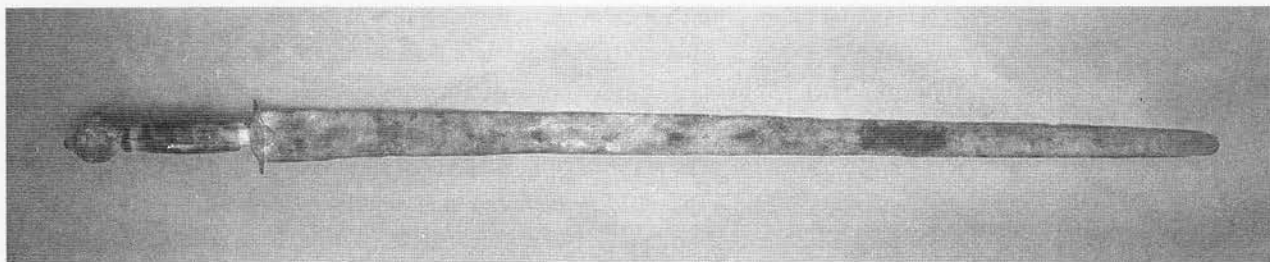
вающей основание шеи, он обеспечивал ту же самую степень защиты, что и армэ, не требуя при этом индивидуальной подгонки или особого ухода.

И шлемы, и доспехи в Западном полушарии было накладно покупать, перевозить и поддерживать в хорошем состоянии. Во время итальянских кампаний солдаты обычно снимали латы с убитых рыцарей, но трудно оценить, сколько они оставляли себе, а сколько продавали. Самой распространенной разновидностью доспехов была кольчуга, изобретенная еще в древнеримскую эпоху. Для изготовления кольчуги проволоку наматывали на металлический стержень, а затем резали на кольца, которые склепывали друг с другом. Обычная кольчуга весила от 15 до 30 фунтов (от 6,8 до 14,5 кг) – в зависимости от размера колец и «покроя». Некоторым везло, и они обзаводились бригадиной – курткой из плотной ткани с приклепанными к ней стальными или железными пластинами, покрытой вельветом или другой хорошей тканью. Пластинчатая броня была готической по стилю, и пехотинцы, которых использовали в качестве ударных войск, шли в бой в нагрудниках. По возможности кавалеристы старались защитить себя пластинчатым доспехом, который в идеале состоял из нагрудника, наспинника, наплечников, наручей, налядвенников и набедренников.

При рассмотрении количества и качества предохранительного вооружения, использовавшегося в различных конкистадорских кампаниях, следует принять во внимание и практичность разных видов туземных доспехов. Оружие индейцев составляли пращи, луки, копьеметалки, дубинки и мечи с лезвиями, состоящими из пластинок вулканического стекла. Ацтекские ичкауипилли вполне защищали от всего этого. Они представляли собой жилеты из стеганого хлопка и предназначались скорее для того, чтобы гасить удар, чем отражать его, – то есть имели те же функции, что и европейский акетон (поддоспешник). И, наконец, пехотинцы-мечники и кавалеристы обычно располагали щитами. Испанцы предпочитали выпуклые круглые щиты-тарчи, железные или деревянные, которые крепились ремнями на кисть руки и на предплечье. Также пользовался популярностью кожаный щит сердцевидной формы, адарга, заимствованный у мавров. Его было легко изготовить и в Америке.

Наступательное вооружение

Основное вооружение конкистадоров составляли мечи, копья, арбалеты, фитильные ружья (аркебузы и мушкеты), а также легкая артиллерия. Мечи мало изменились со Средних веков. Они имели клинок длиной около трех футов (ок. 90 см) и носились в деревянных, покрытых кожей ножнах, которые крепились к поясному ремню и свисали вертикально вдоль левой ноги. У большинства мечей лезвия являлись обоюдоострыми, с затупленным острием – чтобы при ударе оно не застряло в поддоспешнике или кольчуге противника. Рукояти были обычно простыми, со скульптурной головкой и крестовидной гардой. В XVI в. новые технологии закалки стали, в том числе заимствованные у мавров, дали возможность толедским оружейникам производить рапиры – более узкие, более легкие и более острые, но проигрывающие старым образцам в прочности и упругости. Острие рапиры затачивалось, что позволяло ее владельцу поразить противника в сочленение доспеха и даже пробить

кольчугу. Рукоять была усовершенствована – добавлены металлические кольца, иногда в довольно причудливой комбинации. Они служили не только для украшения – искусные фехтовальщики с их помощью могли поймать клинок противника и обезоружить его. Поскольку рапира была длиннее меча, ее обычно носили на перевязи – широком ремне, который перебрасывался через правое плечо, а оба конца крепились к ножнам так, чтобы рапира висела наискось, а ее рукоять находилась у левого бедра. Однако широкий меч так и не вышел из употребления, и, несомненно, многие конкистадоры продолжали им пользоваться, в том числе и его двуручной версией, с длиной клинка около 5,5 фута (*приблизительно 168 см*). Первоначально это оружие предназначалось для того, чтобы перерубать пики швейцарской пехоты, а в плотных массах легковооруженных индейских воинов такие мечи могли производить опустошение. Имелись у конкистадоров и разнообразные алебарды, и 12-футовые (*3,5 м*) кавалерийские копья, при помощи которых можно было опрокинуть и рассеять сколь угодно многочисленный строй индейцев серией хорошо продуманных атак на ровной местности. Кроме того, копья, наряду с пиками, могли использоваться пехотой для поддержки отрядов мечников, арбалетчиков и аркебузир.

Арбалеты появились не позднее III в., но тогда они были не слишком мощными и предназначались больше для охоты. Постепенно средневековые ремесленники научились делать двухфутовый арбалетный лук из слоев разных твердых пород дерева, рога и кости, но из-за этого натянуть его тетиву и поставить оружие на спуск стало гораздо труднее. Решением проблемы стало стремя – его прижимали ногой к земле, одновременно натягивая тетиву крюком и взводя спусковой механизм. К XIV в. арбалет стал необходимым оружием во всех европейских армиях. Двенадцатидюймовый болт (примерно 31 см) мог с близкого расстояния пробить стальной доспех. Более того, арбалет было относительно несложно изготовить и он требовал меньше заботы, чем аркебуза, конкурент арбалета на протяжении XV в., что давало дополнительное преимущество во влажных тропиках Карибов, Мексики и Центральной Америки.

ВВЕРХУ

Кастильский палаш, обнаруженный в Мехико-сити и предположительно относящийся к временам Конкисты. Он был найден при раскопках на месте древнего канала на маршруте отступления Кортеса от города после «Ночи Печали». (Коллекция Энрике Э. Гуэрры)

НИЖЕ

Это полностью рабочая точная копия аркебузы с фитильным замком, изготовленная Дэйлом Шинном по образцу, который хранится в Базеле и датируется 1500 г. Стрельба из такого оружия была сложным делом. Сначала аркебузир дул на тлеющий фитиль, заставляя его разгореться. Затем он закреплял фитиль в зажиме спускового механизма, после чего высыпал на полку порох таким образом, чтобы тот попал в запальное отверстие и далее в ствол, к основному заряду. Затем аркебузиру следовало тщательно прицелиться. Он нажимал на спуск пальцами левой руки, и спусковой механизм ронял горящий фитиль на полку. Запал вспыхивал и поджигал основной заряд, после чего раздавался выстрел, и пуля из дула летела в цель. (Джон Пол)

Рядовые аркебузиры приписывали изобретение огнестрельного оружия монаху-алхимику Бертольду Шварцу. Согласно передававшейся из уст в уста легенде, Бертольд пытался уничтожить духовную силу, присущую ртути, чтобы начать преобразование ртути в золото. Сначала он разогрел ртуть в тигле, затем добавил угля, селитры и, наконец, серы. Разумеется, тигель взорвался, и Бертольд чуть не погиб, но происшествие навело его на мысль об использовании созданного им взрывчатого вещества (пороха) для производства стрельбы. Однако каково бы ни было его происхождение, ручное огнестрельное оружие в эпоху позднего Средневековья распространилось по всей Европе. Представляя собой простую трубу из латуни, бронзы или железа, прикрепленную к деревянной основе, оно быстро завоевало популярность, поскольку его изготовление оказалось относительно несложным, а использование не требовало особой подготовки. К 1450 г. перспектива столкнуться с крестьянином, вооруженным огнестрельным оружием, могла утратить дворянина, облаченного в полный доспех. Поначалу войны, применявшие ручные орудия, не могли вести из них прицельный огонь, поскольку одновременно целиться и стрелять было затруднительно, но после появления в 1490 г. фитильного замка ситуация стала быстро меняться.

Солдаты из опыта обращения с арбалетом знали, что наводить аркебузу на цель и гасить отдачу при выстреле лучше, если прижимать задний обрез ложи (то есть ружейный приклад, который тогда называли лафетом) к правому плечу. Вопрос был только в создании механизма, подносящего фитиль к запалу. Первые фитильные ружья были оснащены посаженным на стержень S-образным рычагом, так называемым «серпентином» (змеевиком), который в своих захватах зажимал фитиль. Для выстрела следовало подтолкнуть нижнюю часть рычага вперед, чтобы

Оружие конкистадоров

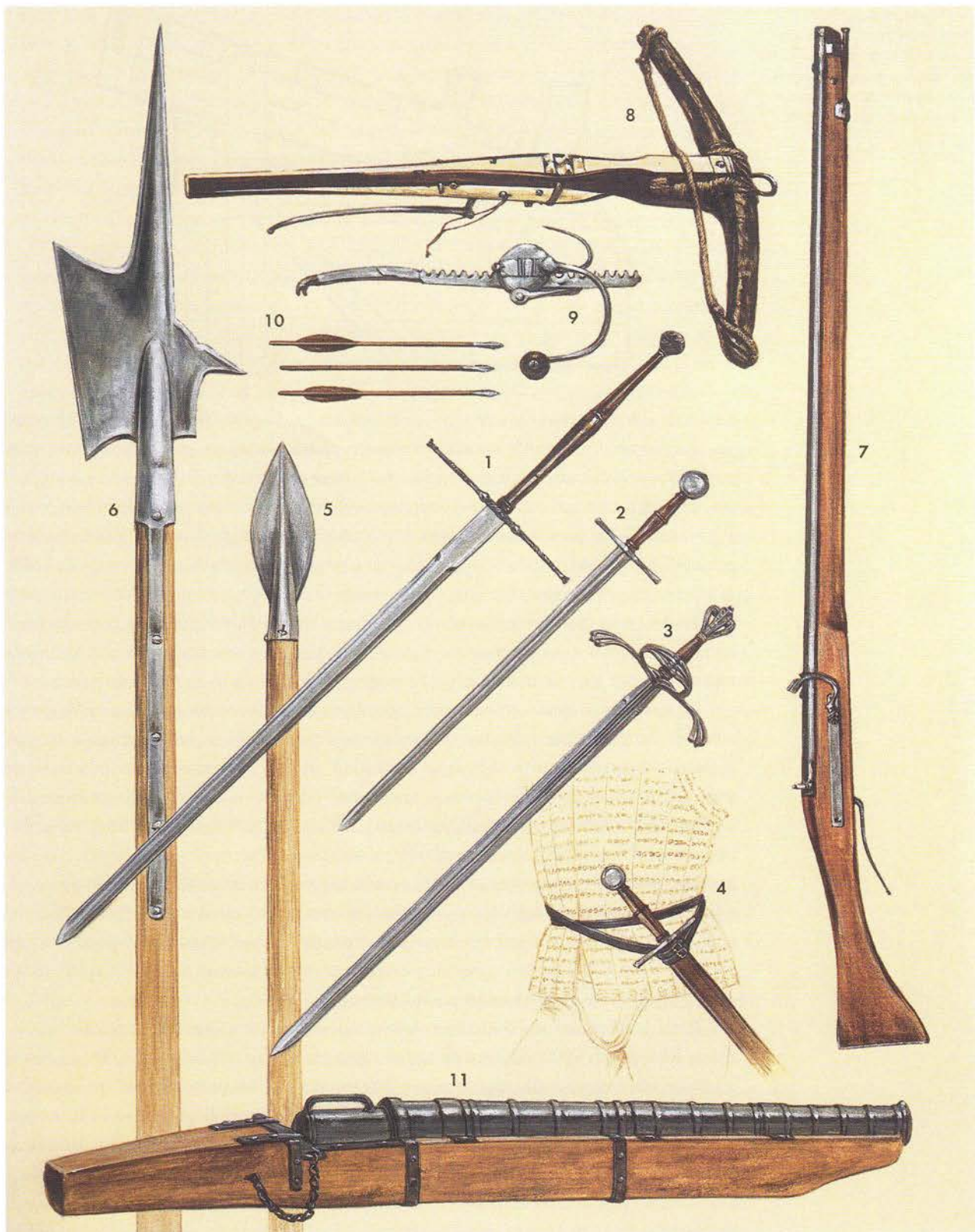
Стальные мечи наносили страшные потери индейцам, которые не были знакомы с металлом до встречи с европейцами. Основным оружием конкистадора являлся средневековый меч. Применялись как двуручные его варианты, длиной 54 дюйма (1), так и обычные, 32-дюймовые (2). Позднее развитие военного дела привело к появлению новых моделей, имевших причудливый эфес с переплетенными кольцами и более узкий клинок (3), что предвещало трансформацию меча в рапиру. Меч носили на длинном ремне, который, будучи обернут вокруг тела два раза, распределял вес оружия на оба бедра (4). Копья (5) имели ясеневые древки, длина которых могла быть разной, но чаще всего составляла примерно 12 футов. Их листовидные наконечники длиной около 8 дюймов наносили особенно серьезные ранения.

Алебарды обычно имели длину 6 футов, хотя встречались и более длинные модели (6). Навершие включало в себя лезвие топора с колющим выступом с другой стороны и длинным колющим лезвием посередине. Этот вид оружия был позаимствован у швейцарцев, которые использовали алебардчиков для пробивания брешей в защитных боевых порядках вражеских пикинеров, и оказался практически идеален для того, чтобы сдерживать натиск ацтекских воинов, пока перезаряжались арбалеты и аркебузы. Первые фитильные ружья являлись огромным шагом вперед по сравнению с прежними ручными огнестрельными орудиями, к тому же они оказались достаточно легкими для того, чтобы их

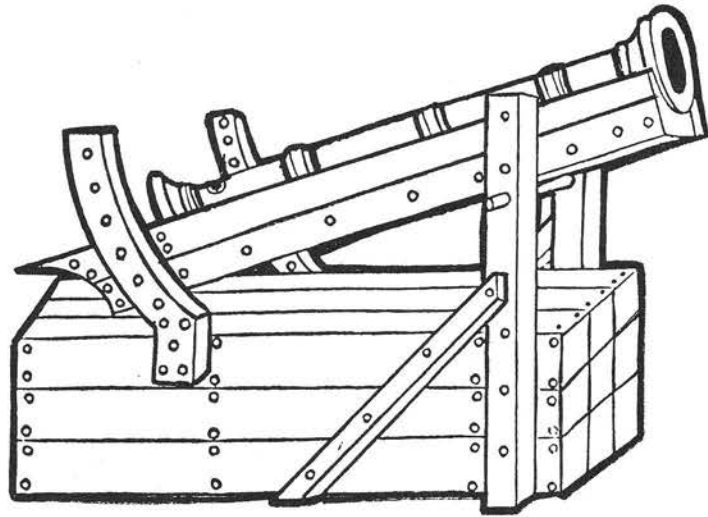
можно было держать в руках на уровне груди и целиться. Появившиеся в XVI в. более тяжелые версии имели ложу с изогнутым прикладом, что позволяло гасить отдачу при стрельбе. Из-за формы своей ложи это оружие и получило название «аркебуза», происходящее от итальянского *archibuso* – искаженного голландского слова *hakebusse*, которое, в свою очередь, происходило от немецкого термина *hakenbüchse*, означающего «ружье с крюком». Изображенный здесь образец имеет примерно 4 фута в длину, в его конструкции использован рычаг, ведущий происхождение напрямую от спускового крючка арбалета (7). Ствол можно было опереть на подпорку для большей устойчивости.

Арбалет был не только великолепным оружием, сравнимым по убойной силе с аркебузой, но он еще показал себя более надежным в условиях тропиков (8). Сложный лучок из слонов рога, кости и дерева требовал для натягивания тетивы рычага или ворота (9). Снаряд (10), именуемый болтом, обычно имел длину около 12 дюймов и стальной наконечник, способный на близком расстоянии пробить доспех.

Поскольку в начальный период вторжения у конкистадоров не было тягловых животных и средств перевозки для более тяжелых пушек, основной их артиллерии являлся фальконет (11). Такие легкие, заряжавшиеся с казенной части орудия обычно устанавливались на бортовых поручнях корабля для отражения атакующих. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

Бомбарда на деревянном лафете с приспособлением для изменения угла стрельбы. Конкистадоры использовали такие «фальконеты» против ацтеков. (Иллюстрация Джона Пола)

верхняя часть, наоборот, провернулась назад, поднеся фитиль к запальной камере, посредством которой поджигался порох в стволе. Позже, с усовершенствованием спускового механизма, эта операция стала еще проще. В первое время появилось множество видов спускового механизма, включая и остроумный кнопочный спуск. В течение XVI в. рычаг принял вид, близкий к тому, который используется в современном огнестрельном оружии, – он проворачивал серпентин посредством пружинного спускового крючка. Впоследствии такие спусковые крючки сделались меньше по размеру и их стали защищать от случайного нажатия, а серпентин стал проворачиваться вперед – это позволило стрелку использовать для производства выстрела правую руку и обеспечивало лучшую защиту от вспышки на запальном полке.

До стандартизации испанского оружейного производства при Карле V ручное огнестрельное оружие называли множеством терминов, из которых самыми распространенными были эспингарда (пищаль), аркебуза (называемая по-испански *arcabuz*) и эскопета. Полководцем, сумевшим оценить преимущество разворачивания многочисленных стрелков с аркебузами и понять их самостоятельное значение как огневой силы, стал знаменитый Кордова. Столкнувшись с необходимостью прорывать почти непреодолимые квадратные построения тяжеловооруженных швейцарских пикинеров, царивших на итальянских полях сражений, крупный отряд испанских аркебузиреров мог проделать в их рядах брешь с безопасного расстояния в 150 ярдов (ок. 130 м), что позволяло резерву солдат со щитами и мечами врваться в расстроенную массу и завершить дело резней.

Первое упоминание об оружии, предназначенном для Карибов, содержится в запросе Колумба на 200 нагрудных кирас, 100 аркебуз и 100 арбалетов, написанном в 1495 г. Это вооружение для отряда в 200 солдат, по которому видно, что аркебузы и арбалеты использовались в Новом Свете в равной мере. В то же время пехотные пики не играли там особой роли, так как у туземцев не было конницы. Индейцы предпочитали сражаться большими густыми массами легкой пехоты, и конкистадоры более всего опасались, что превосходящие силы противника сомнут и опрокинут их прежде, чем они успеют воспользоваться своим преимуществом в оружии. описа-

ния боев, составленные Кортесом, Диасом, Альварадо и другими участниками Конкисты, показывают, сколько усилий прилагали испанцы, чтобы удержать вражеские полчища на расстоянии. Аркебузы могли нанести многочисленным толпам индейцев огромный урон, но подготовка к выстрелу была очень долгой. Прикрытие аркебузирам обеспечивали арбалетчики, которые могли управиться со своим оружием гораздо быстрее. Мечники же имели дело с теми, кто прорвался на дистанцию ближнего боя. Когда первый натиск противника был остановлен, испанцы пускали в ход артиллерию, которая могла удерживать индейцев на расстоянии почти бесконечно.

Стандартным артиллерийским орудием в большинстве кампаний являлась заряжающаяся с казенной части 2-дюймовая или 3-дюймовая пушка, именуемая фальконетом. Первоначально эти пушечки были частью корабельного арсенала и предназначались для стрельбы по врагам, идущим на abordаж, но первые конкистадоры снимали их с кораблей и ставили для использования на суше на импровизированные тележки или даже простые подпорки. На расстоянии 2000 ярдов (ок. 1800 м) они наносили врагу ужасающие потери, убивая по пять и более человек за раз. Звук выстрела практически всегда устрашал туземцев, в представлении которых подобное оружие связывалось со сверхъестественными силами – громом, молнией и извержением вулкана. При захвате Мехико использовались и более тяжелые пушки. Ученые до сих пор спорят, какого размера и калибра были все эти пассволанты (пасаболанте), кулеврины и ломбарды. Известно, что когда Кортес высадился в Веракрусе в 1519 г., у него имелось четыре фальконета и десять бронзовых ломбард. Фальконеты впоследствии были утрачены в «Ночь Печали». Похоже, что ломбарды оказались слишком тяжелыми для эффективных маневров и использовались для обороны прибрежной крепости Кортеса Вилья-Рика, пока для них не сумели изготовить подходящий транспорт, после чего эти ломбарды были с опустошительным эффектом применены против города Теночтитлан в 1521 г.

Портрет конкистадора: Берналь Диас дель Кастильо

«Я, Берналь Диас дель Кастильо, житель и рехидор весьма честного города Сантьяго-де-Гватемала, один из первых открывателей и конкистадоров Новой Испании и ее провинций, и мыса Гондурас...»

Этими словами через тридцать лет после Конкисты один сухой, тщеславный и честный старик начал свои воспоминания – примечательнейшие военные мемуары всех времен. «Правдивая история завоевания Новой Испании» Берналя Диаса дель Кастильо представляет собой именно правдивую историю. Несмотря на недостатки и неточности воспоминаний (а их там немного), это не просто одна из самых аккуратных хроник Конкисты, но еще и хроника ацтекской империи на вершине ее славы. Ни одно исследование Конкисты и ацтекского Мехико не может обойтись без нее.

Как многие другие испанцы из состава первого отряда Кортеса, Диас был кастильцем, уроженцем города Медина-дель-Кампо. Свидетельства о раннем периоде его жиз-

Кастильское стремя периода Конкисты, отлитое из филигранного железа в форме креста. Это не только часть сбруи, но и оружие, которым можно было проломить голову пешему солдату в ближнем бою. (Коллекция Энрике Э. Гуэрры)

ни отрывочны. С датой его рождения тоже не все ясно: в одних документах значится 1492 г., в других – 1496 г. По его собственным словам, он был сыном Франсиско Диасдель Кастильо по прозвищу «Эль Галан» (Щеголь или Красавец), идальго (то есть мелкого дворянина), занимавшего должность рехидора – члена городского магистрата. Это происхождение хотя и не обеспечивало большого богатства, но дало Берналю возможность получить неплохое образование, что и отражено в «Подлинной истории».

Портретов Берналя Диаса не сохранилось, но он, как и его отец, носил прозвище «Эль Галан», и в его случае это означало скорее «Красавец». Он был бонвиваном, склонным к жизни не по средствам, интересным собеседником и очень упрямым человеком. Приспособленец по своей натуре, Диас легко склонялся к любой новой идее, сулившей ему выгоду, и весьма чувствительно относился к тому, что ему, как он считал, причиталось по праву. Имея лингвистические способности, он выучил на Кубе местный язык, в Мехико освоил основы наречия науатль, а впоследствии, поселившись в Гватемале, говорил со своими индейскими слугами на языке какчикель.

Биография Диаса типичная для большинства спутников Кортеса, искавших удачи в Новом Свете. Он покинул Испанию в 1514 г. в свите Педро Ариаса де Авилы, посланного управлять недавно завоеванной провинцией Дарьен (известной сейчас как Панама). Между грубым, привыкшим действовать железной рукой Ариасом и

его зятем Васко Нуньесом де Бальбоа начались раздоры, результатом которых стала казнь Бальбоа. Это, а также болезни и серия мятежей против Ариаса избавили Диаса от иллюзий, и он отбыл на только что покоренный остров Куба, которым правил его дальний родственник Диего Веласкес.

К 1517 г., после трех лет, проведенных в Панаме и на Кубе, Диас не добился никаких заметных успехов. Полный решимости, он присоединяется к группе испанцев, находящихся в том же положении, и они, взяв заем, отправляются в экспедицию Франсиско Эрнандеса де Кордовы. Эта первая попытка исследования континентальной части Северной Америки не оправдала надежд Диаса, однако он уверился в том, что надо использовать все возможности, и присоединился к экспедиции Хуана де Грихальвы. К 1519 г., когда в поход стал собираться Кортес, Диас был уже опытным знатоком мексиканского побережья.

Диас был романтиком, и ему можно простить некоторую долю романтизма, присутствующую в его мемуарах. В конце концов он описывал мир, который никто из европейцев не мог вообразить себе и который повидали немногие. Кроме того, на него оказал влияние рыцарский роман «Амадис Гальский», напечатанный в 1508 г. Это была чуть ли не самая популярная в Испании книга, и большинство грамотных спутников Кортеса ее читали. Диас определенно ее читал, поскольку он сравнивает приближение к городу Мехико с «волшебными рассказами из книги об Амадисе»

Датируемый концом 1520-х годов манускрипт, который хранится в Бенсоновской библиотеке Техасского университета в Остине, содержит, вероятно, самое раннее туземное изображение армии Кортеса в походе на Тлашкалу, запечатленное очевидцем. Следует отметить, что показанные здесь испанские солдаты носят одежду, характерную для времен позднего Средневековья и раннего Возрождения, причем ни у кого из них нет доспехов (слева). В центре Кортес, одетый в черное, принимает посланцев тлашкальтекской конфедерации (справа). (Бенсоновская библиотека, Техас)

На гравюре изображен болезненный процесс извлечения стрелы из груди раненого. Испанцы часто выживали после таких ранений, чтобы через несколько дней умереть от заражения крови. (Иллюстрация Джона Пола)

(здесь и далее цит. по: Берналь Диас де Кастилья. *Правдивая история завоевания Новой Испании*. М., Форум, 2000. – Прим. переводчика). «Амадис» повлиял также и на впечатление Диаса от доньи Марины, поскольку в старости он непреднамеренно проводил параллели между ее жизнью и жизнью вымышленной героини.

Подобно многим солдатам того времени, Диас совмещал в себе набожность и практицизм. Он благодарил бога за любое выдающееся событие Конкисты. Сражаясь, он верил, что Христос лично заинтересован в его жизни, поскольку иначе он не дожил бы до возможности поведать свою историю. Но при всей своей религиозности Диас не был чужд алчности и похоти. Приставленный охранять Монтесуму, он послал к Монтесуме пажа с просьбой «дать мне красивую индейнку». Монтесума призвал его к себе и сказал: «Берналь Диас дель Кастилья, дошло до меня, что имеется у тебя немало одежд и золота, и я прикажу, чтобы нынче прислали к тебе служанку. Обращайся с ней хорошо, ибо она дочь владетеля, а я дам тебе еще золота и одеяний». На это Диас преклонил колени, поцеловал Монтесуме руку и призвал Господню милость. Когда его слова перевели, Монтесума сказал: «Кажется мне, что Берналь Диас – благородный человек».

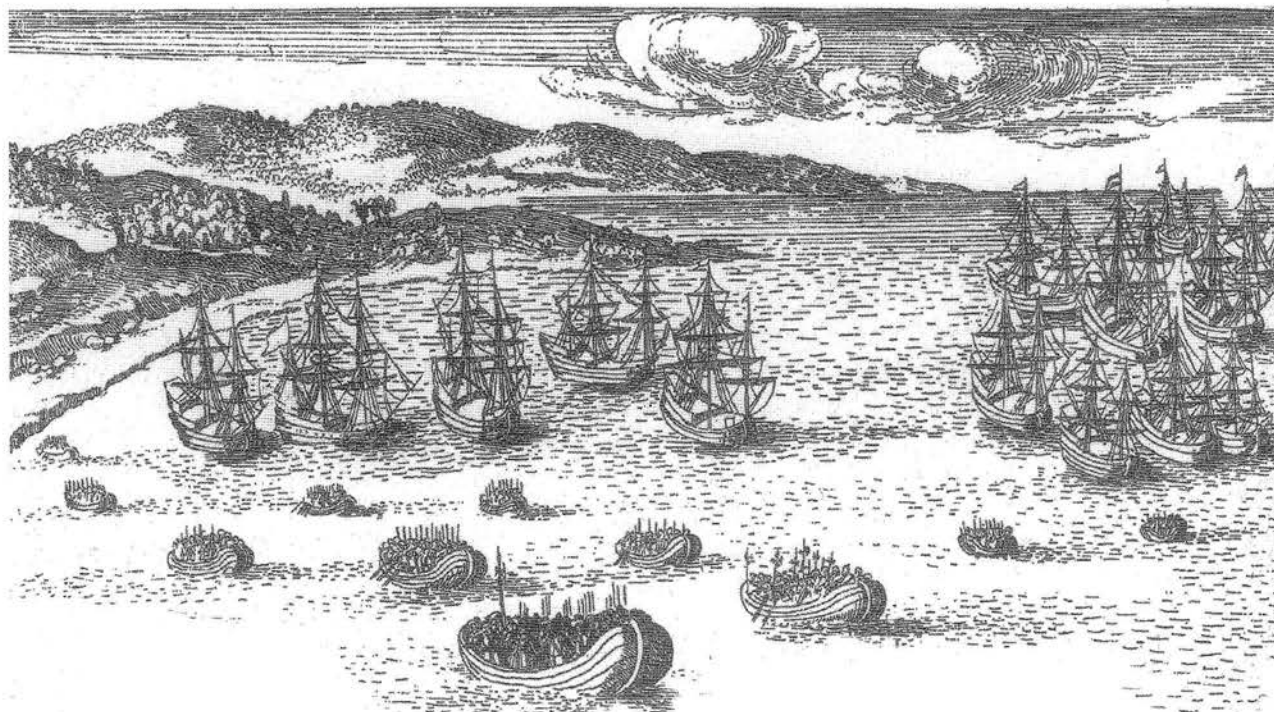
Диас пишет о Монтесуме с нескрываемым уважением. Когда бы он ни повстречался с императором, Диас всегда почтительно снимал шлем. В свою очередь на Монтесуму произвело впечатление участие Диаса в экспедициях Кордовы и Грихальвы, о которых ему было хорошо известно. Единственным камнем преткновения являлись человеческие жертвоприношения, являвшиеся прямой обязанностью Монтесумы как верховного жреца государственного культа. Кортес пытался убедить его не приносить жертвы, и после того, как император пообещал не убивать людей, согласился позволить ему посетить храм. Монтесуму сопровождали четверо капитанов, полторы сотни солдат и один из капелланов, отец де ла Мерсед. Однако,

несмотря на обещание, Монтесума убил нескольких мужчин и мальчиков, а Диас и прочие сопровождающие могли только отвернуться и притвориться, что не видят этого. По возвращении же их негодование было легко усмирено щедрыми дарами в виде золотых украшений. После того, как город сдался, испанцев постигло разочарование. Большая часть сокровищ пропала, была утрачена в сражении, начавшемся в Ночь Печали. Обескураженный Диас присоединился к экспедиции Гонсало Сандовалья, которая направилась на юг, в долину Оахаки, а затем по перешейку Теуантепек вышла к Коатцакоалькосу, расположенному на побережье Мексиканского залива. Там Диас получил три земельных владения, населенных индейцами.

В 1524 г. Кортес постановил, что все женатые солдаты должны в течение 18 месяцев привезти своих жен в Новый Свет, а холостяки обязаны жениться – или лишаться своих владений. Диас подчинился указу, вступив в брак с индейкой, с которой в то время сожительствовал. В том же году Диас присоединился к неудачной экспедиции в Гондурас, а в 1526 г. отправился с Педро де Альварado в Гватемалу, где и решил окончательно осесть – в тех местах сейчас располагается город Антигуа. Вполне вероятно, что хотя ему было еще только около тридцати лет, он чувствовал себя старым и усталым из-за ранений и болезней. В довершение всего, в 1530 г. король прислал чиновников, назначенных управлять новыми землями на благо короны. Солдаты вроде Диаса, которые завоевали эти земли, потеряли свои огромные владения из-за одного росчерка пера.

В 1539 г., заручившись рекомендациями Кортеса и вице-короля Антонио де Мендосы, Диас отправился в Испанию, чтобы отстоять свою собственность. Он получил компенсацию за то, что он утратил, и подтверждение прав на те земли, что у

Испанцы первыми применили в международных делах способ, названный впоследствии «дипломатией канонерок». Столкнувшись с растущим недовольством последователей Веласкеса, Кортес затопил свои корабли после прибытия в Веракрус и таким образом получил армию, целиком зависящую от него. (Деталь гравюры, опубликованной Теодором де Бри, 1591 г.)

него остались, и в 1541 г. вернулся в Гватемалу. Там он приобрел новые владения и женился на испанке Тересе Бесерре де Дуран, respectable вдове. Ее отец, Бартоломе Бесерра, участвовал в завоевании Гватемалы, а ее первый муж, Хуан Дуран, был одним из первопоселенцев. Засим Диас зажил жизнью богатого плантатора, занятого местными делами, растил детей, которых родила ему Тереса, а своим детям от любовниц-индеанок обеспечил неплохое наследство.

Диас сознавал, что принял участие в событиях, которые изменили мир, и был свидетелем крушения иной цивилизации. В предисловии к своей «Правдивой истории» он написал:

«Я видел и участвовал в этом покорении, и как знающий очевидец я вел о нем записи, с помощью бога, весьма просто, без искажений ни в одном, ни в другом месте, а так как я стал стар, мне больше восьмидесяти четырех лет, и я почти потерял зрение и слух, в моей судьбе нет другого богатства, которое оставлю моим детям и потомкам, кроме этого моего правдивого и примечательного рассказа...»

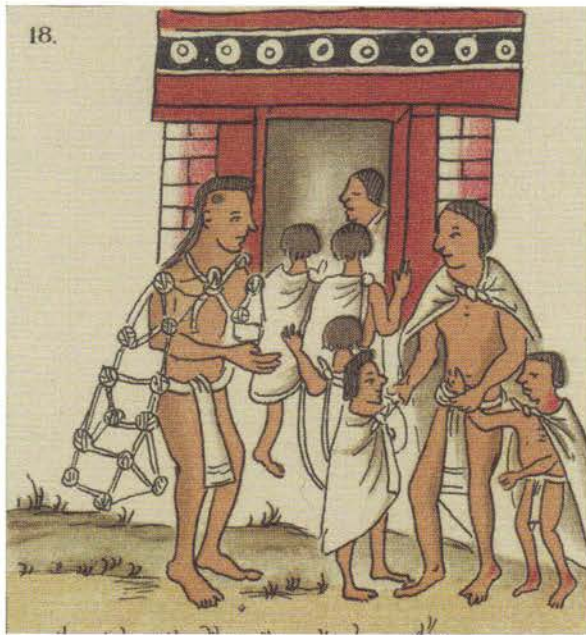
Это последний из трех вариантов предисловия, написанного Диасом, ведь к работе над рукописью он приступил в начале 1550-х годов, когда ему было около шестидесяти лет. Эта работа растянулась до конца его долгой жизни. Несмотря на все жалобы на бедность, Диас принадлежал к самым влиятельным колонистам Гватемалы, являясь владельцем обширных земель и членом правящего совета. Общественные обязанности и деловые интересы занимали все его время, и он месяцами не прикасался к рукописи. Он даже на какое-то время бросил ее после публикации «Хроники Новой Испании» Франсиско Лопеса де Гомары в 1552 г., так как счел, что его воспоминания будут излишни. Однако он пришел в ярость оттого, что Лопес де Гомара приписал все заслуги Кортесу, в то время как Диас считал, что Конкиста обязана успехом усилиям простых солдат вроде него самого. Возобновив работу над воспоминаниями, он закончил ее, а затем дописывал и переписывал текст до самой своей смерти в 1584 г.

Несмотря на возмущение Диаса агиографией Лопеса де Гомары, в «Правдивой истории» фигура Кортеса занимает немалое место. Диас отмечал его хитрость и своекорыстие, но при этом, несомненно, восхищался им. На протяжении всего повествования Диас называет его «наш Кортес» или «наш капитан», и совершенно ясно, что он был готов следовать за ним, куда бы тот ни направлялся.

«Правдивая история» не устарела за прошедшее с момента ее создания время. Это воспоминания старого солдата, написанные без теоретизирования, политических пристрастий или просьб о почестях, в которых сквозит дух, понятный воину любой эпохи. Берналь Диас дель Кастильо был бы своим на любой встрече ветеранов XXI в.

АЦТЕКСКИЕ ВОИНЫ

Ацтекская армия была одним из тех очень немногих случаев, когда в Новом Свете европейцам пришлось столкнуться не с воинами племенных ополчений, а с членами правильно организованного военного учреждения.

Испанец, известный нам как «Безымянный Конкистадор», писал:

В битве они представляют собой прекраснейшее на свете зрелище, потому что превосходно сохраняют строй и весьма впечатляют своей статью... Всякий, столкнувшись с ними лицом к лицу в первый раз, может устраситься их волеи и свирепости. В деле войны они самые жестокие люди, каких только можно сыскать, ибо они не щадят ни братьев, ни родичей, ни друзей, ни женщин, сколь бы те ни были красивы, они убивают всех и затем поедают. Когда они не могут ограбить врага и унести добычу, они сжигают все.

Под убийством и пожиранием Конкистадор, несомненно, имеет в виду захват пленников для жертвоприношения. У ацтеков считалось, что захват пленника с целью принесения его в жертву свидетельствует о воинской доблести в битве. Хотя у ацтеков имела иерархия, которую можно сравнить с современной системой армейских званий, ацтекские воины не представляли собой единой монолитной силы. Их верность принадлежала селению или городскому округу, старосте деревни, императору, сословию и так далее. В этом смысле ацтекского воина можно сравнить с добровольцем, который, вступая в армию Союза во время Гражданской войны между Севером и Югом, разделял свои приоритеты между такими понятиями, как родной округ, штат и, наконец, федеральное правительство.

Юность воина

Повседневная жизнь в Мехико управлялась религией. Вскоре после рождения ребенка его отец призывал тональпоуки, или предсказателя. При помощи книги тональ-

ВВЕРХУ СЛЕВА

Прибытие учеников в тельпочкалли, или школу для мальчиков. Обратите внимание на отца, который беседует с куачиком о своем сыне. («Флорентийский кодекс», 3, часть 5, Американский музей естественной истории)

ВВЕРХУ СПРАВА

Враг признает полное поражение после того, как ацтекские воины сжигают храм главного бога города. Уэшоцинканский воин в изумлении прикрывает рот рукой, пока ацтек поджигает храм. («Флорентийский кодекс», 8, часть 17, Американский музей естественной истории)

«Кодекс Мендосы» содержит превосходные иллюстрации из жизни воинов. Воин слева вооружен тепоцтопили, чем-то вроде алебарды. На спине он несет каштли, раму для переноски груза, на которую нагружены припасы и заготовки для дротиков. («Кодекс Мендосы», Болейнская библиотека, Оксфорд)

поуки делал предсказание о будущем ребенка. Из обозначения одного из двадцати дней и тринадцати числительных составлялась пиктограмма. Есть указания на то, что если дата рождения давала плохое предсказание, тональпоуки мог приписать более благоприятную дату. Таким образом, жрецы предписывали каждому члену кальпилли род занятий с самого рождения. 75-м днем 260-дневного священного календаря был день Десять Орлов, матлактли куаутли. Этот день считался особо благоприятным, так что, несомненно, это имя часто встречалось у ацтеков.

Тех детей, которым выпадала судьба воинов, ожидал тяжкий труд с раннего возраста. Их обучением от трех до пятнадцати лет занимались родители, которые учили своих детей всему, что касалось жизни кальпилли (или городского района) и их месту в обществе. Сначала дети занимались простыми домашними делами, которые укрепляли их тело, – носили купленные припасы с рынка в центре города, дрова, воду. В семь лет их начинали учить управляться с лодкой и ловить рыбу в озере Тешкоко. Обычно они довольствовались небольшим количеством еды – половиной маисовой лепешки в три года, лепешкой – в пять и полтора лепешками в двенадцать, кроме праздничных дней. Это должно было подготовить будущих воинов к долгим походам без пищи. За леность сурово наказывали – стегали колючей агавой или даже окуривали лицо дымом от раскаленного острого перца.

В зависимости от семьи и ее социального статуса мальчиков посылали в школу – простолюдинов в тельпочкалли, знатных – в кальмекак. Там учили в числе прочего военному делу. Похоже, что сыновья знати и воинов могли становиться воинами по своей воле. Отдавая ребенка учиться, родители представляли его возглавлявшему школу тельпочтлато и священным изображениям бога юности:

Базальтовая статуя ацтекского бога Кецалькоатля, имя которого означает «Пернатый змей». (Роджер Вайолет/ Topfoto)

Здесь владыка поместил его. Видишь, что наш владыка одарен самоцветом, драгоценным пером, – дитя прибыло. На колени твои, в колыбель твоих рук мы помещаем его. Ныне посвящаем его владыке, тени, ветру, Тескатлипоке и молим, чтобы он защитил его. Мы оставляем его, чтобы он сделался юным воином. Он будет жить здесь в доме возмездия, в котором рождаются воины-орлы и воины-ягуары. (Саагун, «Флорентийский Кодекс», книга 3:51–53)

Вдобавок ко всем этим занятиям дома и в школе мальчик должен был вместе с ровесниками принимать участие в общественных работах – чистить и чинить акве-

дуки, каналы и дороги, которые пересекали город и служили важным средством сообщения.

Теночтитлан вырос на маленьком острове у западного берега озера Тешкоко. Здесь основатели города смогли выжить, научившись ловить рыбу, охотиться на птиц и пользоваться прочим, годным в пищу. Позже жители каждого кальпилли стали организованно обрабатывать поля-чинампы, образованные после сооружения дренажных каналов на затопленных землях. Каждый участок поля был образован при помощи оград из заплетенных лианами кольев, внутри нее все заполнялось слоями перегноя и плодородного ила со дна озера. Вокруг полей высаживались ивы – таким образом, чтобы их корни укрепляли почву и замедляли эрозию. Впоследствии чинампы удобрялись отходами, которые производили жители поселка. Эта система мелиорации вскоре позволила мешикам выращивать по три урожая в год и вчетверо увеличила размеры острова. Озеро служило естественной защитой от нападений врагов, что давало стратегическое преимущество, когда мешики начали наниматься на службу в сухой сезон.

По мере роста богатства и процветания, однако, возникла необходимость в снабжении припасами и торговле с царствами вокруг озера. Первое соглашение было заключено с Чапультепеком о строительстве акведука для доставки в город свежей воды – раньше ее доставляли на каноэ. Вскоре были построены еще и дороги, соединившие Теночтитлан с северным и южным берегами, причем мешики предусмотрели на них систему мостов, которые можно было при необходимости убирать. Таким образом, город мог превратиться в практически неприступную крепость.

К середине XV в. мешики разбогатели на военной добыче, и появившаяся элита для улучшения своего положения и увеличения престижа перераспределяла эти богатства путем ежегодных празднеств, посвященных богам. Чтобы сделать эти праздники еще великолепнее, они стали возводить огромные храмовые комплексы. Эти комплексы были чем-то вроде театров для постановки религиозных драм, которые объединяли семьи каждого кальпилли ритуально и социально. Здесь же

Воин-куэштекатль, XVI в.

Воинов, которым удалось взять в плен двух врагов, награждали особой формой, которая состояла из одежды под названием тлауицтли, высокой конической шапки-копилли и щита с черным узором, изображающим «ястребиные царапины». Тлауицтли шили из стеганого хлопка и расшивали красными, желтыми, синими или зелеными перьями, которые покоренные города-государства присылали в Теночтитлан каждый год в уплату дани. Форма шапки (1) была позаимствована у уастеков с побережья Веракруса после завоевания этого региона Монтезумой Илуикаминой в 1469–1481 гг. Основа копилли делалась из тростника. Земли уастеков славились своим хлопком, что и привлекало ацтеков. Пряжкам и ткачам покровительствовала богиня Тлацольтеотль. В ее честь воины носили в ушных кольцах (2) пучки неспряденного хлопка,

а поскольку богиня была еще и покровительницей луны, то в нос они вдевали золотой йакамецтли, «носую луну» (3). Помимо воинской одежды, император награждал воинов плащами, которые назывались тильматли и указывали на ранг воина в мирное время (4). Набедренную повязку маштлатль (5) ткали и вышивали (5a) жена или мать воина. Ацтеки носили маштлатль особым образом (5b). Узел, которым ее завязывали, выпускали наружу через разрез в тлауицтли. Сандалии (6) представляли собой толстую травяную подошву, к которой пришивали хлопковую пятку и завязки. Воинское облачение сжигали на погребальном костре владельца, но во времена испанской колонизации потомки индейских воинов стали сохранять их облачения как ценное родовое наследие. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

располагались жреческие школы-кальмекак для знатных и воинские тельпочкалли для простолюдинов.

Многие наставники в тельпочкалли были ненамного старше своих учеников. В их обязанности входил присмотр за новичками и поиск тех, кто не только удовлетворял физическим требованиям, но выказывал подобающее почтение и имел здравые суждения. Несомненно, они притесняли учеников оскорблениями и физическими наказаниями, как это делают инструктора в любой армии с незапамятных времен, но это было необходимо для того, чтобы определить, кто сможет выжить в опасной ситуации настоящего сражения. Если мальчик выдерживал все это, его могли сделать наставником младших, а впоследствии он мог стать тельпочтлато, ответственным за подготовку целого поколения закаленных воинов, на которых держалось выживание империи. В ацтекском обществе пьянство было запрещено и даже наказывалось смертью. Ученик тельпочкалли мог рассчитывать на единственное украшение этой спартанской жизни – право содержать наложницу, если он найдет себе таковую.

В тельпочкалли на образование и религию отводилось мало времени – в отличие от школ-кальмекак для детей знатных семейств, в которых именно этому уделялось особое внимание. В тельпочкалли все было направлено только на военную подготовку, включая испытание тяжелым каждодневным трудом. Единственным развлечением являлись вечерние песни и танцы, которые объединяли мальчиков каждого кальпилли духовно, а также помогали развить ловкость и чувство локтя, требовавшиеся для рукопашного боя и передвижений отрядов. Многие из этих песен были посвящены деяниям богов, культурных героев или воинов кальпилли, совершивших чудеса героизма. Тескатлипока, покровитель школы, воплощал в себе самые выдающиеся качества воина. Он был смелым и отважным. Он сумел искусно перехитрить своего толланского соперника, Кецалькоатля, опозорив его перед народом и изгнав из его собственного царства. Но у Тескатлипоки была и оборотная, темная сторона. Он славился тем, что вводил своих последователей в заблуждение, внушая им ложную гордость только для того, чтобы лишить их божественной защиты как раз тогда, когда они в ней больше всего нуждались, и смотрел, как они губят сами себя. Так что то, что именно Кецалькоатль стал богом-покровителем кальмекак, школ учености, не было случайным совпадением.

Обучение

Мальчики знакомились с сущностью войны посредством главных религиозных празднеств, которые проходили в течение года на главной церемониальной площади Теночтитлана. В конце сухого сезона, между февралем и апрелем, на площади перед Великим Храмом в Теночтитлане устраивали празднество в честь бога дождя Тлалока и бога войны Шипе Тотека. Конец «времени войны» и начало нового сезона отмечали пирами, танцами и песнопениями. Однако главным событием празднества являлись инсценированные бои, в которых знатные пленники, захваченные в походах прошедшего сезона, сражались насмерть с тяжеловооруженными воина-

ми. В другое время ученики и кальмекак, и тельпочкалли принимали участие в учебных боях команда на команду, причем победители получали в качестве призов пищу, подарки и другие награды. Опытные воины разных рангов учили молодых обращаться с основными видами оружия – пращей, луком и копьем. Самые лучшие ученики затем начинали тренировки с мечом и щитом.

Не менее важной для развития ловкости, подвижности и выносливости была игра в мяч, история которой уходит корнями как минимум во второе тысячелетие до н.э. Открыв свойства каучука, мезоамериканцы создали множество разновидностей игры, в которой могло участвовать от одного до десяти человек с каждой стороны. В эту игру и сегодня играют в Мехико. В ходе состязания две команды перебрасываются мячом, пока могут удержать его в воздухе. Как только мяч касается земли, судья делает в месте касания отметку, обозначая территорию, утраченную противником. Игра заканчивается, когда одна из команд теряет столько территории, что уже не может эффективно маневрировать. В поздние времена у ацтеков увлечение игрой граничило с манией, которой были подвержены и знать, и простонародье, люди ставили все свое достоинство на исход одной-единственной игры. В некоторых случаях матчи были дополнением к войне. Ашайакатль вызвал правителя Шочимилько сыграть в мяч и поставить на кон владения вокруг озера Тешкоко. Когда противник выиграл, Ашайакатль напал на него и убил.

Если наставники убеждались в физической и духовной крепости подростка, то его рекомендовали в армию. В конце XV – начале XVI в. не было недостатка в возможности показать себя на поле боя. Обычно его назначали носильщиком к подростку постарше из числа учеников кальмекак, уже сумевшему пленить врага. Успех в ацтекской армии измерялся по числу взятых в бою пленников и по положению, которое те занимали среди своих соплеменников. Уастеков считали никуда не годной добычей, так что тем, кто брал их в плен, не жаловали богатых наград. С другой стороны, воин, сумевший пленить тлашкаланца, получал высокую награду.

Наряду с завоеваниями и захватами ацтеки известны своими «цветочными войнами», которые велись с заранее выбранным противником по предварительномуговору. Единственной их целью являлся захват пленных, чья жизнь затем приносилась в жертву богам на алтарях столичных храмов. Помимо жертвоприношений, эти войны давали опыт молодым воинам, только что закончившим обучение. Место схватки обычно определяли заранее по обычным дипломатическим каналам, а военачальники обеих сторон выступали судьями-посредниками. Подготовившись к походу, армии Теночтитлана и его союзников выступали навстречу врагу. Отряды комплектовались таким образом, чтобы в их составе были и опытные ветераны, и новобранцы.

Первоначально битвы представляли собой что-то вроде европейских общих схваток на турнирах. Целью было скорее проявление доблести, чем полный разгром противника. Воины прикладывали все возможные усилия, чтобы избежать убийства врага, которого следовало взять в плен и привести в город для жертвоприношения. Отец Дуран описывает один случай, произошедший в 1487 г., когда в Великом Храме принесли в жертву 80 400 пленных, перед этим выстроив их вдоль дороги

в соответствии с тем, какая из союзных армий их захватила. Кроме того, ранняя политика ацтеков была связана с борьбой партий, так что они избегали превращения «цветочных войн» в полномасштабные войны – нынешний враг мог стать в следующем году союзником. Однако к концу XV в. Ауицотль отчаялся нанести поражение тлашкальтекам и их союзникам, поэтому сражения между противоборствующими армиями того времени могли считаться «цветочными войнами» только по названию.

Оружие и доспехи

Оружие, с которым тренировались мешикские юноши, имело много общего с оружием древних армий всего мира, однако, учитывая примитивность их быта, мешики имели хорошие доспехи – даже по стандартам XVI в. Сыновья крестьян, составлявших основную часть населения, могли сами практиковаться в обращении с пращей, причем эта игра еще и приносила добычу к семейному столу. Это оружие можно было соорудить в любой момент, просто сплетя его из волокон магуэй. Пятифутовая (1,52 м) петля пропусклась через ремень, в который вкладывался метательный снаряд. Один конец петли оборачивался вокруг трех пальцев, а другой конец зажимался между указательным и большим. Чтобы метнуть снаряд, петлю вращали над головой несколько раз, затем отпускали большой палец в тот момент, когда петля была направлена на цель. В сражении пращники метали небольшие, специально подобранные овальные камни, которые могли проломить человеку череп с расстояния до 200 ярдов (ок. 180 м). Град таких камней так или иначе причинял врагу урон, и даже тяжеловооруженные европейцы не избежали серьезных ранений от камней из пращи.

Кроме того, мальчики учились пользоваться луком и стрелами, древним оружием их предков-чичимеков. Свои умения они оттачивали на охотах, которые устраивались в окружающих горах во время праздника Куэчолли. Луки могли иметь разную длину, в зависимости от назначения. Наиболее длинные из них достигали пяти футов (1,52 м). Самыми лучшими считались луки, сделанные из орешника или ясеня. Тетиву делали из кожи или сухожилий животных. Стрелы обычно изготавливались из калины: их выпрямляли, поочередно высушивая и размачивая. К заднему концу стрелы крепили несколько перьев для устойчивости полета, а ее передний конец расщепляли и вклеивали туда варом или смолой наконечник, затем закрепляя его ремешком. Наконечники делали из сланца или кремня, но использовали также медь и обсидиан. Трехзубые костяные наконечники, которые первоначально применяли для охоты на птиц, могли причинить серьезные ранения. Лучники и пращники были примерно равны по способности вносить хаос в ряды противника с дальнего расстояния, и поэтому их часто объединяли в одних отрядах. Однако они редко использовались как основные боевые силы, поскольку в ближнем бою их сминали и рассеивали более тяжеловооруженные враги. Самым древним мезоамериканским оружием, несомненно, являлось копьё – а вместе с ним и копьёметалка-атлатль. Похоже, что традиционный палеоиндейский атлатль из

Ацтекский боевой порядок

Двое куачиков перед строем выкрикивают оскорбления и издеваются над врагами, чтобы спровоцировать самых вспыльчивых из них нарушить строй и атаковать по центру главных сил. Ацтеки предпочитали разворачивать свои войска в как можно более протяженную боевую линию, с тем чтобы окружить противника двойным обхватом с флангов. Кажущийся беспорядок строя объясняется тем, что воины разных рангов целенаправленно перемешивались так, чтобы новобранцы могли следовать примеру опытных ветеранов. В первых рядах боевой линии большинство составляют воины в ранге куэште-

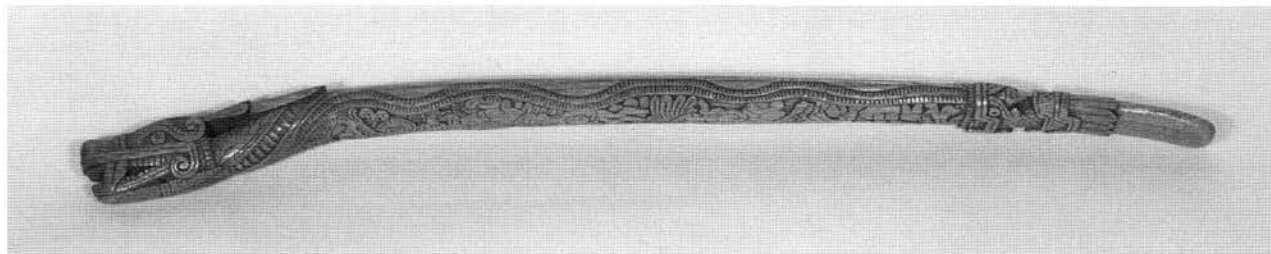
катль, уже доказавшие свою доблесть в битве и желающие добиться новых наград. Их легко отличить по конусообразным шапкам-копилли. Еще более опытные воины рангов ягуара и отоми выдвигаются вперед сквозь массы новобранцев, чтобы подготовиться к отражению ожидающейся атаки. Великолепный штандарт, поднятый над задними рядами, свидетельствует о присутствии командира, оценивающего вероятность атаки, чтобы сообщить о ней высшему начальству, которое наблюдает за происходящим с ближней возвышенности. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

Кловиса был на самом деле изобретен примерно за шестнадцать тысяч лет до н.э. людьми Солютрейской культуры¹, которые охотились на китов и моржей в прибрежных водах от севера Испании до Северной Америки. Преимущество копьеметалок в наземных действиях состояло в том, что они позволяли группам охотников согласованно и многократно атаковать крупных животных вроде бизона или мамонта, тем самым ослабляя их, но при этом не приближаться к ним. Ацтекские копьеметалки различаются по размерам, но большинство сохранившихся экземпляров имеют длину около двух футов (примерно 60 см). Копьеметалку держали между указательным и средним пальцами, которые продевали в петли по бокам древка. Тупой конец копья вкладывали в углубление, проходившее по всей длине копьеметалки. Для броска копьеметалку резко дергали вперед движением, похожим на удар кнутом. Пущенное таким способом копье летело в цель с силой, в двадцать раз превосходящей ту, которая возможна при обычном броске рукой. Многие копьеметалки были искусно вырезаны из дерева твердых пород и украшены орнаментом. Наиболее популярным мотивом являлись змеи – считалось, что они наделяют предмет, на котором изображены, свойствами живого создания. Несмотря на то что копьеметалки широко использовались теотиуаканцами, миштеками, сапотеками и майя, вопрос о том, насколько обычный ацтекский воин полагался на атлатль, остается спорным. Похоже, что для уверенного использования этого оружия необходимы изрядное мастерство и практика, так что это было скорее оружие избранных. Примечательно то, что это оружие часто появляется в руках ацтекских богов.

Сцена из «Кодекса Мендосы». Справа изображен воин высокого ранга со щитом, украшенным перьями, и заостренным боевым посохом-уицоктли. Его сопровождает юноша из тельпочкалли, который несет в плетеной корзине припасы и еду на двоих, а также свое оружие. («Кодекс Мендосы», 62г., Бодлейская библиотека, Оксфорд)

¹ Солютрейская культура – археологическая культура середины позднего палеолита, распространенная на территории Франции и Северной Испании. Сменила ориньякскую культуру и перигорскую культуру и, в свою очередь, сменилась мадленской культурой. Датируется (радиоуглеродным методом) 18–15 тыс. лет до н. э. Впервые выделена Г. Мортилье в конце 1860-х гг. и названа по стоянке Солютре (*Solutré*), департамент Соны и Луара во Франции. Характеризуется тщательно изготовленными, обработанными совершенной отжимной ретушью кремнёвыми, т. н. солютрейскими наконечниками в форме лаврового или ивового листа, а также с выемкой. Часть из них служила наконечниками копий и дротиков, часть – ножами и кинжалами. Вместе с ними находят кремнёвые скребки, резцы, проколки, остря, костяные наконечники, иглы с ушками, жезлы, произведения искусства и др. В ряде позднепалеолитических стоянок Центральной Европы и Европейской части СССР обнаружены отдельные черты сходства с Солютрейской культурой. (Прим. переводчика)

Ацтекский атлатль, или копье-металка. (Национальный музей антропологии, Мехико)

Широко использовались дубинки и топоры. Дубинки с утолщением на конце назывались куауололли. Их делали из твердых пород дерева. Это оружие было легко готовить, и его особенно любили уастеки, тараски и их соседи. Дубинка использовалась для того, чтобы оглушить человека, которого затем связывали и оттаскивали в тыл. Топор как оружие вряд ли моложе копьеметалки. Будучи первоначально хозяйственным орудием, топор появляется в качестве оружия в произведениях ольмекского искусства, изображающих верховных вождей, за тысячу лет до н. э. Топоры делали либо из твердого камня, либо из литой меди и насаживали на деревянную рукоять. Похоже, что в древние времена именно они являлись основным оружием ближнего боя, применявшимся после того, как был произведен залп из копьеметалок. Однако в более поздние времена ацтекские воины, видимо, уже не использовали топор столь широко.

Общепризнанным важнейшим оружием ацтеков был макуауитль – меч, вырезанный из дерева, со вклеенными по сторонам острыми как бритва обсидиановыми лезвиями. Большинство экземпляров этого оружия имели в длину около 3,5 фута (1,06 м), но были и такие, которые следовало держать двумя руками. Это оружие редко встречалось в Мезоамерике в более ранние времена, когда война являлась преимущественно уделом знати, так что мы предполагаем, что широкое распространение макуауитля у ацтеков связано с необходимостью быстро и эффективно вооружать и обучать большие армии простолюдинов. Во времена Конкисты один испанец описывал, как «индеец сражался против всадника, и этот индеец нанес лошади своего противника такой удар в грудь, что рассек ее до внутренностей, и та пала мертвой на месте. В тот же день я видел, как другой индеец ударил лошадь по шее, и та упала мертвой к его ногам». По таким свидетельствам становится понят-

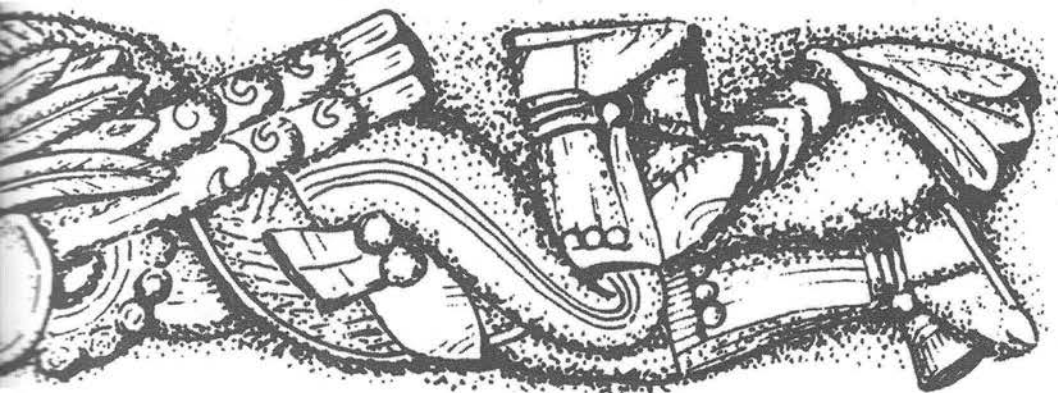
но, что макуауитль вряд ли был предназначен для чего-то, кроме нанесения врагу серьезного увечья.

Кроме этого, ацтеки использовали для ближнего боя копье-тепоцтопилли, похожее на зулусские копья (ассегаи) XIX в. Но у зулусов наконечники копий были стальными, а оружие ацтеков вырезалось из дерева и имело длинный и широкий клинообразный наконечник с обсидиановыми лезвиями, как у макуауитля. Длинной эти копья были от 3 до 7 футов (1,06–2,13 м). Как правило, молодым воинам во время первого боевого задания полагалось действовать именно таким оружием. Это позволяло им оставаться в задних рядах и колоть копьем, оскорбляя врага с безопасной дистанции, пока более опытные воины сражались в первых рядах.

Культура ацтеков была не столько культурой каменного века, сколько культурой обсидиана. Обсидиан – это вулканическое стекло, образующееся при быстром остывании и затвердевании богатых силикатами потоков вулканической лавы. Выходы обсидиана подвергаются эрозии, так что скопления расколотых глыб выступают на поверхность. Крупнейший из таких выходов обсидиана находится вблизи от Тулан-синго, в 65 милях (ок. 105 км) от Теночтитлана. Оттуда глыбы легко было перевозить в город, где их раскалывали на части, которые расходились по сотням ремесленников, изготавливавших наконечники для стрел и копий, лезвия ножей и тысячи небольших лезвий для использования в быту и на войне. Технология использования обсидиана вполне доступна и проста – в отличие от требующего изрядных затрат производства железа и стали. Можно сделать обсидиановое лезвие за несколько секунд, использовать его, пока не затупится или не сломается, а потом просто сделать новое, которое годится почти для любой области применения, включая военное дело.

Оригинальное оружие, созданное ацтеками, требовало столь же неординарной защиты. Например, секущие и режущие удары макуауитля потребовали больших по размерам щитов, чем раньше. Круглые щиты-чималли достигли 30 дюймов (76 см) в диаметре. Самые прочные из них были сделаны из обожженных прутьев или деревянных реек, переплетенных плотным хлопком. Такие щиты украшали бахромой из перьев, кожи или ткани, чтобы дополнительно защитить ноги. Появились также щиты из цельного дерева, иногда их даже усиливали медью. Щиты щедро раскрашивались или украшались перьями, узор представлял собой геральдические

Деталь позолоченной резьбы, украшающей заднюю часть атлатля. (Изобразительная библиотека Энн Ронан /Heritage Images)

фигуры, показывающие достижения владельца. Самыми популярными были узоры шикальколиукуэ и куэшио.

Способов защиты головы было множество. Даже обычная воинская прическа, темилотль, представлявшая собой собранные на макушке и завязанные в узел волосы, могла значительно смягчить удар по голове. С некоторыми видами боевого облачения носили также защитные шлемы и шапки. Шлемы имели форму орлов, голов ягуаров и прочих символов, которые обозначали ранг или принадлежность к воинскому подразделению. Шлемы делали из дерева или кости, украшали их перьями. Если у подразделения было тотемное животное – ягуар, волк или пума, то в качестве шлема могли использовать голову этого животного, закрепленную на основании из дерева или стеганого хлопка. Воин смотрел через пасть зверя, с которым, по верованиям ацтеков, он составлял одно целое. Помимо защитной функции эти боевые облачения и шлемы должны были наводить на противника ужас.

Почти все воины носили защитные куртки из стеганого хлопка – ичкауипилли. Стальная броня, как на опыте убедились испанцы после высадки на Эспаньоле, в жарком и влажном климате Карибов, Мексики и Центральной Америки бесполезна. По конструкции ичкауипилли больше похож на бронезилет – он предназначался не для того, чтобы останавливать удар или выстрел, а для того, чтобы поглотить

Ацтекский парадный щит с изображением койота, украшенный перьями. Свиток, разворачивающийся из пасти зверя, означает речь или песню. Подобное произведение искусства было поднесено Кортесу в качестве императорских даров. (Torfoto)

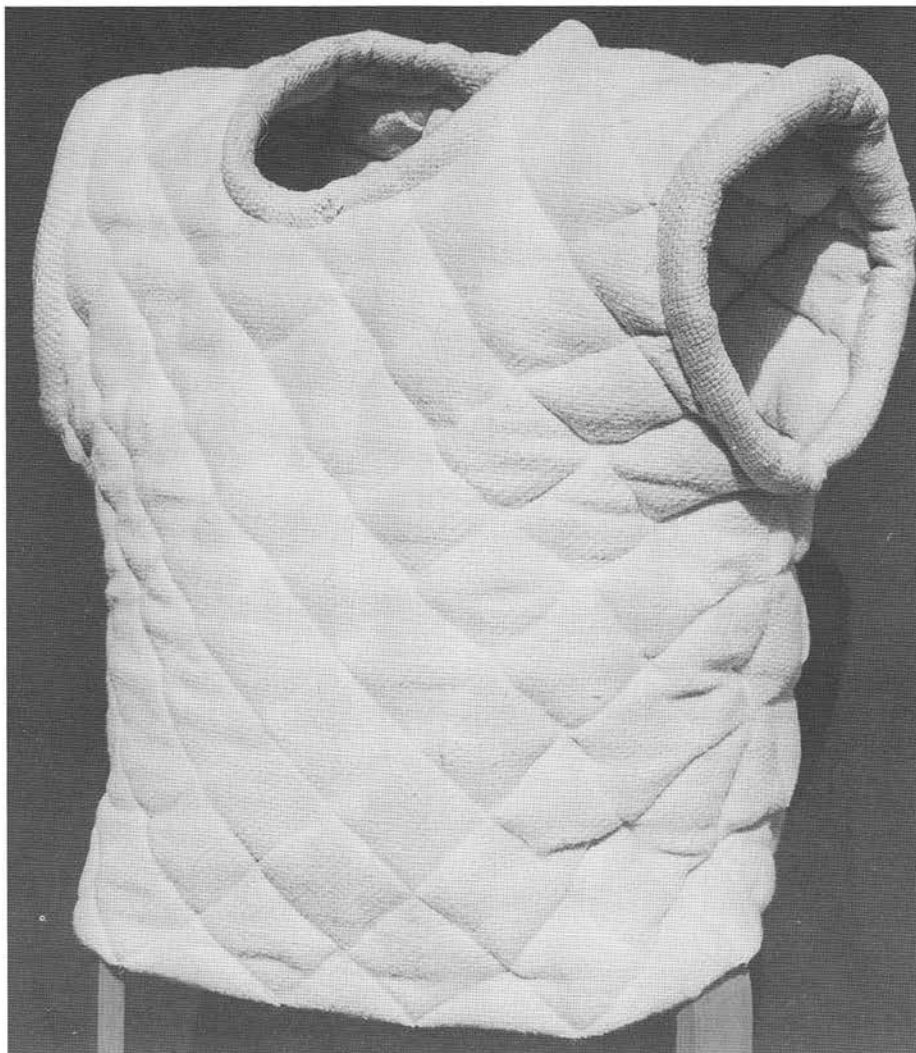
Ацтекские шлемы и госпехи

Обычно воины носили ичкауипилли (1 и 2). Самой распространенной разновидностью этого стеганого доспеха была надевающаяся через голову рубаша. Ее носили под тлауцтли и зуатлем, что придавало воину внушительный вид. Некоторые изображения дают повод предположить, что знать носила ичкауипилли еще и просто как рубашу или куртку. Некоторые были выкрашены в яркие оттенки красного и синего. Ичкауипилли прекрасно подходил для влажного климата, характерного для многих районов Мексики. Теоретически его могли использовать скорее как аналог современного бронежилета, который гасит силу удара, а не пытается

остановить его, как европейский стальной доспех. Шлемы вырезали из твердого дерева – например, красного. Их дополняла шапка из плотного хлопка, а также кожаные или хлопковые ленты, которые завязывались под подбородком. Шлемы давались воинам в награду, поэтому изображали либо ягуара (3), либо койота (4), либо цимомитля (5), ацтекского «демона мести». Однако высокопоставленные представители знати могли заказывать себе шлемы с любимыми геральдическими фигурами – орлами, попугаями, грифами, обезьянами, медведями, волками и кайманами. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

силу удара. Вариантов было множество. При свободном покрое его можно было носить просто как куртку, с завязками на груди. При более облегающем покрое получался жилет, который надевали через голову. Изображения ичкауипилли в пиктографических рукописях показывают, что его длина могла изменяться от талии до бедра. По большей части эти куртки и жилеты были естественных тонов, но попадаются и окрашенные в яркие цвета. Часто хлопковые куртки носили с зуатлем, закрытой туникой с отделкой из кожи и перьев. Зуатль также отличался тем, что

Простой доспех из стеганого хлопка – основное облачение ацтекского воина. Носимый под тлауицтли или зуатлем, он придавал воину внушительный вид. Известно, что у солдат Кортеса были такие доспехи, которые для них изготовили на Кубе. (Реконструкция Джона Пола)

имел кожаную юбку или пришитые снизу полосы ткани либо перья для защиты бедер. Ацтекские императоры были известны своей любовью к зуатлям из красных терьев колпицы, которые они собирали лично. Для дополнительной защиты с зуатлем носили браслеты на запястьях и выше локтя, а также наголенники из дерева, коры и кожи, иногда усиленные металлом.

Одежда и различия

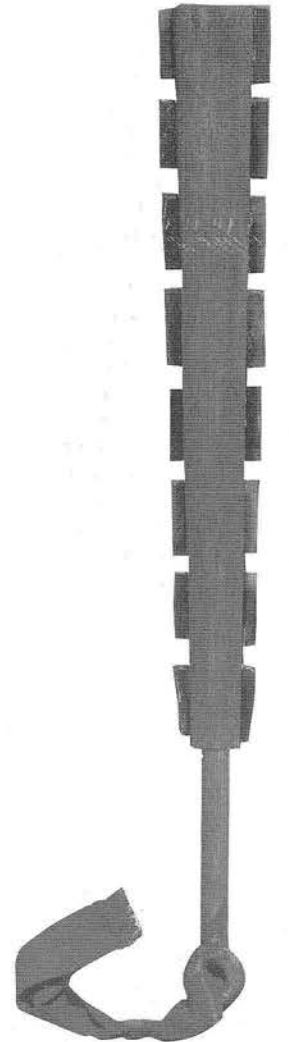
Должно быть, на испанцев произвело ошеломляющее впечатление разнообразие военной одежды, существовавшее в ацтекской армии. На самом деле эти ритуальные облачения составляли основу сложной системы различий. Если в большинстве культур униформа использовалась для различения отдельных воинских подразделений, то у ацтеков она обозначала различие между воинами с разным боевым опытом внутри подразделения. Почти все его члены приходились друг другу род-

ственниками, так как их набирали в одной кальпилли и ее окрестностях. Боевой дух подразделения и взаимная ответственность основывались на семейных узах, а святая обязанность ветеранов состояла в том, чтобы присматривать за новобранцами. Разукрашенные облачения были символом их гордости, они воодушевляли юношей, сражавшихся рядом. Когда юноша вступал в армию, у него обычно имелись только набедренная повязка-маштлатль, сандалии и короткий домотканый плащ. Видам воинских облачений, знакам различия и их значению новобранцев учили по пиктографической книге.

Ранг воина и детали его облачения зависели от количества взятых им в плен врагов. Когда юноша из тельпочкалли захватывал двух пленных, то он получал право носить куэштекатль, одежду, ведущую происхождение от воинских облачений уастеков – память о победе над ними при Монтесуме I. Куэштекатль состоял из облегающей куртки под названием тлауицтли, связанной из хлопка и расшитой красными, желтыми, синими и зелеными перьями. К этому прилагалась коническая шапка того же цвета. Воин, который сумел пленить трех врагов, получал в награду длинный ичкауицилли с черным украшением в виде бабочек, четырех – наряд и шлем ягуара, а пятерых и больше – тлауицтли из зеленых перьев с черным украшением, которое называлось шопилли, «коготь». Выдающиеся воины, которые желали стать командирами, могли выбирать – занять ли им командную должность или перейти в отряд куачике, своего рода «берсерков» ацтекской армии.

Жрецы из кальмекак тоже получали награды. Приступая к исполнению своих обязанностей в храмах, они приносили обет бедности и должны были носить шиколли, простую хлопковую куртку без украшений. На поле боя они могли получить в награду одеяние не менее яркое, чем воины из тельпочкалли. Пленивший двух врагов получал белый тлауицтли с черным украшением, ритуальную принадлежность богини Тлацотеотль. Тремя пленными можно было заслужить право носить зеленый тлауицтли и памитль, флажок с красными и белыми полосами, увенчанный пучком драгоценных зеленых перьев кецалья. Жрец, захвативший в плен четырех и более врагов, получал куэштекатль с узором в виде белых кругов на черном, что обозначало звезды. Захвативший пятерых пленников носил красный тлауицтли с черным украшением в виде большого веера из перьев попугая ара, который назывался момойактли. Те же, кому повезло захватить шестерых, получали в награду одеяние койота с желтыми или красными перьями и деревянные шлемы.

Военный ранг зависел от социального положения. В центре ацтекского общества находился уэй тлатоани, Великий Оратор. К XV в. эта позиция стала соответствовать императорской. Далее шли мелкие правители и князья – тетекунтин (ед.ч. текутли), выдвинувшиеся из числа знатных людей, пипильтин (ед.ч. пилли). Однако честолюбивые простолюдины-масеуатлин (ед.ч. масеуатль) могли добиться высочайших рангов благодаря своим военным достижениям. Для этого надо было подняться по армейским рангам, из которых нам известны названия десяти. Помимо этих рангов существовали еще четыре для высшего командования (и эти ранги, безусловно, были запретными для пипильтин) – тлакатекатль, тлакочкалькатль, уитцинауатль и тикокиауакатль. Те, кто дослужился до ранга командира подраз-

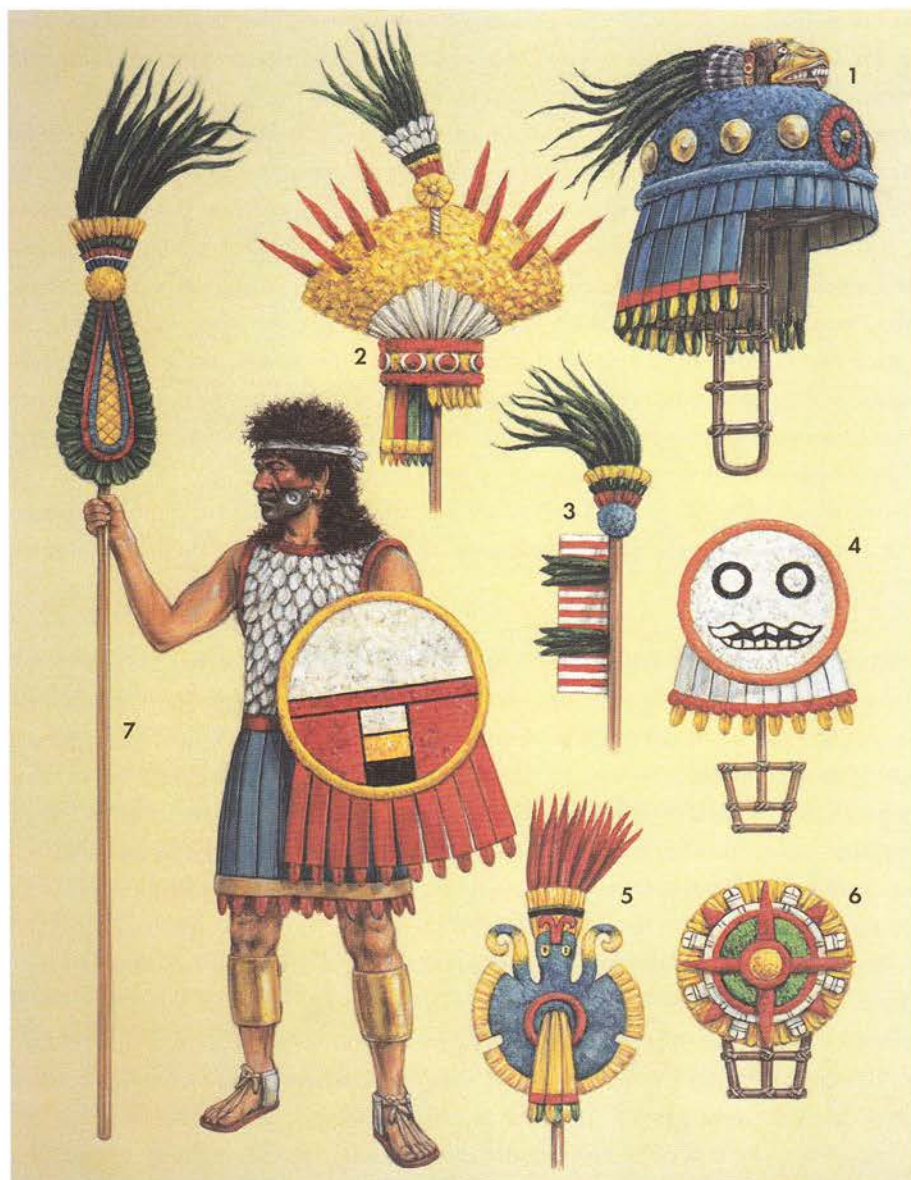
Реконструкция тяжелого 5-футового (1,24 м) макуауитля. Оружие цепляли к кисти руки скользящим узлом. Качество меча зависело от острых как бритва обсидиановых лезвий, крепившихся к деревянной основе. (Реконструкция Джона Пола)

Образцы дани, выплачиваемой правителям Мексики. Большая часть воинских одеяний, которые ацтекская империя требовала в уплату дани, представляла собой уастекские облачения и облачения в стиле ягуара. Пример облачения ягуара – в нижнем правом углу. Здесь же показан тлакатекатль, одеяние командира отряда, с черным куашолотлем (справа вверху) и тлакочкалькатль со шлемом в виде демона-цицимитля (слева внизу). Два нижних щита украшены узором куэшио. Перья, образующие узор, крепили на основу щита растительным клеем. Полосы кожи, свисающие с нижнего края щита, предназначались для защиты ног.

Как показывает реконструкция, в реальности щиты были больше, относительно человеческого роста, чем показано на рисунке. Верхний левый щит украшен узором шикальклокви, или меандром. Ацтекских воинов чаще всего награждали именно таким щитом. («Кодекс Мендосы», Бодлейнская библиотека, Оксфорд)

деления и выше, получали в награду яркие одеяния подобающих цветов. Самым броским элементом этих одеяний являлось большое украшение из перьев, делавшее его носителя хорошо заметным на фоне прочих воинов. Вероятно, самый необычный вид имело облачение тлакочкалькатля, Хранителя Дома Копий. Командующие этого ранга чаще всего состояли в близком родстве с императором – например,

Ацтекские стяги и знаки

Большие плюмажи, носимые на спине и плечах воинами высокого ранга и командирами, играли важную роль в координации действий разных отрядов. Эти знаки различия не должны были быть тяжелыми, поэтому делали их так: обтягивали каркас из прутьев тканью, которую расширяли сотнями перьев. Согласно «Кодексу Мендосы», шлем куашолотля (1) мог быть желтого, синего или зеленого цвета. Верхушка украшалась головой пса по имени Шолотль с оборванными, согласно легенде, ушами. Знак тлекокомоктли (2) должен был изображать волосы, объятые пламенем. Пример такого знака приведен у Саагуна в «Предварительных записках» (Primeros Memoriales). Стяг уицнауатля назывался «колющее слово» и представлял собой разновидность

обычного сигнального флага-памятля (3). На чимальявицтли, «щитовом знаке», изображали ухмыляющегося демона (4). Папалотль (5) изображал бабочку. Какуатонатли представлял собой солнцеобразный знак из черных и желтых перьев (6). Стратегическое значение этих знаков и стягов показал пример битвы при Отумбе. Действия десяти тысячной армии ацтеков направлял сигнальный отряд, возглавляемый сиуакоатлем (7). Кортес отважно бросился в атаку и убил сиуакоатля, что произвело ошеломляющий эффект на всю ацтекскую армию. Ацтеки не только были деморализованы – они оказались неспособны управлять перемещениями войск и в беспорядке бежали. (Адам Хук, © Оспри Пабблишинг Лтд.)

Ицкоатль и Монтесума были тлакочкалькатлями до того, как сделались уэй тла-тоани. Их форменная одежда включала в себя устрашающий шлем, изображавший ццицимитля, демона, который мстит своим врагам.

Вне строя, когда в боевом облачении не было необходимости, рядовым воинам и командирам полагалось носить приметный плащ-тильматли. Имея длину от 4 до 6 футов (1,22–1,83 м), он скреплялся на правом плече и свободно ниспадал вдоль тела. Как и собственно воинская одежда, тильматли украшался таким образом, чтобы достижения его владельца были заметны с первого взгляда. Так, у простолюдина, взявшего одного пленника, украшением тильматли являлись цветы, два пленника давали право на оранжевый тильматли с полосатой каймой. И далее – чем выше был ранг воина, тем более сложный узор украшал его тильматли. Самые богатые были сотканы, окрашены, расписаны и расшиты с таким старанием, что европейцы сравнивали их с лучшими одеждами из шелка.

Значение разных облачений и оружия для воинов показывает речь, приписываемая Тлакаэллею (приводится Дураном в «Истории индейцев Новой Испании», стр. 234):

Я желаю вселить мужество в сердца тех, кто смел, и воодушевить тех, кто слаб. Знайте, что ныне император повелел, чтобы отважные мужи не покупали на торжище золотые венки, перья, украшения для губ и ушей, браслеты, оружие, щиты, плюмажи, богатые плащи и штаны. Наш повелитель сам раздает их в награду за незабываемые деяния. По возвращении с войны каждый из вас получит награду сообразно заслугам, чтобы вы могли показать своим семьям и богам доказательство своей доблести. Если кто из вас думает, что потом «займет» себе этой славы, – пусть помнит, что наградой за такое будет лишь смертная казнь. Сражайтесь, мужи, и обретите себе богатство и славу здесь, на бранном торжище!»

Сравнение с торжищем, рынком, было больше чем просто метафора. В архаичных обществах производство и потребление предметов роскоши в виде хлопка и перьев являлось прерогативой элиты. Простым людям запрещалось даже носить украшения. Главными мастерицами были женщины знатных родов, поэтому правители стремились приобрести много жен не только ради создания новых союзов, но и для того, чтобы увеличить свое богатство благодаря их приданым, свадебным дарам и прочим способам обмена подарками. Учитывая то, что правитель мог жениться до двадцати раз, каждый дворец мог производить предметы роскоши во множестве. К 1200 г. н. э. царские дворцы в центральных и южных землях были вовлечены в систему яростной конкуренции, целью которой являлось упрочение собственного положения среди союзников, связанных сетью взаимных обязательств. Многие довольно быстро поняли, что чем лучше знатная семья способна приобретать диковинные материалы и производить из них украшения, ткани и перьевые композиции, тем более выгодные браки она может заключать. Чем лучше заключенные браки, чем более высокое положение может занять этот царский дом среди союзников, тем проще можно будет приобретать все более редкие вещи, привлекать все более

Наместник выносит из дворцовых кладовых воинскую одежду и оружие и показывает их Монтесуме II. (Иллюстрация Джона Пола по «Флорентийскому кодексу»)

искусных торговцев и ремесленников. Короче, браки царских родов способствовали образованию синдикатов.

Ацтеки стремились путем завоеваний разрушить ориентированную на производство предметов роскоши экономику других государств, заставив их производить те же предметы для своей собственной системы обмена дарами и вознаграждения воинской доблести, той системы, благодаря которой ацтекский император мог улучшать общественное положение своих воинов. Иноземная воинская одежда служила наглядным доказательством того, как тяжела требуемая ацтеками дань. Сохранившиеся свидетельства сообщают, что каждый месяц из покоренных провинций в Теночтитлан поступало не менее 50 000 плащей. Перспектива вынужденно обратить свои умения на производство одежды, которая будет роздана еще более жадной до славы армии, устрашала – если только не была прямым оскорблением тем, кто бросал вызов империи.

Походы и снабжение

Хотя многие ученые сомневаются в численности ацтекских войск, указанной в испанских колониальных хрониках, факт остается фактом – эта оценка численности правдоподобна хотя бы только потому, что ацтеки могли создать запасы провизии и снаряжения в количествах, не сопоставимых с возможностями других цивилизаций Нового Света. Мы предполагаем, что неравенство между правителями и подданными, неизбежное во всех ранних цивилизациях, первоначально развилось из сосредоточения власти в руках «больших людей» племени. Это были общества, в которых люди выживали благодаря совместному возделыванию земли, централизованному расходу припасов и перераспределению излишков урожая. Предок современного маиса, теосинте, использовался шаманами как лекарство примерно за пять тысяч

Высеченная из камня голова воина-орла. Это воинское обличение было редкостью, оно явно предназначалось для знати. (Национальный музей антропологии, Мехико)

лет до н. э. Впоследствии посредством селекции теосинте превратился в дополнительный источник пищи, который выращивали те, кто стремился повысить свой статус в обществе и сделаться вождем. У исходного маиса, например, были слишком мелкие зерна, и это мешало ему занять положение основной пищевой культуры. Похоже, что маис употребляли в виде атоле, опьяняющего напитка, который и до сих пор пьют на праздники в окрестностях Мехико. Однако будучи окультуренным, он постепенно распространился в качестве основного источника пищи и стал доступен всем доколумбовым культурам, которые сменили охоту и собирательство на сельское хозяйство и оседлый образ жизни. Сельское хозяйство доколумбовой Америки позволяло обществу увеличить население, но в свою очередь требовало все более интенсивного хозяйствования. Ацтеки научились возделывать землю множеством способов – они выдалбливали террасы на склонах гор, прокладывали сотни миль каналов и даже создавали искусственные болота. Маис имел для них такое же значение, как хлеб для населения Европы и рис для жителей Азии. Именно маис, наряду с бобами и кабачками, давал мезоамериканцам богатую протеинами пищу, при которой практически не требовалось мясо.

Из домашних животных у ацтеков были только собаки и индейки. Когда на полях появлялись всходы, они приманивали оленей и пекари (диких свиней), так что охотники могли бить дичь на месте или ловить животных и держать на привязи. В некоторых районах оленей даже доили. Специалистами по уходу за скотом являлись женщины, они же возделывали огороды. Мужчины большую часть времени работали на полях. Нигде в мире в одомашнивание растений не было вложено

столько сил, и мы должны быть благодарны древним ацтекам за то, что впоследствии сделалось основой нашего рациона, — кукурузу, бобы, кабачки, помидоры и многое другое. Ацтекская армия зависела от двух источников снабжения — собственно кальпилли и запасов, созданных покоренными государствами в указанных местах по на пути, по которому шла армия. Большая часть еды, которую потреблял воин в походе, была приготовлена его собственной семьей или шла в счет налога от

Разделение ацтекской армии на две колонны во время похода, 1450 г.

После покорения города-государства восточных науа Несаяулькойотль объяснил мешикскому тлакочкалькатлю, что необходимо разделить войско на марше на две походные колонны. Это дало бы возможность сохранить местные ресурсы, уменьшив эффект от прохождения армии, насчитывавшей более 50 000 человек. В юности Несаяулькойотль, чье имя означает «кающийся койот», бежал из родного города после того, как его отец Иштлильшочитль был убит тепанекским правителем Тесосомоком. Позже он заключил союз с мешиками под предводительством Ицкоатля, и два тлатокве совместно разрушили столицу тепанеков Аскапоцалько.

Облачение тлакочкалькатля изображено по рисунку из «Кодекса Мендосы». Одевание Несаяулькойотля взято с иллюстрации в «Кодексе Иштлильшочитля». Он одет в зуатль, то есть тунику, украшенную перьями редких тропических птиц. Его деревянный шлем венчают уши койота с бумажными полосками, символизирующие его имя. На спине у него маленький барабан узуэтль, с помощью которого он отдает приказы на поле боя. Оба знатных воина носят поножи. Воины на марше одеты довольно просто. Те, кто имеет ранг повыше, гордо демонстрируют плащи, полученные из собственных рук императора. Юноши, приставленные к ним ради обучения, несут припасы и оружие. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

НАПРОТИВ

Иллюстрация из «Кодекса Мендосы» с изображениями жрецов, захвативших то или иное количество пленных. Слева во втором ряду нарисован жрец, который захватил четверых и награжден подобием уастекской воинской одежды. Спирали из белых точек на черном фоне символизируют ночное небо и звезды. В центре второго ряда – жрец, захвативший пятерых и награжденный тлауцтли с красными перьями и черными узорами, а также щитом, украшенным лапой орла. («Кодекс Мендосы», 65 г., Бодлейская библиотека, Оксфорд)

рыночных торговцев. Это гарантировало, что удар по экономике зависимых государств будет по возможности небольшим. Ацтеки старались не причинить ущерба урожаю или тем, кто его выращивает. Все люди, не являвшиеся воинами, были обязаны трудиться на общинных полях своих кальпилли. В октябре собирали урожай, маис лушили, сушили и мололи на домашних мельницах. Затем в растертую муку добавляли воды, лепили шестиконечные плоские лепешки и пекли на раскаленных плоских керамических дисках. С началом сезона войн в ноябре жены, матери и сестры ацтекских воинов заготавливали огромное количество лепешек, бобов, перца и других приправ, а также вялили мясо – оленину, свинину из пекари, индюшатину, – чтобы все это можно было упаковать и отдать нести подростку из тельпочкалли, назначенному на время похода в услужение воину. После приготовления необходимых припасов семья воина проводила четыре дня в посте и молитвах богам. Отец воина ежедневно совершал покаянное жертвоприношение кровью, прокалывая себе шипами язык, уши, руки и ноги, чтобы благодарные боги по весне вернули его сына домой невредимым.

В первых длительных походах Тройственный союз вынужден был полагаться на носильщиков-тламемеке, тащивших на себе основную часть продовольствия и снаряжения. В походе на Коиштлауак в 1458 г. армию сопровождало не менее 100 000 носильщиков, каждый из которых нес не менее 50 фунтов (ок. 23 кг) одного только снаряжения. Позднее, когда были покорены государства к югу и востоку от Мехико, империя требовала, чтобы они создали постоянные хранилища для обеспечения войск, проходящих по их территории. Так что к началу XVI в. ацтеки практически не имели проблем со снабжением армий в сотни тысяч воинов, совершающих длительные походы. Мобилизационными единицами армии мешиков являлись шикуйпилли, корпуса по 8000 человек, выставляемые от каждой из 20 кальпилли Теночтитлана. Чтобы не нарушать повседневную жизнь города, выступление войска растягивалось на несколько дней. Покинув город, армия покрывала в день от 10 до 20 миль (16–32 км) в зависимости от срочности и потребности в проведении внезапной атаки. Огромная численность участников похода на Тутутепек привела к необходимости выбрать для каждой шикуйпилли свой путь следования. Учитывая то, что армия Теночтитлана затем соединилась с армиями союзников сравнимой численности, для передвижения войск пришлось избрать не менее четырех маршрутов – чем, вероятно, и объясняется тот факт, что сражения этой кампании велись в разных местах, на расходящихся направлениях. Неизбежность разделения армии вторжения заставляет предположить, что ацтеки использовали тот же принцип, что был положен в основу разделения армии на корпуса в Европе XVIII–XIX столетий, когда каждый из этих армейских корпусов являлся самостоятельным формированием, и все они двигались параллельно по разным маршрутам к заранее назначенной цели. Предполагалось, что каждый корпус имел достаточную численность, чтобы справиться с любым противником, который попадет по пути к месту воссоединения. Если же завязывалось крупное сражение, корпусной командир мог послать гонцов за помощью, и другие части армии в течение нескольких часов могли подойти к месту сражения и напасть на противника с оголившегося фланга или

contivo.

captivo

captivo.

el mismo alfargi de otras
 contra por arder captivo
 en la guerra a cinco de sus
 ene amigos por general de su
 valentia de la jizo de
 me. la denisa de
 armas tiene
 questra

el mismo alfargi de otras
 contra por arder captivo
 en la guerra a cinco de sus
 ene amigos por general de su
 valentia de la jizo de
 me. la denisa de
 armas tiene
 questra

es el mismo alfargi de otras
 contra por arder captivo
 en la guerra de p de sus
 ene amigos por general
 de su es fuerza y valen
 tia de la jizo de p por
 el de su seme la de su
 sa de armas tiene questra

captivo.

captivo.

captivo

quauhnochtli.
 xecuta

tlilomacalmi.
 xecuta

atenpomecatl.
 xecuta

zaguacatl.
 xecuta

Estos quatro
 destaagera
 el nom de
 mandone
 y exercito
 de los d
 de mex
 laban y de
 terminaban

hacochealcatl.

tezcacoacatl.

ticocyahucatl.

teintecatl.

Estos quatro
 destaagera
 son y nombres
 valientes en
 las guerras y
 capitanes de
 los exercitos
 mexicanos
 y personas
 que exercian en
 los d. general
 de los exercitos
 mexicanos

Торговцы предоставляли ацтекскому императору и его военному совету подробные карты, необходимые для ведения боевых действий и организации снабжения войск. На иллюстрации они показывают двум тетекутинам, то есть знатым военачальникам, карту укреплений города, изображенного в правом верхнем углу, и способы проникновения в него. (Иллюстрация Джона Пола по «Флорентийскому кодексу»)

с тыла. Поскольку ацтекские армии состояли из «легкой пехоты», любая ее часть могла передвигаться с нужной скоростью, что делало эту тактику особенно эффективной – даже при сильно пересеченной местности.

Координация действий таких больших армий зависела от хорошо обученных офицеров. Однако нам неизвестно, как именно функционировала командная цепочка. Главнокомандующим считался уэй тлатоани, который нередко сам принимал участие в битве, особенно в ранний период существования империи. Следующую по важности позицию занимал сиаукоатль (дословно – «женщина-змея»), являвшийся жрецом высшего уровня и по традиции носивший имя той самой богини, чей культ он возглавлял. Первым сиаукоатлем был сводный брат Монтесумы Тлакаэзель, от которого она перешла по наследству его сыну и внуку. Сиаукоатль отвечал за управление Теночтитланом в отсутствие императора, но мог также выполнять обязанности главнокомандующего. Обычно во время войны ответственность за войско нес верховный совет из четырех командующих. Каждый из них занимался своим делом – организацией снабжения, планированием переходов, стратегией и непосредственно управлением битвой. Затем шли офицеры, которых можно приравнять к нашим полковникам, майорам, капитанам и так далее, которые и выполняли приказы верховного совета. Самым высоким рангом, которого мог добиться простолюдин, был куаупилли – что-то вроде командира с пожалованием титула.

Когда линии снабжения непосредственно из Теночтитлана растягивались слишком сильно, войску приходилось полагаться на склады, устроенные зависимыми городами-государствами вдоль указанного пути следования. Уникальность империи ацтеков заключалась в том, что она не пыталась контролировать огромные территории, а отдавала предпочтение стратегическим пунктам вдоль важных торговых путей. Знатные иноплеменники, поставленные ацтеками на высокие должности, обладали в своих землях огромной властью, но при этом были в неоплатном долгу перед империей, которая поддерживала их власть ценой непомерного бремени для их подданных. Поэтому ацтеки считали необходимым назначать в вассальные царства собирателей налогов в сопровождении постоянно расквартированных там ацтекских отрядов. После завоевания Коиштлауаки империя выработала несколько способов для разрушения конфедераций городов-государств восточных науа, миштеков и сапотеков. Первоначально эти способы были крайне безжалостными. При Монтесуме I жителей завоеванных земель либо продавали поголовно в рабство, либо жестоко казнили на площади перед Великим Храмом в Теночтитлане. Убыль работников восполнялась затем ацтекскими переселенцами, которые устанавливали систему управления по местным образцам. Особенно показателен пример Уашьякака (нынешней Оахаки, главного города одноименного мексиканского штата), где даже был назначен свой правитель. В других случаях ацтеки подчиняли себе местные политические системы, играя на раздорах среди местной знати. Мы склонны представлять себе древние мексиканские государства эдакими монолитами, которыми управляют всемогущие военные вожди, утверждающие, что власть дана им богами, со множеством жен, через браки с которыми они не только установили союзнические связи, но и обогатились. Однако от жен рождались дети, которые чаще оспаривали друг у друга наследство и воевали за него, что способствовало разобщению государства. Ацтеки мастерски использовали слабости соседей при выборе претендента на власть. Пиктографические свидетельства из Коиштлауаки, например, показывают, что после смерти Атоналя наследника выбрали из соперничающей с ним династии, в то время как одну из жен Атоналя назначили сборщиком налогов. В других случаях те из претендентов, кто в отчаянии был готов на сделку с дьяволом, сами приглашали ацтеков, чтобы с их помощью решить дело в свою пользу. Разрушение политических устоев могло идти и более коварными способами. Среди восточных науа, миштеков, сапотеков и их союзников браки в царских семействах часто были распланированы на поколения вперед. Когда ацтеки подчиняли себе одного из членов этой конфедерации, уэй тлатоани или кто-нибудь из высшей знати мог потребовать в жены женщину из местного правящего рода. Это не только связывало побежденных с ацтекским правящим домом, но и нарушало всю систему уже предрешенных браков. Какую бы стратегию ни избирали завоеватели, они стремились к тому, чтобы постоянно увеличивать сеть подвластных государств, которые могли бы снабжать ацтекское войско, если бы тому потребовалось пройти по их территории.

В способах ведения войны у ацтеков колдовство занимало не последнее место. Это может казаться не более чем цирком с магическими ритуалами и жертвоприно-

шениями, которые происходили перед сражением и призывали гнев богов на врага. Однако же при этом сжигали растения вроде олеандра, которые давали ядовитый дым, вызывающий тошноту, боль и даже смерть – если его приносил ветер. Более медленным, но не менее действенным способом являлось подмешивание отравы в пищу и воду – особенно когда враг был готов выдержать осаду. При необходимости убийцами становились дворцовые курьеры – когда возникала необходимость разрешить конфликт между представителями правящего дома.

Полевое сражение

Ацтеки обычно не вели ни позиционную войну, ни войну за владение территорией, – если это не требовалось для других целей. Они стремились заманить противника в ловушку, что требовало точного расчета и согласованных действий. Первым делом следовало обеспечить сигнальную систему на поле будущей битвы. Для этого на ближней возвышенности, откуда было видно все войско, устраивали командный пункт. Сигналы передавали по цепочке, на каждого гонца приходилось по две с половиной мили (ок. 4 км) пути. На дальних расстояниях для связи между шикупилли использовали дым, имелось у ацтеков и подобие гелиографа с зеркалами из полированного пирита. Однако когда начиналось сражение, командующие полагались на огромные узорные штандарты, сигнальные рога из раковин и барабаны. Внимание того или иного подразделения привлекали, размахивая соответствующим штандартом. Способ действий передавался определенными музыкальными сигналами. Командиры подразделений смотрели на сигнальные штандарты и слушали звуковые приказы. Когда строй растягивался, они ходили вдоль него сзади, привлекая внимание особыми свистками и выкрикивая приказы в зависимости от хода битвы. Обычно сражение начиналось с обмена оскорблениями. Из-за этого сре-

Музыканты находились при отряде знаменосцев-сигнальщиков, чтобы передавать приказы. На рисунке изображены их инструменты – тепонацтли, узуэтль и рог из раковины. («Флорентийский кодекс», кн.8, ч.17, Американский музей естественной истории)

ди куачике было принято вязать волосы в клоунские пучки и даже разыгрывать сценки, высмеивающие слабость врагов, прилагая все усилия к тому, чтобы заставить тех нарушить строй. В ход шли самые оскорбительные жесты, в том числе показывание зада и гениталий. К этим сценкам привлекали и женщин с детьми, если имелась такая возможность. Особенно подстрекательскими были угрозы страшных пыток и людоедства.

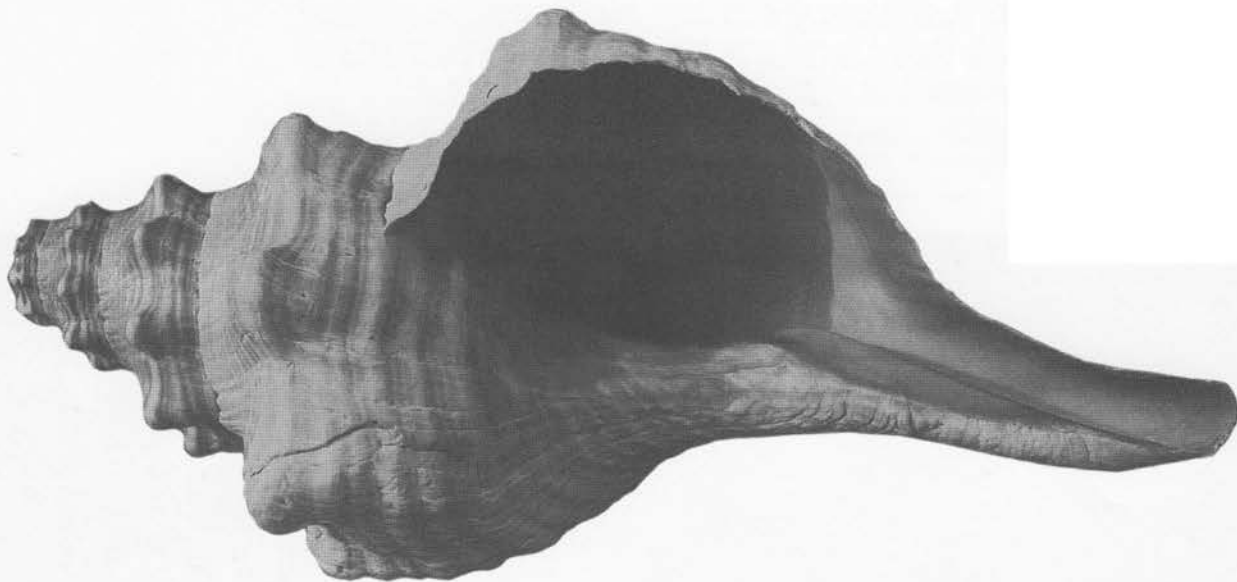

Внезапное нападение ацтекского отряда на уастеков, 1454 г.

Ацтеки часто использовали такую хитрость, как притворное отступление, чтобы завлечь врага в засаду. Когда Монтесума I во время вторжения в северный Веракрус столкнулся с достаточно грозным войском уастеков, он приказал двум тысячам воинов вырыть ямы и спрятаться там, прикрыв их соломой. Затем его войско нанесло обманный удар по центру противника и стало отступать. Уастеки ринулись в погоню. Как только они достигли нужного места, у них буквально из-под ног поднялись ацтекские воины и расправились с уstraшенными врагами. Такие военные хитрости приводили к успеху только при условии тщательного планирования, своевременной передачи приказов и точного маневрирования. Уастеки говорили на языке, родственном языку майя, но лингвисты

до сих пор спорят о том, когда уастеки поселились на побережье Мексиканского залива. Ацтеки описывали их как людей уstraшающего облика, с плоскими головами, что являлось следствием уастекского обычая деформировать детям черепа. Некоторые уастеки затачивали зубы, у многих были сложные татуировки. Имея репутацию распутных пьяниц, мужчины этого племени зачастую пренебрегали такой деталью одежды, как маштлатль, то есть набедренная повязка.

По легенде, Тескатлипока соблазнил дочь правителя Толлана, прикинувшись уастекским торговцем перцем чили – а этот перец был иносказательным названием гениталий. (Адам Хук, © Оспри Паблишинг Лтд.)

Распространенный музыкальный инструмент многих древних цивилизаций – витая раковина, которая испускает низкий рев, слышимый на больших расстояниях. (Джон Пол)

Битва обычно начиналась с пуска стрел, метания дротиков и камней из пращи – такой обстрел с расстояния около 50 ярдов (ок. 45 м) должен был нарушить вражеский строй. Ацтеки использовали лучников и пращников из покоренных стран. Отряды этих воинов завязывали сражение, развернувшись впереди основной боевой линии, затем отступали назад и могли потом зайти во фланг неприятелю и расстроить его порядки. Опытные воины, стоящие в первых рядах, находясь под обстрелом, полагались на качество своих доспехов и тяжелые широкие щиты, но более легковооруженные быстро получали ранения, поэтому вскоре атака становилась насущной необходимостью. Ацтеки воевали бегом. Авангард целиком полагался на инерцию в своих попытках проломить вражеский строй, поэтому наиболее желательной была атака вниз по склону. Последующее столкновение бывало ужасающим. После первой спешки бой рассыпался на множество поединков, так что воины могли без стеснения размахивать своим оружием. Нанесение ударов макуауитлем и блокировка щитом требовали огромного расхода энергии, так что воины должны были меняться каждые четверть часа, чтобы сохранять строй в центре боевого порядка. Командиры зорко следили за каждым слабым местом во вражеском построении и направляли «летучие» резервные отряды из опытных бойцов заполнять дыры в собственных рядах по мере надобности. Ацтеки предпочитали окружать противника, охватывая его с обоих флангов. Эта тактика могла оказаться опасной, поскольку приходилось растягивать собственные фланги за счет центра. Ацтеки решали эту проблему просто – они всегда брали превосходящей численностью. Окруженные враги, понимая всю тяжесть своего положения, могли сражаться с отчаянной яростью и стоять на смерть. Поэтому ацтекские командующие предпринимали ложные отступления по заранее намеченному пути, где преследователи оказывались под ударом скрытых до поры резервов.

Источник войн: религия и ритуалы ацтеков

Человеческие жертвоприношения занимали главное место в мексикской религии, и мексикцы довели их размах до крайних пределов. Бесчисленные жертвы – рабы, пленники, данники из покоренных провинций, дети бедняков – умирали в храмах каждый год. В религиозном сознании ацтеков война, человеческие жертвоприношения и плодородие были связаны неразрывно. Кровь проливалась ради того, чтобы отсрочить неизбежную гибель пятого солнца, солнца мексикцев. Они верили, что это солнце – последнее, и когда оно умрет, мир погибнет. Они вели войны, чтобы питать солнце священной пищей и продлевать жизнь на земле. Мексикцы не считали это именно человеческим жертвоприношением, как это понимают европейцы, они думали о своей религиозной практике в других понятиях. Для них это было нештлауалли – уплата священного долга богам. Боги отдали собственную кровь, чтобы создать солнце, и без крови оно умрет. Кровь богов должна быть восполнена, иначе они тоже умрут. В общем, эта религия не дарила людям надежду, а лишь обрекала их на смерть.

У ацтеков существовали мифы, связывающие защиту Теночтитлана с религиозной идеологией, в частности миф о прародителе Уицилопочтли. Давным-давно жила женщина по имени Коатликуэ, «та, что в платье из змей», и было у нее четыреста сыновей. Она всегда покорно исполняла возложенную на нее обязанность, выметая Змеиную гору близ древнего тольтекского города Толлана. Однажды, занимаясь этой работой, Коатликуэ собрала из перьев шар и повесила себе на пояс, от чего чудесным образом зачала еще одного сына. Когда четыреста ее сыновей узнали об этом, то пришли в ярость. Тогда явилась их сестра Койольшауки и сказала им:

«Старшие мои братья, она опозорила нас, мы можем только убить нашу мать, нечестивицу, что носит теперь дитя во чреве».

Коатликуэ ужаснулась замыслу своих детей. Затем внезапно из ее чрева выпрыгнул юный воин в полном вооружении. Это был Уицилопочтли, который встал на вершине Коатепека и приготовился защищать свою мать. Койольшауки взобралась на вершину холма, но Уицилопочтли скинул ее вниз могучим ударом своей копье-металки и отсек ей голову. Ее тело покатило вниз и упало у подножия горы. Затем Уицилопочтли точно так же поверг всех братьев, убил их и взял себе их воинское снаряжение в память о подвиге.

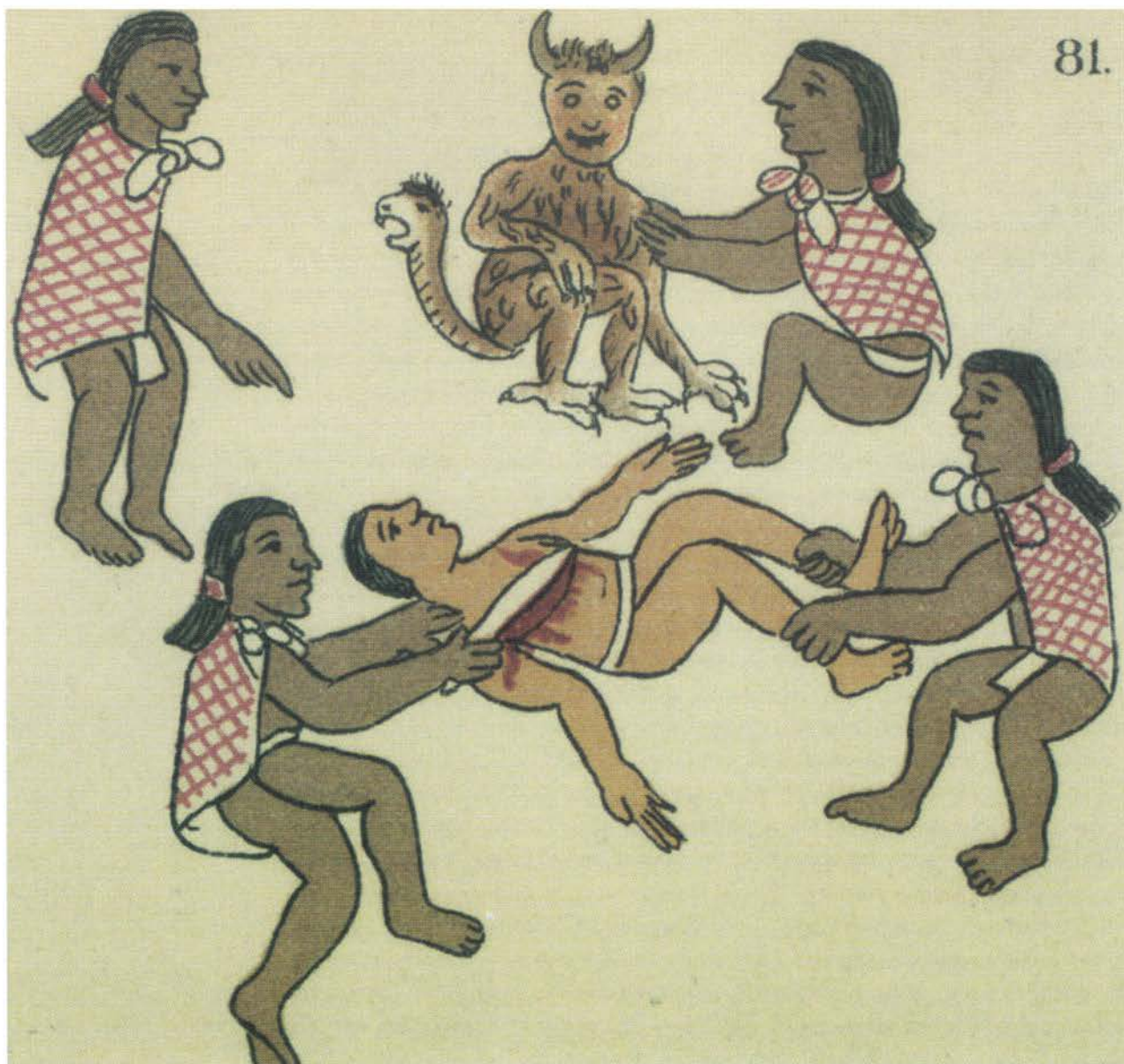
Священной обязанностью каждого ацтекского воина было блюсти наследие прародителя Уицилопочтли, Колибри Юга, быть начеку, быть готовым защищать свою семью, свою кальпилли и свой город от тех, кто хочет разрушить все созданное тяжкими усилиями предков.

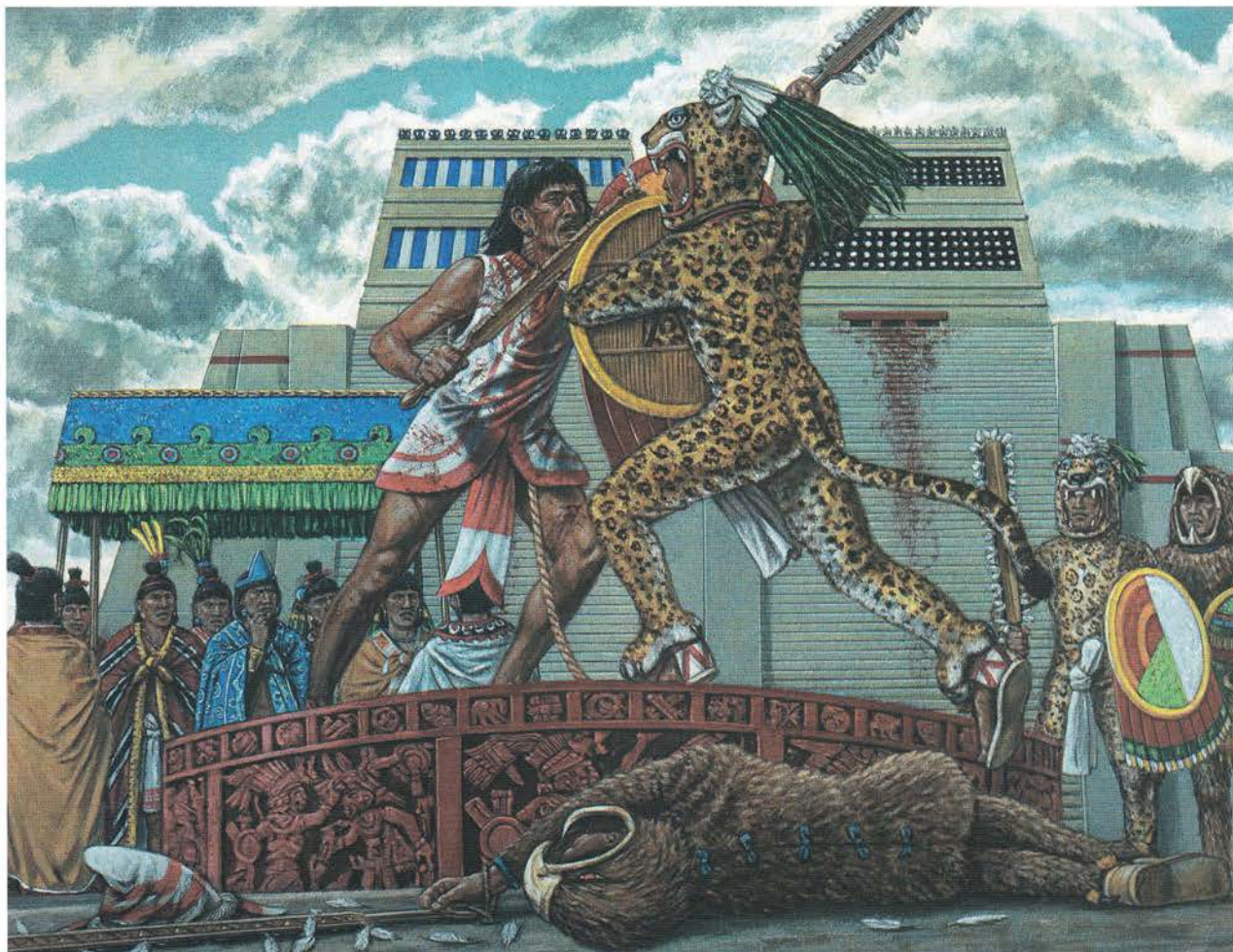
Всякий пленник на ступенях храма представлял собой ненавистных братьев, которые из зависти хотели убить Уицилопочтли. Каждый из них вновь играл роль вселенского врага, являлся живым доказательством всемогущества бога и его духовных потомков, его могучих воинов, воздающих ему должное за благодать и за саму жизнь. Когда пленник достигал вершины лестницы, четверо жрецов растягивали

его на камне и удерживали там. Пятый жрец вонзал в грудь жертве нож – смерть была практически мгновенной. В тот же миг жрец вырезал из груди сердце и поднимал его вверх, объявляя это «драгоценным плодом кактуса», высшим приношением богу солнца Тонатиу. Затем сердце сжигали в специальном сосуде в форме орла. Мертвое тело жертвы просто сбрасывали вниз с лестницы.

У многих мезоамериканских народов – майя, миштеков, сапотекв – война считалась уделом избранных, которые, будучи связаны между собой узами родства, захватывали друг у друга земли и имущество, возводя свое право на это к божественным предкам. Им было недостаточно просто убить врага на поле боя. Преуспевшие захватчики должны были показать своих пленников всем собравшимся родичам,

Казнь пленных, которым вырезают сердца. («Флорентийский кодекс», кн.8, ч.17, Американский музей естественной истории)

Гладуаторские бои в Великом Храме

Тлауиколь был тлашкальтекским военачальником, заклятым врагом ацтекской империи. Ацтеки взяли его в плен и, как особу высокого ранга, принудили принять участие в ритуальном бою перед Великим Храмом в Теночтитлане. Вооруженный лишь учебным оружием, он убил в поединках не менее восьми тяжеловооруженных воинов — орлов и ягуаров. Тогда ему предложили занять высокий пост в ацтекской армии. Тлауиколь отказался, считая это оскорблением, и сам вызвался взойти на алтарь Уицилопочтли (храм которого виден на заднем плане). Необычное ритуальное одеяние Тлауиколя представляет собой облачение бога войны Шипе Тотека. Ритуальные бои были весьма популярны. Они давали ощущение реальности сражений тем, кто снабжал войско едой и оружием, чьи

сыновья рисковали жизнью. В экспозициях Национального музея антропологии и Музея Великого Храма в Мехико выставлены две большие каменные плиты — историки считают, что они использовались для ритуальных боев. На обеих высечено изображение ацтекского императора в облачении Уицилопочтли, который берет в плен богов враждебного города-государства. Такими скульптурами уэй тлатоани явно стремились совместить зрелище с напоминанием зрителям о роли ацтекского императора как представителя могущественнейших воинов Теночтитлана. Военные успехи таким образом увязывались с верноподданническими и патриотическими чувствами, которые подкреплялись развлечением, вызывавшим восторг и благодарность. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

сместить своих врагов с их былых позиций божественных правителей и показать установление нового порядка. События битвы воспроизводились на празднестве, чтобы снискать доверие народа. Нигде этот обычай не исполнялся с такой страстью, как у ацтеков. Тысячи людей принимали участие в празднестве, уверенные, что все

В «Primeros Memoriales» Саагуна описывается ацтекский командир, одетый в зуатль, тунику из пришитых на хлопковую основу перьев. Эта украшенный перьями наряд явно был ритуальной одеждой, а для боевых условий, как показывает данная реконструкция, больше подходили толстые кожаные полосы. (Реконструкция Джона Пола)

их усилия по содержанию войска, риск их сыновей дадут им обещанный императором выигрыш.

В конце первого десятилетия XVI в. появление в небе кометы положило начало целой цепи предзнаменований, предрекающих конец ацтекской империи. После кометы случился пожар в храме Уицилопочтли, а разрушение еще одного храма прямым попаданием молнии сулило ацтекам поражение и вражеское завоевание. Однажды в тихий спокойный день вода в озере Тешкоко взволновалась и затопила город, разрушив множество домов. Потом по ночам стала появляться призрачная женщина, которая стенала:

«О возлюбленные мои сыновья, пора уходить! Любимые сыновья мои, куда мне забрать вас?»

(Этот призрак вошел в современный мексиканский фольклор под именем Плакальщицы, которой пугают детей.) Были и другие видения и предзнаменования, включая образ вооруженного человека верхом на большом животном, похожем на оленя.

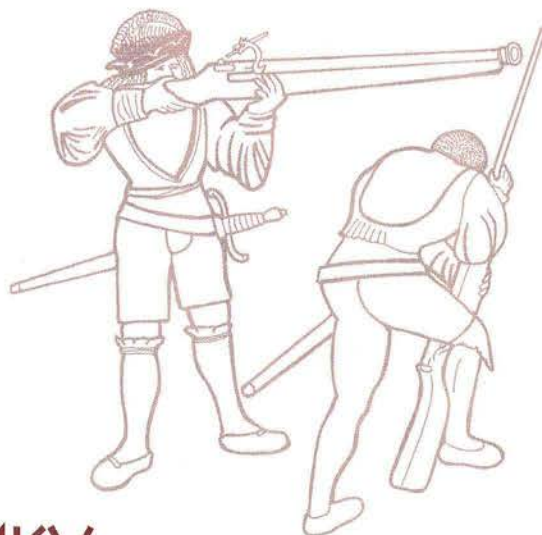
Некоторые из этих знамений имеют рациональное объяснение и были обычными природными явлениями: комета, удар молнии, пожар. Мехико находится в геологически нестабильной зоне, и дальнейшее землетрясение вполне могло вызвать волну в озере и потоп. Однако при всей своей великолепной архитектуре, организаторских способностях и военных навыках ацтеки (как и их европейские современники) не понимали законов природы и их проявлений. Поэтому они легко перешли от реальности к фантазиям – точно так же, как протестанты Новой Англии столетие с лишним спустя, и приняли природные явления за знаки божьего гнева.

Будучи верховным жрецом фаталистического культа, Монтесума мог лишь заподозрить, что солнце ацтеков клонится к закату. Когда в 1519 г. гонцы с восточного побережья принесли весть о пришельцах в одежде из серебристого металла, едущих верхом на странных животных, он, казалось, ожидал именно этого. Он знал о появлении испанцев в Мексиканском заливе и Центральной Америке – торговые связи империи были обширны, возможности разведки велики. Приход европейцев стал еще одним, последним звеном в цепи предзнаменований.

Задолго до прибытия конкистадоров в Теночтитлан до Монтесумы дошли слухи, что сначала тотонаки, а затем и тлашкальтеки объявили предводителя этих ужасных врагов не кем иным, как великим богом Кецалькоатлем, который вернулся, чтобы отобрать свои владения у своих смертельных врагов, Тескатлипоки и Уицилопочтли. Пророчества такого рода возникали всегда, но именно это ацтеки сочли серьезной угрозой. Восточные науа, миштеки и сапотеки считали Пернатого Змея своим богом-покровителем. Их правители даже называли себя «детьми Кецалькоатля». Пророчество о его возвращении в год Одиночного Тростника по ацтекскому календарю они восприняли как призыв оставить мелкие раздоры, совместно выступить против ацтеков и повергнуть их империю навеки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ИСПАНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В МЕКСИКУ

НАЧАЛО

В 1519 г. Диего Веласкес вписал в контракт обязанности Кортеса в ходе грядущей экспедиции в Мексику. Прежде всего участие в этом походе считалось священной миссией, своего рода служением богу, а потому богохульства, азартные игры и разврат строго запрещались. Флот должен был держаться вместе и идти на запад вдоль побережья, повторяя маршрут Грихальвы. Всех встреченных по дороге индейцев следовало поставить в известность о могуществе короля Испании и его требованиях признать его власть и покровительство. Для сбора и учета драгоценных металлов и драгоценных камней были назначены казначей и ревизор. Высадка на берег разрешалась только ради пополнения запасов дерева, пищи и воды. Кортесу предписывалось найти источники, откуда поступало золото, особенно на территории тотонаков, и подтвердить или опровергнуть сведения об амазонках и полулюдях. Кортес был достаточно предусмотрителен, чтобы добавить к этим инструкциям еще один пункт, который давал ему полномочия на действия, не отмеченные в контракте, и право выступать в качестве представителя законной власти.

Соглашение между Кортесом и Веласкесом гласило, что губернатор предоставляет два или три корабля, а Кортес финансирует экспедицию. Кортес действовал стремительно – он набрал собственных капитанов, включая Педро де Альварадо, который практически всю Конкисту являлся его правой рукой. Альварадо был безжалостным и решительным человеком, часто склонным действовать, не думая о последствиях, но он оставался верным Кортесу до конца. Прочие капитаны, такие как Кристобаль де Олид и Гонсало Сандоваль, тоже проявили готовность поддерживать Кортеса в любой заварухе. Что же касается солдат, то на Кубе оказалось достаточно много безжалостных молодых авантюристов, обуреваемых жадностью наживы и способных пойти на риск ради того, чтобы заполучить свою долю в добыче. Среди них был и бедный выходец из хорошей фамилии по имени Берналь Диас де Кастильо, который позже на-

ВВЕРХУ
Аркебузиры из Codex
Monacensis («Мюнхенского
кодекса») 222 (Джон Пол)

НАПРОТИВ
Романтическое изображение
вторжения испанцев в Теноч-
титлан. (Topfoto)

Участник второй экспедиции Колумба 1493 г., дон Диего Веласкес (1464–1524), прибыл на Кубу в 1511 г. в качестве первого губернатора колонии. Поручив Кортесу исследовать Мексику, он, тем не менее, не доверял ему, поскольку считал его своим соперником в борьбе за богатства, которые сулил захват новых колоний. (Национальный музей антропологии, Мехико)

писал хроники, ставшие величайшим источником информации о Конкисте. Ожидая окончательного решения губернатора, Кортес сумел набрать 300 человек с помощью извещений об экспедиции, объявленных городским глашатаем в Сантьяго. Через две недели после своего назначения он закупил в кредит достаточное количество оружия, артиллерии и амуниции. За изготовление хлопковых доспехов по образцу индейских ткачи даже получили премиальные. Кортес приобрел также каравеллу и бригантину, а вместе с кораблем Альварадо у него имелись три парусных судна. Еще четыре присоединятся к нему в скором времени.

Быстрота и тщательность подготовки встревожила Веласкеса, и он испугался (у него были к тому основания, как выяснилось позднее), что Кортес преследует какие-то свои цели. В свою очередь Кортес начал подозревать, что губернатор присвоит себе всю добычу и славу этой экспедиции, и удвоил усилия по укреплению своей

власти. Наконец, Веласкес ускорил события и послал в Сантьяго приказ о смещении Кортеса и отстранении его от командования. Однако Кортес предвидел это и приказал экспедиции отплыть из города 18 ноября 1518 г.

Несмотря на все приготовления, экспедиции не хватало людей и продовольственных припасов. Кортес сделал остановку в Пилоне на мысе Кабо-Крус, где получил от друга из числа местных плантаторов 1000 мер хлеба из кассавы. Он также отправил один из своих кораблей на Ямайку, чтобы закупить там 800 свиных туп и еще 2000 мер хлеба, затем его отряд высадился на дальнем побережье Тринидада, местные власти которого получили инструкцию, предписывавшую задержать Кортеса и сместить его с поста. Кортес встретился с местными чиновниками и, опираясь на пункт о полномочиях на случаи, не оговоренные в контракте, убедил их оставить командование экспедицией за ним. Один из его заместителей, Ордас, доказал свою лояльность тем, что задержал проходящий корабль с грузом продовольствия для Дарьена в Панаме, — что вполне могли счесть пиратством. К тому моменту к экспедиции присоединились еще 200 солдат — многие из них только что вернулись вместе с Грихальвой и оценили возможности экспедиции, возглавляемой более решительным командиром.

Магистрат Тринидада, проигнорировавший приказ Веласкеса об аресте Кортеса, снабдил последнего лошадьми — несомненно, рассчитывая получить за них долю от будущей добычи. Эти лошади, потомки привезенных Колумбом из Испании, стоили не меньше чем по 3000 песо каждая. Они были коротконогими, но достаточно выносливыми, чтобы выдержать вооруженного всадника в тяжелом мавританском

Высадка испанцев, изображенная на рисунке | из «Флорентийского кодекса». (Американский музей естественной истории)

Стяг Конкисты. Большинство конкистадоров верило, что они обязаны жизнью заступничеству Христа и святых, и это свидетельствует о силе и устойчивости их религиозных взглядов. (Topfoto)

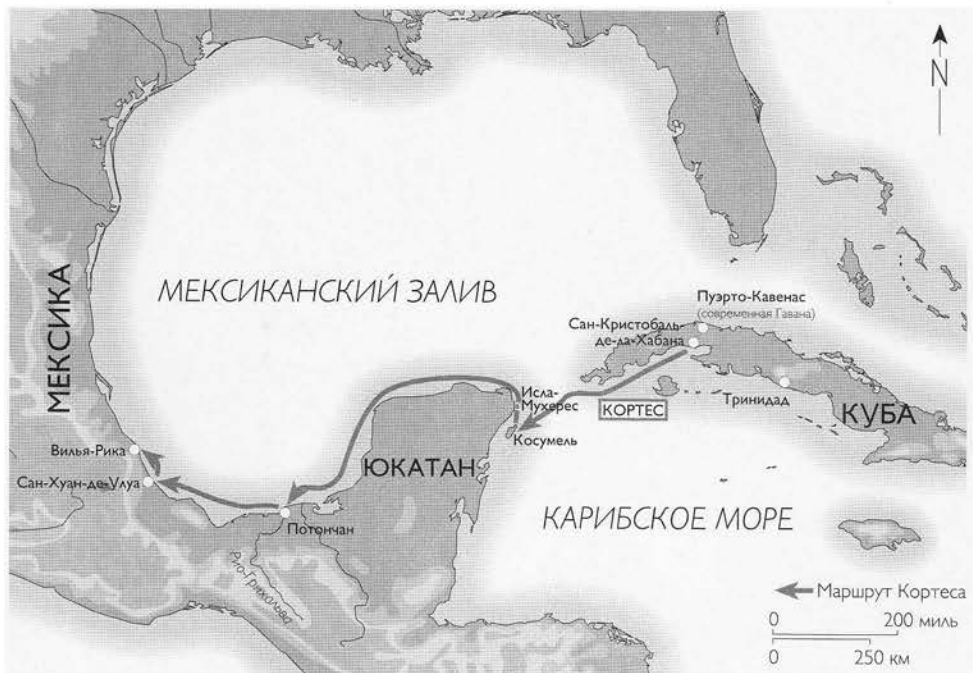
седле. Набрали также и боевых собак. Волкодавы и мастифы показали свою эффективность еще в средневековых битвах, так что своры таких псов вполне могли пригодиться и в борьбе с туземцами. И, наконец, для экспедиции заготовили то, что должно было способствовать ее дипломатическому успеху, – огромное количество стеклянных бус, колокольчиков, зеркал, иголок и булавок, а еще ножей, ножниц, клещей, молотов и топоров – вещей, привычных в Европе со времен римлян, но совершенно неизвестных в Мезоамерике. Обмен дарами играл важную роль во всех мезоамериканских цивилизациях. Индейцы не знали стекла, так что обыкновенные бусы в их экономической системе ценились очень высоко; обладание ими стало отличительным знаком для тех, кто имел доступ к новым торговым партнерам и новым, не виданным прежде товарам. Хотя обработка металлов была известна в Мезоамерике с X в., только избранные мастера правящих домов работали с золотом,

серебром и медью, изготавливая из них украшения и другие ценные предметы. Изделия из железа, привезенные испанцами, казались вещами столь же необыкновенными и удивительными.

В феврале 1519 г. на корабли были погружены припасы, достаточные для обеспечения 500 человек в течение нескольких недель, которые ушли бы на разведку вдоль побережья от Юкатана до Веракруса, после чего участникам экспедиции предстояло перейти на самостоятельное снабжение путем торговли или грабежа. Ветераны предыдущих экспедиций советовали погрузить побольше бочек с пресной водой, потому что далеко не всегда предоставляется возможность пополнить запасы, к тому же источник мог оказаться на территории враждебно настроенных туземцев. Кортесу необходима была уверенность в том, что он сумеет обеспечить своих людей водой и продовольствием и что жажда и голод не будут угрожать его экспедиции, как это случилось с экспедициями Кордовы и Грихальвы.

Флот, вышедший из Сан-Криstopаля 10 февраля 1519 г., состоял из 11 судов, четыре из которых были кораблями с закрытой палубой, а остальные – открытыми бригантинами. На их борту находилось 530 европейцев, несколько сотен индейцев и негров, а также восемь европейских женщин. Среди прочего на кораблях плыли лошади и множество боевых псов.

Вооружение состояло из арбалетов, аркебуз и пушек. У экспедиции имелись также военные флаги. Собственный штандарт Кортеса был бело-синим, с красным крестом в центре. Девиз на нем гласил: «Amici, sequamur crucem, et si nos fidem habemus vere in hoc signo vicemus» («Друзья, последуем за крестом, и если имеем веру, то воистину сим знаком победим»). Кортес посвятил экспедицию самому св. Петру, который, как он верил, проявлял особый интерес к его спасению.

Маршрут экспедиции Кортеса от Кубы до Мексики

Кортес и донья Марина

Когда Кортес прибыл в Веракрус, он принял посла от Монтесумы, который должен был оказать Кортесу почести как Кецалькоатлю. 1519 г. примерно соответствовал году Одиночного Тростника по ацтекскому календарю – а эта дата была связана с тольтекским богом-человеком. Кортес стоял в центре палубы, в маске, украшенной бирюзой, в головном уборе из перьев кецаля, как и полагается богу, и в жреческом шиколли. Справа от Кортеса стоял Педро де Альварado, которого из-за рыжих волос считали богом солнца Тонатиу. Почему Кортес, истовый католик, позволил почитать себя как вернувшегося бога Кецалькоатля, остается загадкой. Возможно, изучая классическую историю в университете Саламанки, он приобрел кое-какие знания о связи почитания героев с союзами греческих городов-государств и, возможно, мог сравнивать себя с владетельными князьями эпохи Возрождения, которые увековечивали себя в скульптуре и живописи в образах античных богов.

В любом случае, сопровождавшие Кортеса монахи могли сказать ему, что Кецалькоатль – это Геркулес Нового Света. Конкистадоры вскоре поняли, что следование таким ритуалам дает огромное преимущество в политике. Истории о возвращающихся богах были оправданием для тех частей индейских обществ, которые могли помочь конкистадорам в осуществлении их намерений и легитимизировали их требования изменить общественные и политические порядки. Инки тоже приняли появление Писарро как исполнение пророчества о возвращении героя Виракочи. Тут нельзя не упомянуть и историю о том, как в ходе одной из более поздних экспедиций в джунгли Гватемалы один из правителей майя сообщил испанцам, что год, на который предсказан их приход, еще не настал и что им следует вернуться позже или погибнуть. Когда испанцы последовали его совету, они обнаружили, что стали объектом интриги между правителем и его соперниками, каждый из которых обращался к прорицаниям священного календаря, чтобы захватить власть.

Рядом с Кортесом стоит загадочная индеанка, оставшаяся в истории под именем доньи Марины. Хотя ее роль в событиях подробно отражена в документах, свидетельства о ее жизни смутны, противоречивы и полны загадок. В сознании мексиканцев она играет двойную роль. С одной стороны, она – Ла Малинче, предавшая свой народ. Однако, с другой стороны, она – мать Мартина, сына Кортеса, первого метиса, и как таковая – мать нации, основу которой составляют именно метисы. Эта двойственность, несомненно, проистекает из значения этой женщины. Решительно заняв свое место, она волей или неволей поступила вопреки принятым как в ацтекском, так и в испанском обществе нормам поведения для женщины, которой подобало оставаться в тени, – эта норма сохранилась в мексиканском обществе до сих пор.

Ее происхождение остается неясным. Ко времени знакомства с испанцами ей было около семнадцати лет. С большой долей уверенности можно сказать, что она носила имя Малиналли (испанизованное как Марина). Берналь Диас неизменно до-

бавляет к ее имени уважительное «донья», то ли ради ее положения переводчика, то ли ради ее положения любовницы Кортеса, то ли и того и другого. Диас называет ее «величайшей предводительницей, дочерью вождей и госпожой над слугами, что видно по тому, как она держит себя».

Большая часть сведений о донье Марине исходит от Бернала Диаса, единственного из хронистов, отметившего видную роль этой женщины в величайшем событии эпохи. Другие тоже упоминали ее, но только в «Правдивой истории» Диаса она занимает почетное место рядом с Кортесом. Диас, который писал не ради выгоды, похоже, лучше других понял, что без нее, возможно, не было бы и Конкисты. Лопес де Гомара приуменьшает роль доньи Марины, в то время как Диас возвеличивает, и из них двоих Диас более убедителен. Ее положение, скорее всего, было где-то между служанкой-наложницей и соратницей конкистадоров. Сомнительно, чтобы Кортес без ее помощи добился бы столь многого – если бы вообще чего-то добился. Завоевание Мексики стало триумфом дипломатии, а не только войны, делом распознавания и использования раздоров и разногласий между теми или иными группами индейцев. Донья Марина в значительной степени помогла испанцам понять все хитросплетения местных интриг. Учитывая то, что связывало Марину с Кортесом в ходе Конкисты, можно утверждать, что верность Марины основывалась на любви и уважении в той же степени, что и на зависимости. В свою очередь, Кортес, похоже, рассматривал женщин в целом как орудия политики и удовольствий, но если он обладал способностью любить, то внимание, с которым он относился к Марине, показательно. Кортес в походе был не тем Кортесом, каким он предстал перед королевским двором и последующими поколениями. В письмах Кортеса Марина упомянута лишь дважды, хотя, может, и существовали какие-то упоминания в утраченном первом письме. Во втором письме о ней сказано: «Мой переводчик, индейская женщина из Путунчана». В пятом, написанном четыре года спустя, Кортес называет ее так: «Марина, которая всегда сопровождала меня в походах после того, как ее подарили мне вместе с двадцатью другими женщинами». Судя по запискам Лопеса де Гомары, Кортес признал своих внебрачных детей от Марины и других женщин, однако эти отношения он тщательно скрывал. Какие бы чувства ни связывали Кортеса с Мариной, он не мог предстать перед королевским двором как вестник цивилизации и защитник христианства, имея при этом длительную связь с индеанкой. Однако между строк его писем явно читается, что он сильно зависел от нее.

В 1522 г. Марина родила Мартина Кортеса, старшего сына завоевателя. Два года спустя Кортес выдал ее замуж за Хуана Харамилью. Марина получила также владения в Табаско, где и провела большую часть жизни до своей смерти в 1551 г. Конкиста была величайшим событием ее жизни, затем донья Марина постепенно исчезла из истории. Но ее заслуга в успехах Кортеса не подлежит сомнению. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

Главная площадь Семпоалы, всего лишь один пример архитектуры, поразившей воображение конкистадоров. (© Филип Бэрд, www.anthroarchaeart.org)

Первая высадка

В Юкатанском проливе флот раскидала непогода, и, по заранее принятому плану, все корабли, кроме одного, встретились у Косумеля, давно уже известного испанским морякам острова у западного побережья полуострова Юкатан. Около трети участников экспедиции уже бывали здесь с Грихальвой. Кортес очень дружески обращался с местными жителями и без особых трудностей установил с ними контакт. Переговоры велись на ломаном кастильском наречии, переводчиком был «Старина Мельчор», индеец-маяя, привезенный на Кубу Кордовой в 1517 г. Однако вскоре к экспедиции присоединился Херонимо де Агилар, андалузский священник, который потерпел крушение на этом острове в 1511 г. и бегло говорил на языке майя-чонтале. В том кораблекрушении выжило два человека, но второй, Гонсало Герреро, женился на женщине из местного знатного рода и отказался возвращаться к своим соотечественникам.

Стоянка на Косумеле дала Кортесу время обдумать следующие шаги и приучить свою банду наемников и авантюристов действовать совместно и подчиняться дисциплине. Отплыв с Косумеля, флот прошел мимо острова Исла-Мухерес, затем вокруг полуострова Юкатан до Табаско в Мексиканском заливе. 22 марта они вошли в устье реки, которая теперь называется Рио-Грихальва, и там Кортес предпринял при помощи Агилара попытку переговоров с жителями близлежащего города Потончан. Туземцы, однако, отнеслись к нему враждебно, и на следующий день Кортесу пришлось пробиваться обратно к побережью. Решающая битва состоялась в день Благовещения, 25 марта. Подстрекаемые сбежавшим Мельчором, индейцы сражались яростно, но кавалерийская атака повергла их в панику.

Многочисленность местных воинов и их яростное сопротивление убедили Кортеса в том, что он не сумеет подчинить жителей материка одной лишь силой, как это удалось с островитянами. Ключом к решению проблемы была дипломатия, выискивание слабостей и раздоров и игра на них.

Созвав вождей, Кортес сказал им, что если они станут вассалами испанского короля, как сами испанцы, то он защитит их. В противном случае его пушки (которые он представил живыми существами) прыгнут и убьют их. Эти слова были сигналом, по которому один из пушкаррей выстрелил. В тот же момент одному из

самых злых жеребцов дали учуять кобылу в охоте, и он начал взбрыкивать и бить копытом. Устрашенные вожди немедленно подчинились и на следующее утро принесли дары – золото, одежды и 20 женщин испанцам «в жены». Когда их спросили, откуда это золото, они ответили: «Кулуа» и «Мешико», имея в виду долину Мехико и столицу ацтеков.

Тогда Кортес и его люди решили идти на Мехико, чтобы самим увидеть источник этого богатства. Самым главным из даров потончанских вождей неожиданно оказалась девушка по имени Малиналли, которой еще не исполнилось и двадцати лет. Испанцы прозвали ее донья Марина. Она говорила и на науатле, и на чонтале, так что она могла общаться и с мексиканцами, и с Агиларом и стала ушами и устами Кортеса. Через много лет после Конкисты Берналь Диас напишет: «Донья Марина самая красивая, умная и расторопная из всех... Кортес всюду брал ее с собой в качестве удивительной переводчицы». И добавляет, что она стала любовницей Кортеса и родила ему сына.

Флот вновь пустился в путь и через четыре дня, в Страстной четверг, прибыл к острову Сан-Хуан-де-Улуа, у входа в современную гавань Веракруса. Хотя этот край считался страной тотонаков, тамошние жители являлись подданными Мехико, и сановники, подплывшие на каноэ к испанским кораблям, были мешиками. Пригласив их на борт своего корабля, Кортес сказал им через донью Марину и

Храм Воинов в Толлане (Тула, Идальго), первой столице тольтеков. Предположительно эти фигуры представляют собой изображения либо чичимекского героя Камаштли-Мишкоатля, либо его сына Ке-цалькоатля в облачении бога Утренней Звезды. (Джон Пол)

Агилара, что он пришел как друг, ради торговли и знаний. На следующий день он высадил своих людей на берег и разбил лагерь. В центре поставили алтарь, чтобы отслужить мессу в Страстную пятницу. Постепенно прибывали все новые и новые сановники, и, наконец, в пасхальную субботу лагерь посетил Тентиль, бывший кем-то вроде губернатора, соблюдающего ацтекские интересы в провинции и удерживающего контроль над тотонаками.

Кортес изложил ему свои цели и сказал, что желает встретиться с Монтесумой. Тентиль ответил, что это невозможно. Однако император прислал пришельцам богатые дары – золото, одежду и уборы из перьев. Кортес в ответ послал вещи, неизвестные в Новом Свете, – стеклянные бусы и резное кресло. Его люди показывали правителю свои умения в верховой езде и стрельбе.

Тентиль отбыл и вернулся снова через несколько дней с еще более ценными дарами, среди которых был огромный золотой диск искусной работы, изображающий солнце, и еще один, поменьше, изображающий луну. Уезжая, он позаимствовал европейский шлем и теперь вернул его, наполнив золотым песком. Однако встреча Кортеса с императором была явно невозможна.

Причины, побудившие Монтесуму прислать такие богатые дары, обсуждаются уже почти пять столетий. Пытался ли он откупиться от испанцев, чтобы они ушли? Или он пытался, как то принято на Востоке, поразить пришельцев своими богатством и властью? Но что бы там ни было, его дары лишь воодушевили испанцев и укрепили их в решении добраться до источника этих богатств. Проблема заключалась в том, что испанцы разделились на две партии – сторонников Диего Веласкеса, стоявших за то, чтобы взять уже добытое и вернуться на Кубу, и рядовых, которые не видели никакой выгоды в том, чтобы поддерживать губернатора, но понимали, какие неограниченные возможности откроются перед ними в случае продолжения похода.

Позиция Кортеса была проста. Он победит или умрет. Если он вернется на Кубу, то его ждут заключение или смерть за отплытие вопреки приказу губернатора. Продолжение похода могло поставить его в положение предателя короны – если он не будет опираться на законные полномочия. Его небольшая юридическая практика помогла ему подготовиться к этому. Он отказался от полномочий, данных ему Веласкесом, тем самым разорвав все обязательства перед губернатором, уговорил своих людей создать муниципалитет поселения, названного Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус («богатый город Истинного Креста», который впоследствии перенесли на 40 миль к северу от побережья, заложив там первый постоянный город, ныне разрушенный), и написать прошение королю с просьбой признать новую колонию, назначив Кортеса капитаном и главным судьей. Всю добычу, собранную к тому времени, переписали и погрузили на корабль, на котором представители Кортеса, Алонсо Эрнандес Пуэртокарреро и Франсиско де Монтехо, вернулись в Испанию. Формально это было прошение, а реально – взятка для алчного короля Карла.

В том же лагере испанцев посетили посланники из Семпоалы, главного города тотонаков. Их основная миссия состояла в том, чтобы выяснить потенциал пришельцев как возможных союзников в борьбе против мешикских правителей. Взяв с собой основную часть отряда, Кортес прошел от побережья до города, который некогда был

богат и самостоятелен, а теперь стал данником Мехико. Здесь испанцы впервые увидели великолепную архитектуру и многочисленное население. Увидели они и несомненные свидетельства масштабных человеческих жертвоприношений в храмах.

Тотонаки явно находились на грани мятежа, и Кортес обратил это себе на пользу. По удачному совпадению в города тотонаков прибыли мешикские сборщики дани. Их возмутило то, что испанцев приняли без разрешения, и они за это потребовали в дополнение к обычной дани двадцать человек для жертвоприношения. Кортес убедил тотонаков задержать сборщиков дани, сказав, что испанская корона намерена положить конец этим злоупотреблениям.

Гордых чиновников протащили по улицам с петлями на шеях, одного из них били плетью. Однако ночью они сбежали и вернулись в Мехико с известием о мятеже. Тогда Кортес решился на еще более смелое действие – он приказал свергнуть все идолы в тотонакских храмах, разбить на куски и сжечь. Когда жители города попытались воспротивиться этому, испанцы окружили их вождей и старейшин, и Кортес сказал, что все они будут убиты при первых же признаках враждебности. После такого оскорбления высшей власти и осквернения храмов тотонаки зависели от успехов испанцев без всякой возможности отступить.

После этого тотонаки пригласили испанцев встретиться с их правителем в Семпале. Они видели, на что способны испанцы в бою, и были убеждены, что Кортес – посланник Кецалькоатля, если не сам бог. Тотонаки объяснили, что ацтекская империя с ее Тройственным союзом завоевала их много лет назад и требует тяжелую дань. Это свидетельствовало о недовольстве среди вассалов Монтекумы, и Кортес рассчитывал на существенные преимущества от союза с традиционными прежними врагами ацтеков.

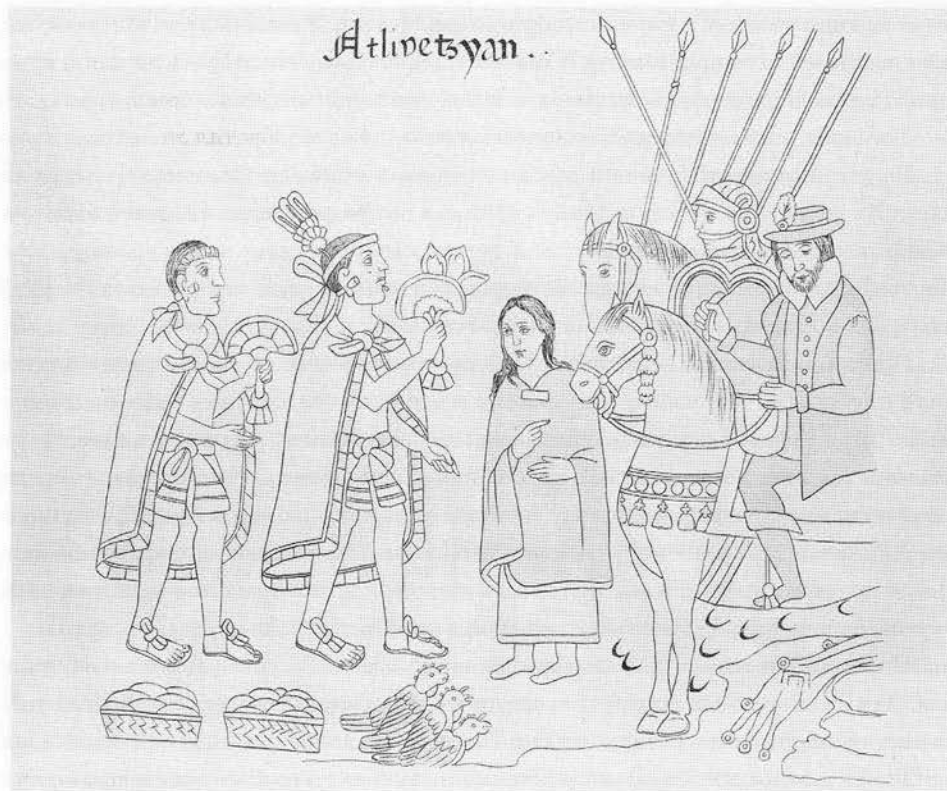
Тотонаки рассказали, что примерно 500 лет назад Кецалькоатль основал Тулу, тольтекскую столицу, расположенную в сорока милях к северу от Мехико. Тольтеки

Тлачиуальтепетль, Холм Идолов в Чолуле, – вполне вероятно, самое масштабное рукотворное сооружение в мире. Возводилось постепенно, между 200 г. до н. э. и 950 г. н. э. Хотя впоследствии восточные науа, населившие город, почитали древние пирамиды, они возвели и новый храм в честь своего бога-покровителя Кецалькоатля в тысяче ярдов к северо-востоку. Именно здесь Кортес, желая предотвратить истребление своих людей, сам учинил резню, приведшую к гибели тысяч жителей Чолулы.

Мы не знаем, было ли вообще завершено строительство Тлачиуальтепетля, однако с большей вероятностью можно предположить, что в то время, когда его впервые увидели испанцы, он представлял собой рукотворную гору с садами и источниками. На его вершине позже построили церковь. От подножия пирамиды поднимались лестницы – на высоту от 960 до 1280 футов (ок. 288 и 384 м). Посетители могут пройти внутрь пирамиды по тоннелям и увидеть разные этапы возведения этого сооружения. (© Филип Бэрд, www.anthroarchaeart.org)

Кортес встречается с тлашкальтеками, донья Марина служит ему переводчиком. («Льенсо де Тлашкала», рисунок 4, Американский музей естественной истории)

процветали, пока среди них не произошел раскол. Когда соперники Кецалькоатля, Тескатлипока и Уицилопочтли, боги-покровители ацтеков, напоили того пьяным и спровоцировали на инцест, он был опозорен перед своими подданными и покинул Тулу, чтобы провести остаток жизни в скитаниях от города к городу. По некоторым легендам, он основал новый культовый центр в Чолуле. Другие говорили, что он побывал в Оахаке и воздвиг дворцы сапотек в Митле. Согласно тотонакским легендам, Кецалькоатль впоследствии пришел в их столицу Семпоалу и там то ли умер и стал утренней звездой, то ли уплыл на восток на плоту из змей, пообещав вернуться и возратить себе свое царство.

Анализируя мезоамериканские легенды о таких героях, как Кецалькоатль, историки пришли к выводу, что поклонение этим героям играло значительную идеологическую роль, когда в постклассический период развития Мексики независимые «королевства» стали объединяться в большие государства. Включение в чужую легендарную историю возвышало идеологию одной группы избранных над мелкими раздорами, препятствовавшими единству и образованию взаимовыгодной коалиции. Поскольку легендарные герои были освящены религиозным ритуалом, их удобно было использовать для возбуждения патриотических чувств. Вследствие этого духовную связь с богами, героями и предками, поддерживавшуюся через их почитание, можно сравнить с национальностью и языковой принадлежностью, которую используют современные общества для определения государства. Тотонаки, восточные науа, миштеки и сапотек считали себя «детьми Кецалькоатля». Тотонаки посо-

ветовали испанцам искать союзников среди тлашкальтеков, членов конфедерации восточных науа, и дали им в сопровождающие 50 воинов, а также 200 носильщиков, необходимых для переноски припасов и фальконетов на сто миль в глубь материка.

Тлашкальтеки

Прежде чем направиться на запад, Кортесу следовало разобраться с одним неоконченным делом: с растущим недовольством сторонников Веласкеса, которые собирались захватить один из кораблей и вернуться на Кубу. Кортес действовал решительно и повесил одного из их вожakov. Затем он затопил свои суда, сняв с них все, что могло бы оказаться полезным. И теперь у его людей, как и у него самого, оставалось только два пути: победа или смерть.

В середине июня Кортес вышел из Семпоалы и направился в глубь материка. Проходя через город Саутла, он впервые услышал там подробное описание Теночтитлана, вызвавшее у его людей восхищение и страх. Продолжая марш по долине Саутлы, испанцы достигли стены, которая перекрывала долину с запада и отмечала, как им сказали, границу Тлашкалы – конфедерации четырех городов во главе собственно с городом Тлашкалой. Местные жители посоветовали Кортесу держаться подальше от этой страны, потому что тлашкальтеки были смертельными врагами ацтеков. Если они узнают, что испанцы идут на Теночтитлан, то непременно нападут на них. Однако конкистадоры продолжали свой путь, помня советы тотонаков.

Тлашкальтеки, судя по их собственным преданиям, были среди первых чичимекских отрядов, которые вторглись в окрестности Мехико под предводительством Мипкоатля, отца Кецалькоатля. В середине двенадцатого столетия, после падения Толлана, они переселились на восток и основали государство Тлашкала, образовав конфедерацию с Уэшоцинко, Чолулой и еще дюжиной мелких царств от Пуэбло до Оахаки. Страна тлашкальтеков была разделена на четыре четверти, сходящиеся в центре, и власть над этими территориями принадлежала четырем главенствующим городам-государствам, называвшимся Тепетикпак, Куиауицтлан, Окотелолько и Тицатлан. Они располагались в нескольких милях друг от друга, и правители этих государств – *тлатокве* – образовывали правящий совет. Ко времени Конкисты совет возглавлял тлатоани Тицатлана. Но имеются свидетельства о том, что верховенство в совете переходило от одного к другому, и эта система была основана на равном вкладе в политическое, религиозное и экономическое функционирование конфедерации. Несмотря на внешне стабильное централизованное управление, эти тлатокве управляли Тлашкалой на фоне глубоких внутренних трений. Младшие правители – *тетекутин* – часто соперничали друг с другом за наследство, владение землями и доступ к стратегическим ресурсам. Когда до совета дошла весть о появлении испанцев, мнения разделились.

Кортес вступил на территорию Тлашкальтекской конфедерации, выслав на разведку всадников. Пройдя около десяти миль, разведчики столкнулись с передовым отрядом из 15 воинов-тлашкальтеков, которые напали на них с копьями, убили двух лошадей и ранили еще трех, а также нанесли раны двоим всадникам. Вско-

ре к тлашкальтекскому авангарду присоединилось еще от четырех до пяти тысяч воинов. Кавалеристы двинулись атаку и «нанесли им некоторый ущерб». Когда подошла пехота испанцев, тлашкальтеки отступили.

Наутро после беспокойной ночи сражение возобновилось. Кортес оценил численность противника в сто тысяч воинов и до вечера удерживал их артиллерийским огнем, стрельбой из арбалетов и аркебуз, а также кавалерийскими атаками. На закате тлашкальтеки снова отступили. Испанцы отошли к холму, на вершине которого стоял храм, и укрепились там. На рассвете следующего дня Кортес предпринял вылазку, в ходе которой сжег несколько деревень и взял их жителей в плен. В ответ тлашкальтеки атаковали холм, и на этот раз Кортес оценил численность нападающих в 150 тысяч человек. Некоторые из них сумели прорвать линию обороны, и испанцам от стрельбы пришлось перейти к рукопашному бою, противопоставив толедскую сталь острому как бритва каменному оружию туземцев. Кортес продолжил свои ночные вылазки против окрестных деревень. Это, вместе с решимостью испанцев удерживать импровизированный форт любой ценой, было для тлашкальтеков необычным способом ведения войны. В конце концов они запросили перемирия, объяснив, что напали на испанцев, считая их союзниками Теночтитлана. Правители тлашкальтеков сочли долгосрочный союз с испанцами против их общего врага – ацтеков – более выгодным делом, чем удовлетворение от незначительной победы над небольшой группой чужаков. Кортес вскоре понял, что тлашкальтеки не единственные, кто разделяет подобный образ действий. Множество раз в ходе этой кампании испанцы добивались успеха благодаря именно таким внезапным поворотам в отношении к ним индейцев.

Как стало известно испанцам, Тлашкала была со всех сторон окружена владениями правителя Теночтитлана и его союзников и уже почти шестьдесят лет вела непрерывающуюся войну с ацтеками. Как позднее Монтесума сказал Андреусу Та-

Продвижение к городу Мехико, 1519 г.

Марш на Теночтитлан

Потрепанный в боях испанский отряд идет по долине Тлашкалы вместе с союзниками-индейцами. Хотя легенда, которую поддерживали и сами конкистадоры, утверждает, что Теночтитлан был взят несколькими сотнями испанцев, в этом походе участвовала еще и армия индейцев, насчитывавшая десятки тысяч человек. В июне 1519 г. Кортес выступил из Семпоалы во главе соединенной армии, в состав которой, помимо 300 испанцев, входили 250 тотонаков, исполнявших обязанности как воинов, так и носильщиков: они несли припасы, необходимые для движения по вражеской территории, а также четыре фальконета. После того, как с Тлашкалой был заключен союз, к войскам Кортеса добавились еще две или три тысячи индейцев. Воины из Семпоалы и Тлашкалы стали ядром союзной армии, которую в 1521 г. возглавили

полководцы Чичимекатекатль из Тлашкалы и Иштлильшочитль из Тешкоко. Точное число союзников-индейцев определить не представляется возможным. Кортес сообщает о пятидесяти тысячах тлашкальтеков и исчисляет всю свою индейскую армию в сто пятьдесят тысяч. Его биограф Лопес де Гомара говорит о шестидесяти тысячах воинов из Тешкоко и двухстах тысячах из Тлашкалы, Уэшоинко, Чолулы и более мелких городов. Однако каковы бы ни были точные цифры, именно местные жители обязаны были заниматься снабжением этой армии оружием и припасами, от чего зависит успех любой кампании, а также выполняли инженерные и саперные работы, прокладывая дороги, наводя мосты, валя лес для кораблей и осадных машин. (Адам Хук, © Оспри Паблишинг Лтд.)

пия (конкистадору, написавшему хронику похода в 1545 году), единственной причиной, по которой он, Монтесума, терпел существование этой державы, являлось то, что она являлась удобным полигоном, позволяющим молодым ацтекским воинам приобретать боевой опыт в ходе «цветочных войн» и захватывать пленников для жертвоприношений в Теночтитлане. Экономически Тлашкала также зависела от Теночтитлана, поскольку была бедна ресурсами и мало производила, что вынуждало ее вести обмен со своим более могущественным соседом. Тем не менее она имела

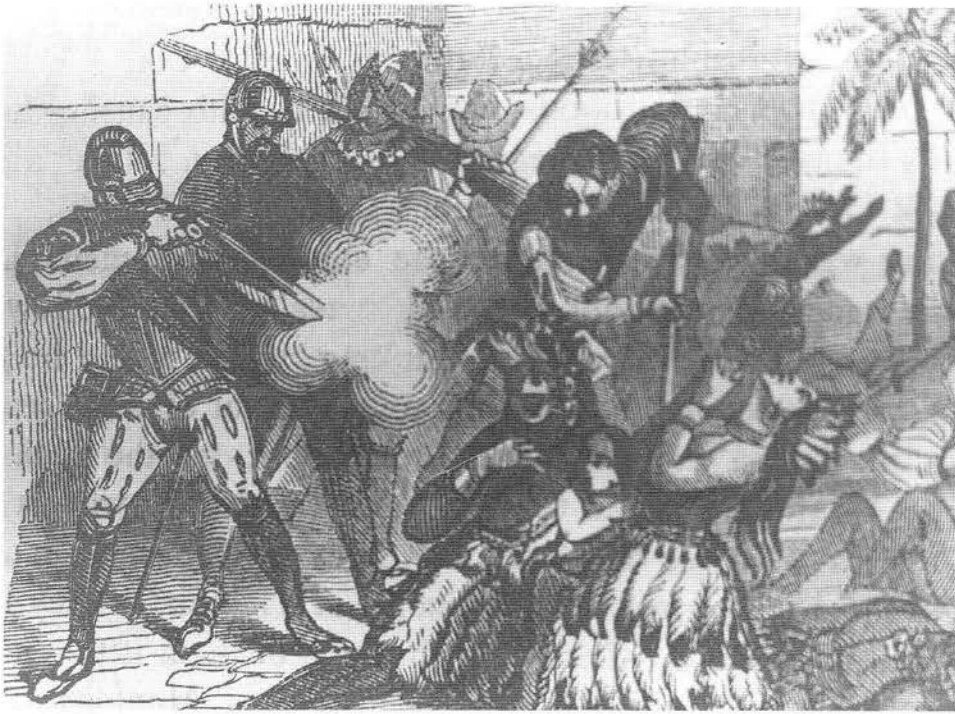
многочисленное и хорошо организованное войско. Осознав значение Тлашкалы как возможного союзника, Кортес уверил ее правителей в дружеских намерениях испанцев. Прибыв в город Тлашкалу, он расположил своих людей и устроил нечто вроде военного лагеря, запретив своим солдатам покидать его пределы без разрешения.

Союз с тлашкальтеками стал поворотной точкой Конкисты, потому что без их армии горстка европейцев и их немногочисленные союзники-тотонаки не смогли бы победить мешиков. Тлашкала оставалась верна этому союзу до конца; на протяжении всего периода колонизации она описывается в испанских источниках как «наиболее лояльная». Благодаря этому современный город и штат пользуются дурной славой в других частях Мексики, особенно в Мехико-сити, где среди местных жителей существует мнение, что их страна была предана Тлашкалой. Однако современные тлашкальтеки в равной степени трепетно относятся к тем причинам, по которым их предки примкнули к Кортесу, и быстро переходят к перечислению обид, нанесенных оным предкам ацтеками.

Чолула и последний рывок на Мехико

По подсчетам Кортеса, он провел в Тлашкале уже двадцать дней, когда мешикские посланники предложили ему возобновить движение и, пройдя примерно 30 миль, прибыть в Чолулу – богатый и густонаселенный торговый город, являвшийся союзником Мехико. Там, как сказали ему, он может подождать извещения о том, примет его Монтесума или нет. Тлашкальтеки были против этой идеи и заявили, что это ловушка. Монтесума, сказали они Кортесу, отозвал свои войска от тлашкальтекских границ, чтобы усилить гарнизон в Чолуле. Главная дорога перекрыта, а обходные пути перерезаны, там выкопаны ямы с острыми кольями на дне, чтобы не пропустить всадников. Тлашкальтеки также обратили внимание Кортеса на то, что из Чолулы не прибыли посланцы, в отличие от других, более удаленных, городов. Кортес, однако, оставался непоколебим. Позднее он признался королю, что причиной его неуступчивости было желание произвести впечатление на самих тлашкальтеков, а также опасение, что любая нерешительность может показаться слабостью. Поэтому он старался убедить всех потенциальных врагов и союзников в непобедимости испанцев. Когда тлашкальтеки поняли, что им не удастся отговорить Кортеса, они настояли на том, чтобы послать с ним 100 тысяч своих воинов. Кортес согласился, однако вблизи Чолулы отправил назад большую часть тлашкальтекского войска, сохранив при себе только пять или шесть тысяч бойцов, которым он, по просьбе чолульцев, приказал оставаться вне города.

Чолула являлась местом паломничества. Во времена Конкисты в ней имелось 365 храмов – по одному на каждый день ацтекского года. Впоследствии на месте каждого из них, как говорят, была построена церковь. Хотя численное соотношение церквей к храмам – вопрос довольно спорный, тем не менее в современной Чолуле определенно больше церквей, чем в любом другом городе Мексики. Теперь, как и тогда, над городом возвышается Тлачиуальтепетль – великая пирамида, самое большое в мире отдельно стоящее строение.

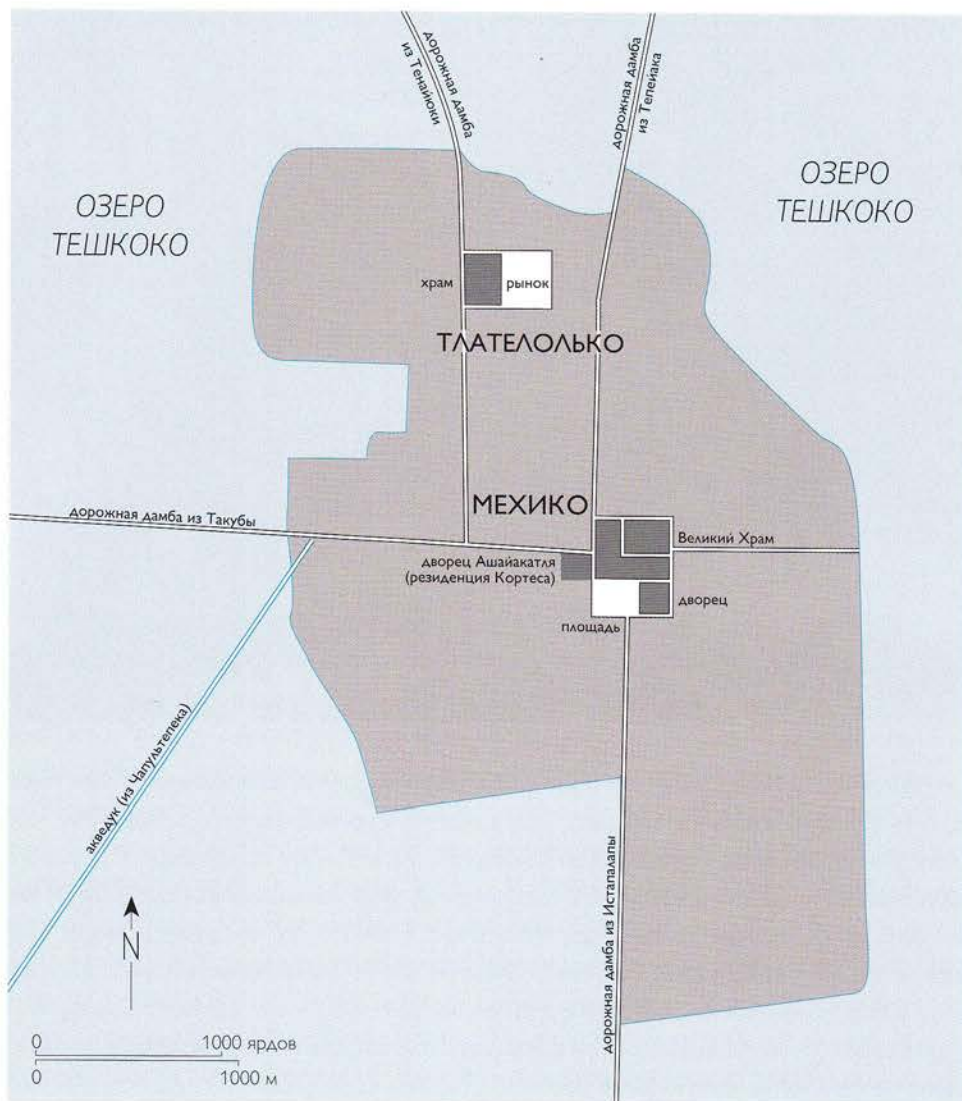

Бойня в Чолуле, по изображению XIX в. (Коллекция Чарльза Робинсона)

Жители Чолулы приветствовали экспедицию пышной церемонией и поселили со всеми возможными удобствами. Тем не менее Кортес подозревал неладное, потому что по дороге он убедился в истинности того, о чем его предупреждали тлашкальтеки. Отношение чолульцев, в свою очередь, тоже сделалось прохладным. В течение трех следующих дней пища постепенно становилась все хуже, а через три дня ее и вовсе прекратили доставлять. Визиты местных сановников тоже сошли на нет. Толпа под стенами здания, в котором поселили испанцев, начала их задирать. Бдительная донья Марина завела дружеские отношения с местной знатью и выведала, что готовится истребление пришельцев. Это подтвердили и тлашкальтекские гонцы, которые наблюдали за развитием событий из своего лагеря.

Кортес пригласил чолульских вождей к себе и, намекнув им, что он знает о готовящемся заговоре, сказал, что ему нужны носильщики для путешествия в Мехико. Когда носильщики прибыли, оказалось, что они хорошо вооружены, – на самом деле это были лучшие из воинов Чолулы. Подозрения перешли в уверенность, и Кортес снова назначил встречу чолульцам, а сам, построив своих людей, сказал им, что когда они услышат выстрел из аркебузы, то должны напасть на чолульцев, собравшихся возле их жилища. Когда чолульские вожди прибыли, их привели во двор и окружили. Некоторых из них допросили, и они сознались, что готовится ловушка. Тогда Кортес дал сигнал, и бойня началась. Разогнав собравшихся возле резиденции, испанцы и тотонаки пошли по городу от дома к дому, убивая каждого, кто мог оказаться воином. Несколько городских жрецов укрылись на вершине Тепанапы, но погибли, когда испанцы подожгли храм. По подсчетам Кортеса, в первые же два часа было убито три тысячи человек.

Город Мехико, 1519 г.
Кортес вошел в город 18 ноября по дорожной дамбе из Истапалалы. В «Ночь Печали» (30 июня – 1 июля 1520 г.) он отступал по дамбе, ведущей в Такубу. Кроме этих дорожных дамб, город пересекало множество каналов, через которые были перекинуты мосты

Когда город погрузился в полный хаос, Кортес привел туда старинных врагов местных жителей – тлашкальтеков и отдал им город на два дня на грабеж и разорение. Те, кто выжил в первых столкновениях, разбежались по окрестностям. Через несколько дней они начали возвращаться в Чолулу, умоляя о прощении. После такого показательного примера для тех, кто мог бы оказать ему сопротивление, Кортес смягчился и позволил выжившим вернуться, пообещав им защиту.

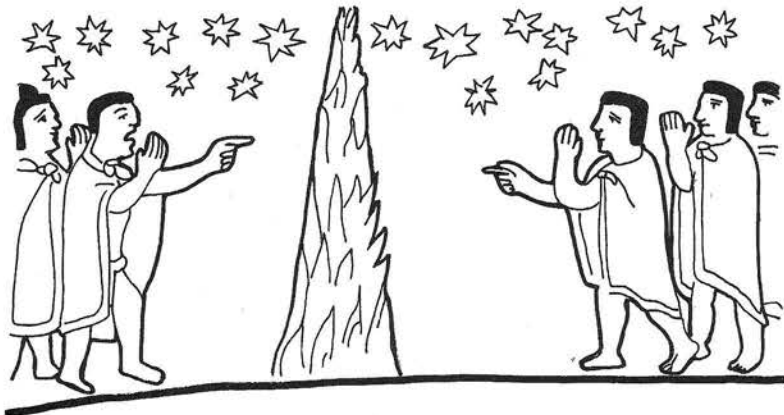
Испанские свидетельства отличаются от ацтекских. Свидетели, со слов которых писал Саагун, утверждают, что бойня была начата тлашкальтеками, и не упоминают о заговоре чолульцев. Это весьма сомнительно, учитывая, какое предпочтение Кортес отдавал дипломатии, оставляя оружие роль последнего довода. Как бы там ни было, известие об этой бойне потрясло Монтесуму и его приближенных. Все обернулось не так, как они рассчитывали. Монтесума хотел, чтобы чолульцы уничтожили испанцев, но Кортес опередил его и ударил первым. Император снова по-

слал Кортесу дары; на этот раз среди посланцев был двойник, который мог сойти за императора при встрече с Кортесом.

Пока придворные волновались, Кортес готовился к последнему броску на Мехико. Из Чолулы можно увидеть на горизонте два гигантских вулкана, Попокатепетль и Иштакиуатль (Истаксиуатль), каждый высотой более 17 тысяч футов. Оба они возвышаются над западными горами. Попокатепетль, который пробудился к активности в конце 1990-х годов, в 1519 г. тоже был действующим, и Кортес послал туда группу солдат на разведку. Поднявшись на 13 тысяч футов, они обнаружили проход между горами и узнали от местных индейцев, что от этого прохода в долину Мехико ведет хорошая дорога. Разведчики попытались взойти на гору, но вскоре им пришлось повернуть назад из-за ветров, несущих с собой облака пепла, а также ледников и сотрясений почвы. Однако они принесли с собой лед и снег, чтобы подтвердить наличие таковых в тропическом климате.

Когда экспедиция вышла из Чолулы, прибыло еще одно посольство, которое предложило проводить испанцев до Мехико по другой дороге. Тлашкальтеки, однако, не скрывали подозрений, потому что предложенный маршрут вел через пустынную местность, превосходно подходящую для засады. Разбив лагерь, Кортес послал разведку по указанному посольством маршруту, а также отправил Диего Ордаса в сопровождении тлашкальтекских воинов разведать дорогу через перевал. Первая группа разведчиков вернулась с сообщением, что предложенный маршрут непроходим. День спустя вернулся Ордас с тлашкальтеками и рассказал невероятную историю. Впоследствии Алонсо де Агилар писал, что Ордас «увидел еще один Новый Свет с большими городами и башнями, а также море, и что среди моря стоял большой город, вызывавший страх и благоговение». Это и была богатая и могущественная ацтекская столица Теночтитлан, расположенная на острове посреди озера Тешкоко.

Спустившись на равнину, испанцы прошли через несколько покоренных ацтеками провинций, практически все правители которых жаловались на угнетение. Кортес разослал по этим городам и провинциям своих посланников и заключил союзы. Ему стало совершенно очевидно, что пришельцев рассматривают как освободителей или хотя бы как меньшее из зол. Ацтекская империя разваливалась на части, поскольку многолетняя обременительная дань и жестокость, ранее обеспечившие

В годы, предшествовавшие появлению испанцев, было множество предзнаменований в виде редких небесных явлений, которые истолковывались, как знак грядущих бедствий. (Иллюстрация Джона Пола из «Флорентийского кодекса»)

ей величайшую власть, теперь работали против нее. В Уэшоцинко Кортеса предупредили, что Монтесума позволит им войти в город, а затем перебьет, отрезав им все пути к отступлению. Аналогичные предупреждения Кортес получал отовсюду.

По дороге испанцы встретили посольство, в котором находился двойник Монтесумы и которое доставило дары ценою более трех тысяч песо. Двойник, вначале принятый Кортесом за брата ацтекского императора, представился как Монтесума. Но, посоветовавшись с глашкальтеками и тотонаками, Кортес сообщил ему, что все знает. Он сказал посланцам, что его король в Испании лично приказал ему посетить ацтекскую столицу, встретиться с Монтесумой и затем донести об этом, и он не может не исполнить королевского поручения. Поход был продолжен, посланцы с позором вернулись к императору и доложили ему обо всем.

Обитатели Мехико, со слов которых Саагун писал свои хроники, рассказывали историю, наглядно показывающую, насколько сильно эта последовательность событий подорвала дух ацтеков. В последней отчаянной попытке избежать неминуемого Монтесума послал заклинателей, дабы они попытались колдовством отпугнуть прочь испанцев. Однако по дороге заклинатели встретили странника, который, казалось, был вне себя от ярости. «Чего Монтесума хочет добиться, выступая против испанцев? Он осознал наконец, что они намереваются лишить его царства и всего, чем он владеет, и даже гордости из-за того угнетения, которое он проявлял по отношению к своим подданным! Он правил не как владыка, а как тиран и предатель!» Заклинатели в ужасе слушали обвинения этого человека. «Обернитесь и взгляните на Мехико и на то, что произойдет с этим городом вскоре!» Повинуясь, они оглянулись и узрели, что город объят пламенем. Когда же они попытались что-то сказать, странник исчез. Тогда они осознали, что это был Тескатлипока, верховное божество ацтеков. Зная, что они обречены, равно как и их город, заклинатели отказались от своей миссии. Выслушав их рассказ, Монтесума понял, что боги покинули его и что он остался совсем один. Он начал приготовления к приему испанцев в своей столице.

То, почему Монтесума не послал против испанцев свое многочисленное войско, которым он располагал, и не уничтожил их, всегда было предметом споров. Одна теория состоит в том, что после того, как Кортес успешно разгромил ацтекских союзников и посадил на трон Чолулы нового правителя, противостояние ему со стороны Монтесумы могло вызвать волнения среди противоборствующих кланов в его собственных владениях, особенно областей вокруг Чалько – царства, некогда союзного Глашкале, которое вошло в состав империи отнюдь не мирным путем. Другая теория гласит, что большинство молодых воинов, входивших в состав императорской армии ацтеков, происходило из крестьян, основных поставщиков продовольствия для города. Поэтому армию можно было собрать только в сухой сезон, длящийся с ноября по май, когда на полях не ведутся никакие работы. В пользу этой теории свидетельствуют хроники Юкатанской войны 1847 года. В какой-то момент город Мерида был окружен, и губернатор уже думал о его эвакуации, когда силы повстанцев отступили, внезапно и необъяснимо. Впоследствии выяснилось, что мятежные крестьяне-мая увидели первые дождевые облака, знаменовавшие собой смену сезонов, и сочли это знаком вернуться по деревням и сажать маис, от которого

Современный портрет уэй тлатоани в бирюзовой короне и синем плаще правителя. Как пишет Берналь Диас дель Кастильо, «Мотекусоме в это время было лет под сорок. Он был высокого роста, хорошо сложен, хотя и несколько худ. Цвет кожи куда более светлый, нежели у прочих индейцев. Волосы не длинные; лишь над ушами, прикрывая их, оставлены были два пучка, которые курчавились. Борода негустая, черная. Лицо продолговатое, открытое, а глаза, очень выразительные и красивые, могли быть и серьезными, и шутливыми». (Иллюстрация Скотта и Стюарта Джентлингов)

зависела их жизнь, хотя это отступление означало, что им придется отказаться от долгожданной победы. Но каковы бы ни были истинные причины, Монтесума ясно сознавал свое огромное превосходство в тот момент, когда он пригласил испанцев в Теночтитлан. Хотя это приглашение являлось временным компромиссом, в свете тогдашней политической ситуации оно представлялось логичным решением.

В Айотсинго испанцев встретил родич Монтесумы Какама, правитель Тешкоко. Он прибыл с великолепием, подобающим правителю Тройственного союза: в носилках, которые несли правители восьми подвластных ему городов. Встретившись с Кортесом, он объявил, что послан, дабы лично проводить его в город Теночтитлан. После обмена дарами Какама, его свита, испанцы и их союзники выступили в путь, прошли по большой Куитлауакской дамбе, разделявшей озеро Чалько и озеро Шочимилько, а затем проследовали к Истапалапе, лежащей на берегу озера Тешкоко. Там их встретили с дарами правителя Истапалапы и Койоакана. Проведя ночь на берегу, процессия вступила на Истапалапскую дорожную дамбу, ведущую в столицу. В своей «Правдивой истории» Берналь Диас так описывает эту сцену:

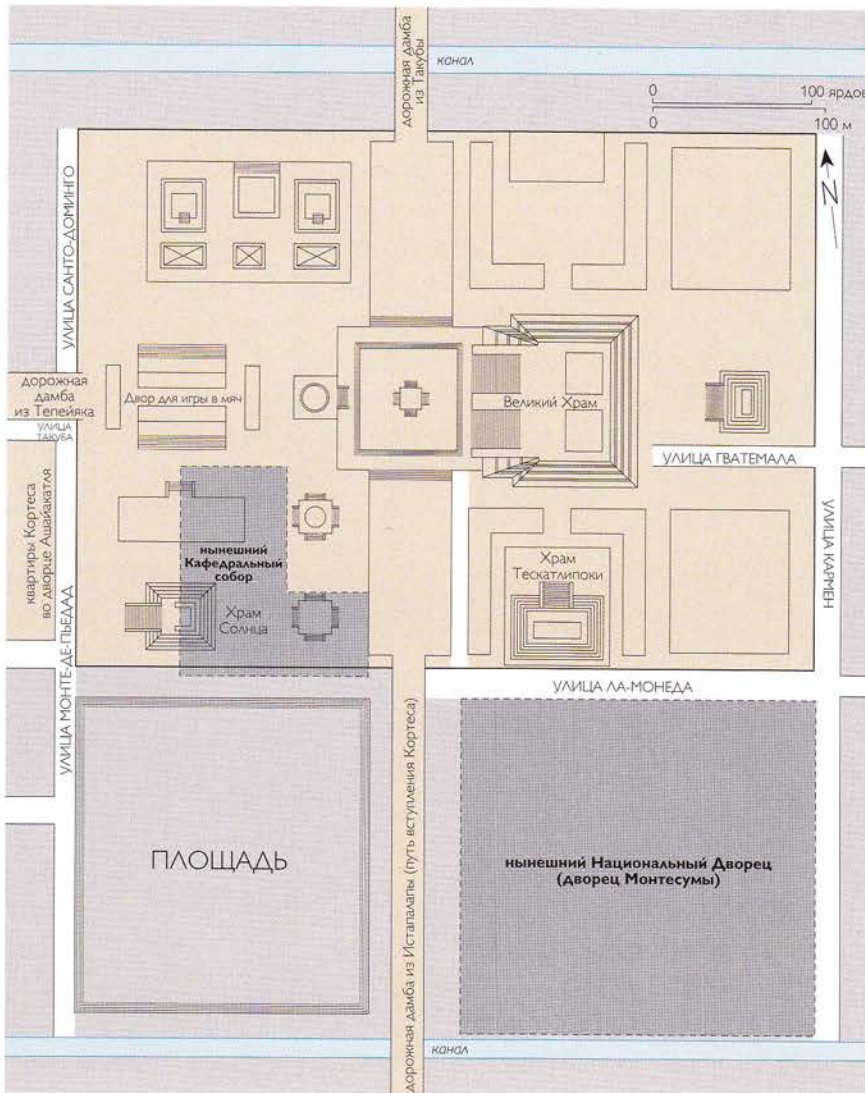
«...дальше шли мы по дорожной дамбе шириной в 8 шагов, ведущей прямоком в город Мехико. Но несмотря на такую ширину, ее заполняло множество людей, одни из которых направлялись в Мехико, а другие – выходили из него. Мы продвигались с трудом, потому что индейцы, прибывшие, чтобы посмотреть на нас, толпились на башнях и *cues* [храмах] и приплывали на лодках-каноэ со всех

сторон озера, и это было неудивительно, поскольку они никогда не видели ни лошадей, ни людей таких, как мы. С каждым шагом восхищение наше росло, а язык немел от удивления. На суше там имелись большие городские строения, и на озере – множество других. Мы видели, что все озеро покрыто лодками, а через промежутки в дамбе проложены многочисленные мосты. Перед нами находился великий город Мехико, а нас было лишь 400 солдат, – и вспомнились нам наставления и предостережения людей из Гуашосинко [Уэшоцинко], Тлашкалы, Таманалько и многих других, предупреждавших, чтобы мы не входили в Мехико, где нас могут перебить».

Какама и другие индейские вожди отправились вперед, чтобы подготовить все к встрече Кортеса и Монтесумы. Сам император прибыл в носилках вместе со своим братом Куитлауаком и сопровождающим его Какамой. Еще две сотни представителей знати составляли его свиту, и все они отводили глаза, потому что им было запрещено смотреть Монтесуме в лицо. Перед Монтесумой развернули ковер, и он сошел на него, поддерживаемый под руки двумя принцами, в то время как прислужники мели дорогу перед ним, дабы он не ступал в пыль. Кортес хотел было обнять его, но принцы жестами показали, что это невозможно. Они, однако, позволили Кортесу снять с шеи ожерелье из стеклянных бус и жемчужин, надушенное мускусом, и надеть его на императора. Монтесума подозвал слугу, который принес сверток, тут же развернутый императором. Внутри было ожерелье из красных витых раковин вперемишку с золотыми самородками, и император собственноручно надел его Кортесу на шею, к удивлению своих придворных. После обмена приветствиями Монтесума приказал Какаме и Куитлауаку показать испанцам, где они будут жить. Дорожная дамба из Истапалапы вела к самому сердцу города, являвшемуся тогда, как и сейчас, его административным и духовным центром. Там находилась большая площадь, которая сейчас называется Сокало, где в дни праздников и событий государственного значения по-прежнему собирается множество народа. В то время на восточной стороне площади, на месте нынешнего Национального дворца, стоял императорский дворец Монтесумы. На северной стороне площади начиналась территория храма, которую сейчас частично занимает столичный Кафедральный собор; напротив него находятся развалины самого Великого Храма. Испанцам предоставили дворец отца Монтесумы, Ашайакатля, расположенный к западу от нынешнего собора и к северу от современного Монте-де-Пьедад (Государственного ломбарда). С севера от этого дворца проходила Такубская (или Тлакопанская) дорожная дамба, которая сыграла значительную роль в последующих событиях.

Монтесума ждал прибытия испанцев во дворце Ашайакатля. Взяв Кортеса за руку, император подвел его к трону, а сам сел на другой трон, стоявший рядом. Внесли дары – золото, серебро, изделия из перьев и одежду из хлопка. Затем Монтесума стал рассказывать историю своего народа и пояснил, что ацтеки сами были пришельцами, которых привел в эти земли великий вождь. Однако, когда этот вождь захотел двигаться дальше, ацтеки отказались. Тогда он ушел на восток, но ацтеки всегда знали, что его потомки вернуться, чтобы править ими. И теперь, похоже, предска-

Окрестности Великого Храма в Теночтитлане

ние исполнилось. «И во всех землях, подвластных мне, ты можешь приказывать, что тебе угодно, и тебе будут повиноваться, и все, чем мы владеем, ты можешь взять себе по своему выбору», – заявил Монтесума Кортесу. Далее он сказал, что ему известно, какие истории рассказывают о нем тлашкальтеки, тотонаки и другие, и предупредил Кортеса, чтобы тот не принимал их всерьез. Затем, объявив испанцам, что они могут располагаться в его столице, как дома, император отбыл из дворца Ашайакатля.

Испанцы тут же принялись обустроить свое жилище, устанавливая артиллерию и назначать посты для пехоты и всадников. Покончив с этими делами, они обнаружили, что мешиками приготовлен для них великолепный пир, и немедленно приступили к трапезе. «И вот таким было наше дерзкое и отважное вступление в город Теночтитлан на восьмой день месяца ноября в год от Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа 1519-й. Благодарение Господу нашему Иисусу Христу за все это», – писал Берналь Диас.

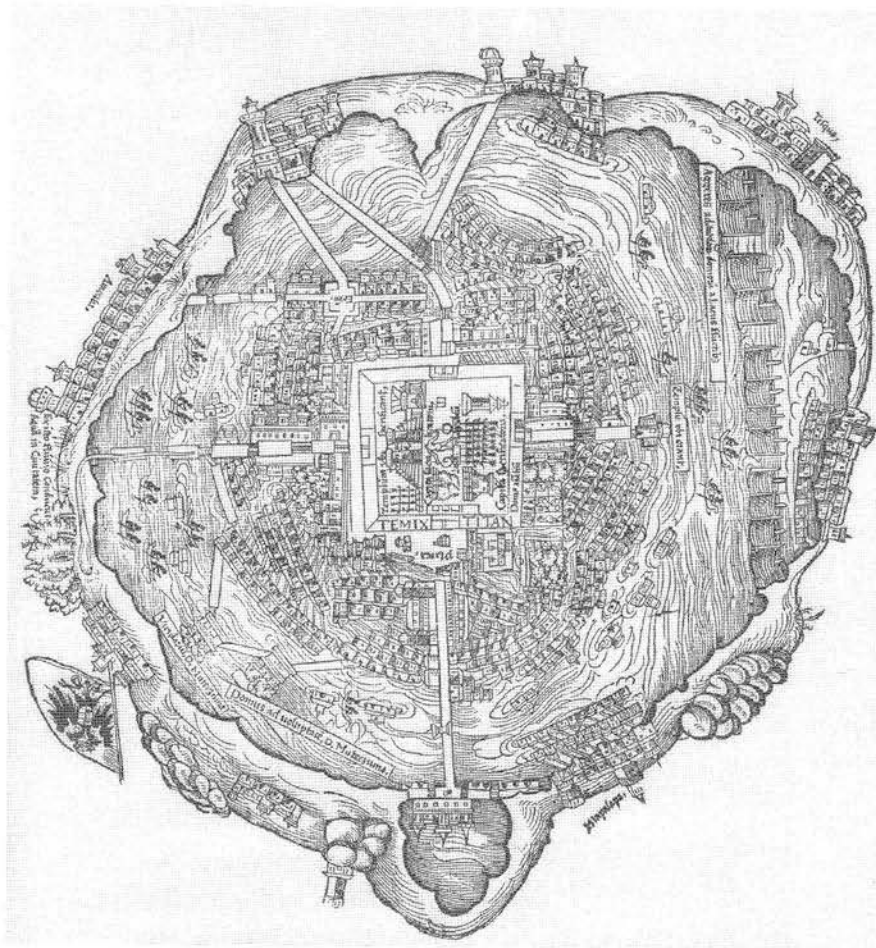
СРАЖЕНИЯ

Обустройство

Следующие несколько недель испанцы изучали город. Они были хорошо устроены, их снабжали хорошей пищей, они привыкали ко вкусу новых странных яств, таких как взбитый в пену шоколад (это слово происходит от наутльского «шоколатль»), маисовые лепешки и перцы чили. Они часто обедали вместе с императором, который развлекал их танцорами, жонглерами и шутами, а после трапезы сам приглашал своих чужеземных гостей покурить. Они посещали зверинцы, где содержались незнакомые им представители местной фауны, такие как прекрасная птица кецаль, чьи длинные перья украшали прически всей ацтекской знати, ягуары и койоты (принятые Берналем Диасом за шакалов). Европейцы нашли довольно-таки омерзительным вид змеи, «имевшей на хвосте что-то вроде погремушки» – так они охарактеризовали впервые увиденную ими гремучую змею. Диас описал зверинец

Ацтекский календарный камень из экспозиции Национального музея антропологии в Мехико. (Topfoto/The Image Works)

План города Теночтитлана, приписываемый Кортесу. Нарисован Альбрехтом Дюрером и впервые опубликован в Нюрнберге в 1524 г. Несмотря на европейские условия в масштабировании, он удивительно точен. На нем обозначены главные церемониальные храмы и дороги. (Американский музей естественной истории)

с изрядным отвращением, поскольку считал, что всех этих животных кормили сердцами и плотью жертв.

Испанцы осмотрели Великий Храм – массивную пирамиду, увенчанную двумя святилищами, одно из которых было посвящено Уицилопочтли, ацтекскому богу войны, а другое Тлалоку, когтистому и пучеглазому богу дождя, тысячелетиями переходившему по наследству от одной мезоамериканской культуры к другой. В святилищах находились идолы, покрытые, по свидетельству Андреса Тапия, слоем застывшей крови толщиной в два или три пальца. Перед храмом находился *цомпантли* – гигантское хранилище голов принесенных в жертву людей; головы эти были развешены на брусках между двумя опорными башнями из человеческих черепов, скрепленных известковым раствором. Посетив цомпантли, Тапия и Гонсало де Умбрия занялись подсчетом и умножением и определили, что на одних только брусках находилось 136 тысяч черепов.

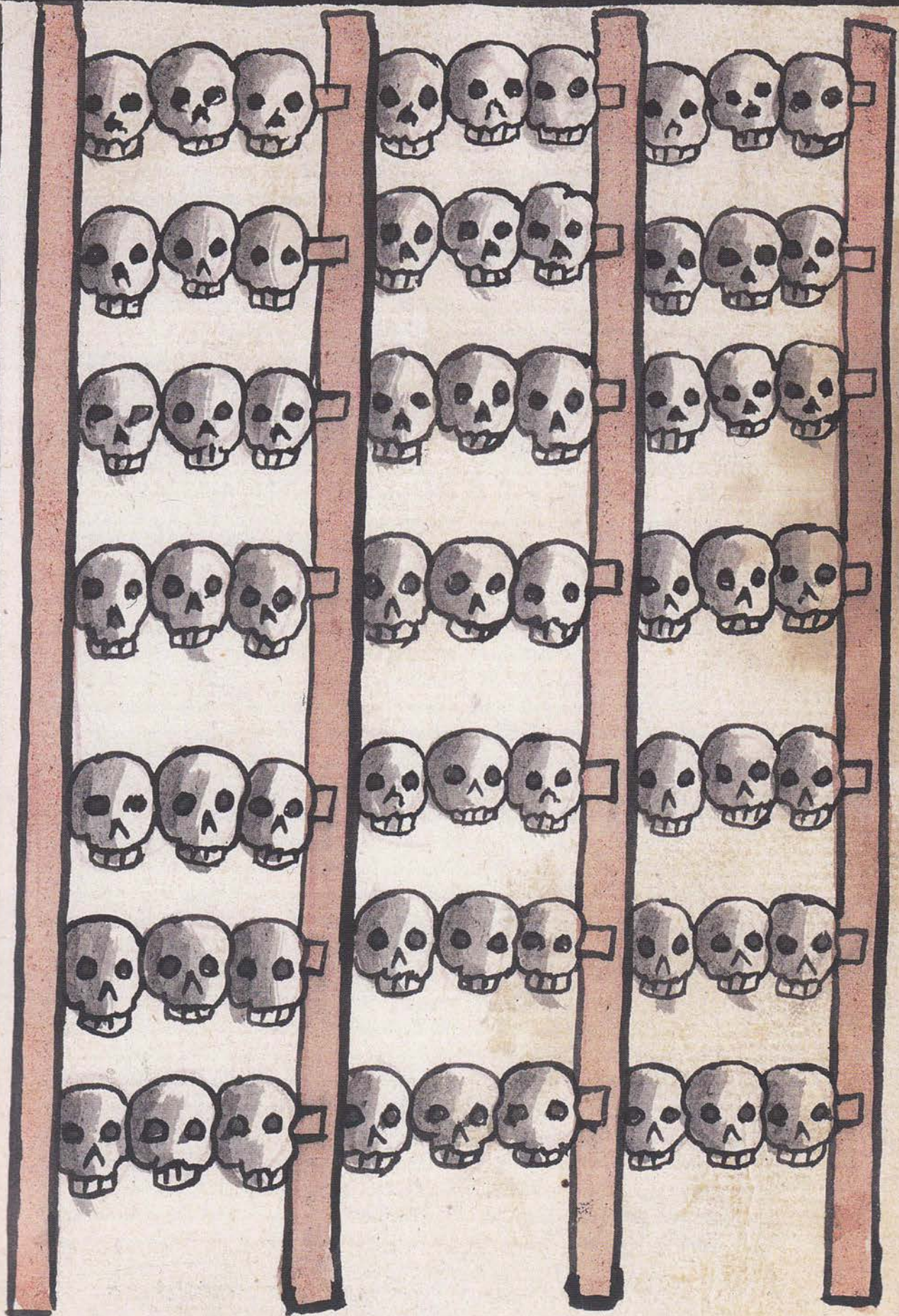
На четвертый день Монтесума пригласил испанцев сопровождать его в Тлателолько – торговый центр империи. Основанное ацтеками на раннем этапе развития их цивилизации, это поселение оставалось независимым до 1473 г., когда его захватил и подчинил Теночтитлану отец Монтесумы, император Ашайакатль. Однако

НА РАЗВОРОТЕ:
Индийское изображение Великого Храма и его цомпантли (хранилища черепов). Храм произвел на испанцев сильное впечатление, а практику жертвоприношений они сочли отвратительной. (Опубликовано с любезного разрешения библиотеки Джона Картера Брауна, Браунский университет)

Templo del ydolo Vitzilo
puesoli.

Тлателолько сохранил контроль над торговлей, и в нем имелся собственный комплекс Великого Храма, соперничавший с теночтитланским.

Рыночная площадь, которую почти каждый испанский хронист описывал как вдвое превосходящую по площади огромную площадь в Саламанке, была окружена портиком. Каждый день по меньшей мере двадцать тысяч человек продавали здесь и покупали различные товары, а в главные рыночные дни (то есть в каждый пятый день) это количество народа удваивалось. Для каждого вида товаров выделялась собственная территория. В одном месте были собраны торгующие золотом, в другом – продавцы изделий из перьев, в третьем – резчики по камню, а далее – торговцы рабами, хлопком, лекарствами, бойцовыми животными и прочими воображимыми и невообразимыми товарами. Средствами расчета служили стержни перьев, наполненные золотым песком до определенного веса, или какао-бобы. Некоторые из испанских ветеранов, побывавших в Константинополе, говорили, что они в жизни не видели столь большого и прекрасно устроенного рынка. Над рынком возвышался Великий Храм Тлателолько. Берналь Диас насчитал 114 ступеней, ведущих на пирамиду, с вершины которой открывался вид на весь город. С берега к городу, расположенному на острове, вели три дамбы с проложенными по их гребню дорогами и с мостами через равные промежутки. От Чапультепека тянулся акведук, снабжавший город свежей водой. Сам город разделялся на части каналами, которые можно было пересечь по убираемым мостам или на каноэ. В свете последующих событий следует предположить, что Кортес примечал все мелочи и сохранял все увиденное в памяти.

По просьбе Кортеса Монтесума провел испанцев внутрь святилища, в котором высились изображения Уицилопочтли, верховного бога Тескатлипоки и бога урожая Шипе Тотека. Диас пишет:

«Все стены этой молельни, так же как и ее полы, были темными от покрывавшей их запекшейся крови, и стояла такая ужасная вонь, которой не знали даже бойни Кастилии. И имелось у них там пять сердец, принесенных в тот день в жертву... И находился там барабан огромных размеров, который, когда по нему били, издавал унылый звук, слышимый на расстоянии в две лиги и походивший, как они говорили, на звучание инструмента из их преисподней; они сообщили, что кожа этого барабана сделана из больших змей. Тут же находилось и множество других вещей дьявольского вида – горны и трубы, всякие жертвенные ножи из камня, множество обгорелых, сморщенных сердец индейцев. И всюду – кровь и кровь!»

Обратившись к императору, Кортес сказал, что не может себе представить, как такой великий и мудрый правитель не понимает, что это не боги, а демоны. Для того чтобы Монтесума и его жрецы поняли истинную природу идолов, Кортес попросил разрешения разместить крест на вершине святилища, а в нем самом поставить статую Девы Марии, «чтобы вы могли увидеть, как идола испугаются ее».

Когда эту речь перевели, оба жреца недобро посмотрели на Кортеса, а Монтесума в ярости ответил: «Владыка Малинче, если б я поверил, что ты можешь говорить

с таким нечестием о моих богах, я не привел бы тебя сюда. Мы поклоняемся им, потому что они добры, они дают нам здоровье, дожди и хороший урожай, смену сезонов и победу, когда мы хотим этого, а от нас требуется почитать их и приносить жертвы. И мы молим, чтобы ты более не хулил их». Улыбнувшись, Кортес предложил возвращаться. Монтесума согласился, но ответил, что он останется, чтобы помолиться и принести жертву, испрашивая у богов прощения за то, что он привел сюда испанцев. «Если так, – сказал тогда Кортес, – я прошу прощения у повелителя».

Император, однако, был менее упрям в том, что касалось религии испанцев, и дал им разрешение устроить в их резиденции часовню. Когда отведенную под часовню комнату осмотрели, плотник заметил в ней дверь, которую некогда заложили камнем и заштукатурили. Кортес приказал открыть ее. За дверью оказалось обширное помещение, содержащее богатства империи, накопленные в ходе завоеваний. После краткого совещания Кортес и все присутствующие решили вновь заложить дверь, чтобы Монтесума не узнал об их открытии.

Пленение Монтесумы

Кортес и некоторые из самых опытных его капитанов и солдат были обеспокоены. Мощь и сила ацтекской империи и ее сказочные сокровища произвели на них глубокое впечатление. Город стал казаться им ловушкой. Монтесума мог прекратить доставку им воды и продовольствия, поднять мосты и послать на них неисчислимое количество воинов. Их страхи получили подтверждение, когда гонцы с побережья принесли известие о мятеже, поднятом мешиками против гарнизона в Вилья-Рике. Тлашкальтеки подтверждали, что Монтесума планирует поднять в городе мосты. Кортес решил, что пришло время действовать. Взяв с собой группу вооруженных солдат, он явился к императору, обвинил его в предательстве и взял под стражу. Монтесума спорил около часа, но, подавленный личностью Кортеса и неприкрытыми угрозами от доньи Марины, он неохотно согласился и был препровожден в резиденцию испанцев во дворце Ашайакатля. Народу дали понять, что Монтесума избрал этот дворец своим местом пребывания, Кортес не стал вмешиваться в дела управления, но поместил сановников под охрану и надзор доньи Марины.

Монтесума призвал в Мехико управляющего провинцией Пануко Куальпопоку, подстрекавшего ацтеков к мятежу. В середине декабря Куальпопока прибыл в богатых носилках и в сопровождении своих сыновей и пятнадцати представителей знати и тут же был арестован и вместе со своей свитой отдан в руки Кортеса, который приказал допросить их под пыткой. Они признались и дали показания против Монтесумы. Затем их сожгли на костре посреди площади, и, как писал Лопес де Гомара, жители города смотрели на это молча, слишком напуганные, чтобы вмешиваться. Кортес приказал заковать Монтесуму. Становилось все более очевидным, что испанцы совершенно запугали Монтесуму, однако повлиять таким же образом на других вождей не удалось. Ведущей фигурой среди них был Какама, правитель Тешкоко, второго по силе члена Тройственного союза. С самого начала он убеждал Монтесуму оказать сопротивление испанцам, а когда стало ясно, что он в этом не

Карл V и Америка

После смерти короля Фердинанда в 1516 г. арагонская корона и регентство Кастилии перешли к его внуку, шестнадцатилетнему Карлу, привезенному из Фландрии. Приехав в страну, которую он никогда не видел, обычаев которой не понимал и на языках которой не говорил, Карл настоял на том, что ему принадлежит не только регентство Кастилии, но и кастильская корона. Итак, первым королем объединенной Испании стал иностранец, который положил начало испанской ветви австрийской династии Габсбургов.

Карл был невысок ростом, с бледным лицом. Его портреты, даже самые льстивые, не могут скрыть длинного подбородка и оттопыренной нижней губы, фамильных черт Габсбургов. Он владел несколькими языками, но говорил так медленно, что речь его казалась бессвязной. Иными словами, он не походил на воинственных королей, которые творили кастильскую историю и соответствовали запросам испанцев.

В Испании Карл нашел страну, едва сводящую концы с концами, и суровый двор. Хотя эта суровость и породила конкистадоров, которые впоследствии завоюют Карлу невообразимую империю, в то время вся эта империя состояла лишь из нескольких вест-индских островов, не приносящих практически никакой пользы и мало интересовавших нового короля.

В начале 1519 г. Карл узнал, что его дед Максимилиан умер, и началась борьба за освободившуюся корону Священной Римской империи. Среди претендентов были дядя его жены Генрих VIII и король Франции Франциск I. Поставив себе цель любой ценой получить императорскую корону, Карл подкупил электоров неслыханными взятками и добился своего. В ходе этого он наделал огромные долги, которые предстояло выплатить Испании. Карл I Испанский стал Карлом V, императором Священной Римской империи. Отныне в Испании наступили времена небрежения, поскольку король-император занимался делами своих германских владений. В последующие два столетия интересы Испании часто оказывались подчинены интересам центральноевропейских Габсбургов. Испания, однако, тащила эту экономическую ношу, растрачивая впустую богатства, захваченные Кортесом и ему подобными.

В конце 1519 г. Карл объезжал свои испанские владения, уже находившиеся тогда на грани мятежа. Кругом раздавались жалобы на непредвиденные долги, ужесточение центральной власти, пренебрежение испанскими обычаями и традициями со стороны назначенных королем-императором фламандцев, возмущение вызывало также намерение Карла отбыть в следующем году в Германию для коронации. В разгар этих волнений в Севилью прибыли Франсиско де Монтехо и Алонсо Эрнандес, которые собирались изложить королю дело Кортеса и привезли первый груз сокровищ из Мексики вместе с тотонакским посольством. Их корабль был реквизирован вместе с грузом, и сокровища оказались в Каса де Контратасьон, королевской финансовой службе, отвечавшей за дела обеих Индий. Затем Карл велел передать сокровища в казну. Он торопился покинуть Испанию. Недовольный волнениями среди его испанских подданных, Карл опасался, что только что

Портрет Карла V из Национального исторического музея

установленный союзенитет над Германией пошатнется. Тем не менее, спеша пересечь Испанию и попасть в порт Корунья на северном побережье, оттуда ему предстояло отплыть в Германию, он нашел время принять при дворе посланцев Кортеса Монтехо и Пуэртокарреро. Они подали королю прошение об официальном признании экспедиции Кортеса, а также просьбу о возвращении корабля и его груза и поставке необходимых припасов. Третьего марта 1521 г. привезенные сокровища продемонстрировали при дворе, и прибывшие с посланцами тотонаки предстали перед королем и кортесами кастильского парламента (испанское слово *cortes* означает «двор», в то время как фамилия Кортеса пишется через «е» с акцентом и означает «куртуазный, учтивый»). Индейцы поразили короля Карла, и он приказал относиться к ним со всем возможным вниманием.

Однако Монтехо и Пуэртокарреро были не единственными представителями Нового Света при дворе. По пути в Севилью они останавливались для пополнения припасов на Кубе, и губернатор Диего Веласкес узнал о том, что на борту их корабля находятся сокровища. В апреле 1519 г. посланец Веласкеса Панфило де Нарваэс вернулся из Испании и привез губернатору Кубы лицензию на завоевание Юкатана и того места, где предположительно находилось Мехико. Теперь же, узнав, что Кортес опередил его, Веласкес отправил Нарваэса в злополучную миссию – положить конец экспедиции Кортеса, а также собрал слухи и свидетельства и послал своих представителей в Испанию с донесением.

Представители Веласкеса оспорили прошение Монтехо и Пуэртокарреро, апеллируя к тому, что Кортес, не будучи верноподданным, является не более чем пиратом и предателем. Однако их усилия пропали втуне. Кортесы, несомненно, вставшие в соблазн при виде сокровищ, согласились отложить решение по этому делу, пока не будут заслушаны обе стороны (а тем временем дожидаться, преуспеет ли Кортес или потерпит поражение). Некоторые советники зашли так далеко, что предлагали отправить Веласкеса в отставку. Что важнее, корабль, на котором прибыли Монтехо и Пуэртокарреро, был вместе со своим грузом освобожден из-под ареста, и мексиканская добыча использована для закупки необходимых припасов и того, в чем нуждался Кортес. Через несколько дней король отбыл в Германию. Тотонаков, которые начали страдать от климата северной Испании, отправили обратно в Севилью. Один из них умер, а остальные вернулись в Америку, хотя, видимо, не дальше, чем на Кубу.

Для короля экспедиция Кортеса была не единственным заморским предприятием. Его убедили поддержать экспедицию Фердинанда Магеллана, португальца на испанской службе, который отплыл из Испании в 1519 г. на пяти кораблях, чтобы все-таки осуществить план Колумба и добраться до Восточных Индий западным путем. Магеллан открыл пролив у южной оконечности Южной Америки, переплыл Тихий океан и высадился на Филиппинах в 1521 г. Там он погиб в бою с туземцами. Его помощник, Хуан-Себастьян дель Кано, продолжил экспедицию и вернулся в Испанию с одним кораблем и 18 людьми. И хотя дель Кано, как первый человек, обогнувший земной шар, получил в награду дворянский герб и пенсию, Карл V едва ли оценил значение этой экспедиции, еще менее уделяя внимания таким «незначительным»

вещам, как исследование и завоевание новых земель. Но Карл куда не мог деться от перемен, произошедших в его собственном застывшем мире под влиянием Нового Света. Открытие Колумба поставило под вопрос копившиеся тысячелетиями знания. Он обнаружил не только неизвестный континент, но и населявших его людей. Колумб, видевший себя подлинным Христофором («Несущим Христа»), ожидал встречи с азиатами, которых считали людьми с бессмертными душами, и потому достойными спасения души. Индейцы Нового Света, однако, тысячелетиями были изолированы от остального мира. Они не походили ни на один из народов Старого Света. В связи с этим возник вопрос, являются ли они людьми или всего лишь высокоразвитыми животными, способными подражать людским обычаям, строить жилища и создавать вещи. Считая их людьми (в чем многие европейцы сомневались), некоторые конкистадоры полагали их низшей расой, неспособной к цивилизации, и что души представителей этой расы не подлежат спасению. И потому, с точки зрения новопоселенцев, индейцев можно было угнетать и грабить.

Однако существовали и те, кто утверждал, что индейцы – дети божьи и обращаться с ними надлежит исходя из этого. К числу наиболее воинствующих поборников этой точки зрения относился Бартоломе де Лас Касас. Прибыв в Вест-Индию в 1502 г., Лас Касас проявил себя как обычный авантюрист-махинатор. Он приобрел копи и земельные участки, на которых неустанно трудились его рабы-индейцы, а затем принял участие в завоевании Кубы, где получил еще владения и рабов. Однако в 1514 г. сорокалетний Лас Касас осознал, что он и его земляки причиняют страдания индейцам, и посвятил остаток своей жизни (а прожил он 92 года) их защите.

Вернувшись в Испанию, Лас Касас встретился с Карлом V, который, будучи убежден его аргументами, разрешил основать утопические индейские коммуны на венесуэльском побережье. Этот план провалился, и Лас Касас вернулся на Санто-Доминго, где начал работать над обширным сочинением, являвшимся отчасти исторической хроникой, отчасти пророчеством и отчасти фантазией. Сей труд под названием «*Brevisísimia relacion de la destruction de las Indias*» («Краткий отчет о разрушении Индий») получил широкую известность в Европе. Переведенный (с приукрашиваниями) на английский и голландский языки, он послужил основой пресловутой «черной легенды» о преступлениях испанцев, отзвуки которой и поныне портят отношения между англоязычным и испаноязычным мирами.

В дальнейшем, посещая Испанию, Лас Касас продолжал давать советы Карлу V. Его доводы в спорах с королем-императором получили дополнительное подкрепление в 1537 г., когда папа Павел III издал буллу «*Sublimus Deus*», в которой объявил индейцев достойными спасения души детьми божьими. Карл издал свод законов, касающихся покорения и колонизации Нового Света. Этот кодекс, известный как Новые Законы, смягчал условия покорения и являлся, помимо всего прочего, попыткой положить конец эксплуатации и отменить энкомьенды – что удалось лишь отчасти. Тем не менее до сих пор Лас Касас пользуется уважением во всей Центральной Америке; он один из тех очень немногих испанцев, кого почитают в Мексике как «апостола Индий».

преуспел, то решил, что настало время захватить власть и изгнать пришельцев. Какама присоединился к заговору брата Монтесумы Куитлауака, правителя Истапалапы и нескольких других значительных городов долины Мехико. Монтесума узнал о заговоре и, находясь полностью во власти Кортеса, приказал нескольким по-прежнему верным ему придворным схватить Какаму и привести в Мехико, где того передали испанцам и посадили под стражу. По распоряжению Кортеса Какама был смещен, и вместо него правителем Тешкоко стал его брат Коанакоч.

До сих пор Кортес не допустил ни одной серьезной ошибки. Однако сейчас он замахнулся на большее. Хотя он был хитер и коварен, им, тем не менее, во многом двигали религиозные убеждения; он верил, что настало время низвергнуть идолов Теночтитлана, положить конец жертвоприношениям и установить господство католической церкви. Взяв с собой несколько человек, он взобрался на пирамиду Великого Храма Мехико. На платформе солдаты взяли за мечи и порубили тяжелую завесу, украшенную колокольчиками, которая закрывала святилище. Прибежавшие жрецы увидели, что Кортес вошел внутрь и стоит, глядя на покрытых кровью идолов, шепча: «О Господи, почему дозволил Ты, чтобы в этой земле так почитали дьявола? Благослови, Господи, наше служение Тебе в этих землях!»

Обернувшись к жрецам, Кортес сказал им, что изображения богов будут заменены статуей Святой Девы с Младенцем, а стены – побелены. В ответ жрецы со смехом сказали ему, что это боги не только города, но и всей империи, что люди по своей воле умирали за них и что, увидев испанцев на верху пирамиды, они готовы взбунтоваться. Рассвирепев, Кортес послал одного из своих людей обратно во дворец, чтобы усилить охрану Монтесумы и прислать тридцать-сорок человек в храм. Андрес Тапиа пишет:

«Честью благородного человека я клянусь и именем Господним, что маркиз (Кортес) необыкновенно высоко подпрыгнул и, ухватившись за перекладину посередине, дотянулся до глаз идола и сбил с него золотую маску, сказав, что мы должны чем-то рискнуть ради Господа».

Монтесума подозревал, что нечто подобное случится, и потребовал отвести себя в храм, где вступил в спор с Кортесом. Теперь для императора настало время хитрить, и он предложил, чтобы испанцы оставили идолов в покое, а крест и свою статую поставили рядом с их богами. Кортес тем временем успокоился и согласился, сказав, что идолы – это всего лишь камень, они ничего не значат. Однако он потребовал, чтобы храм очистили и побелили и чтобы жертвоприношения были прекращены.

Покушение на богов истощило терпение народа. Жрецы, видя угрозу своей власти, пустили слух, что оба великих бога, Уицилопочтли и Тескатлипока, покинут Мехико, если христианские символы не будут удалены из храма, а сами испанцы уничтожены. Паж Кортеса Ортегиля, который быстро освоил науатль и пользовался благосклонностью Монтесумы, сообщил, что император тайно совещается со своими военачальниками. О грядущем мятеже предупреждали также тлашкальтеки и

НАПРОТИВ:

Статуя Тлаока, древнего бога дождей Теотиуакана и Толлана, датированная приблизительно 400 годом н. э. В настоящее время она является экспонатом Национального музея антропологии в Мехико. (© Филип Бэрд, www.anthroarchaeat.org)

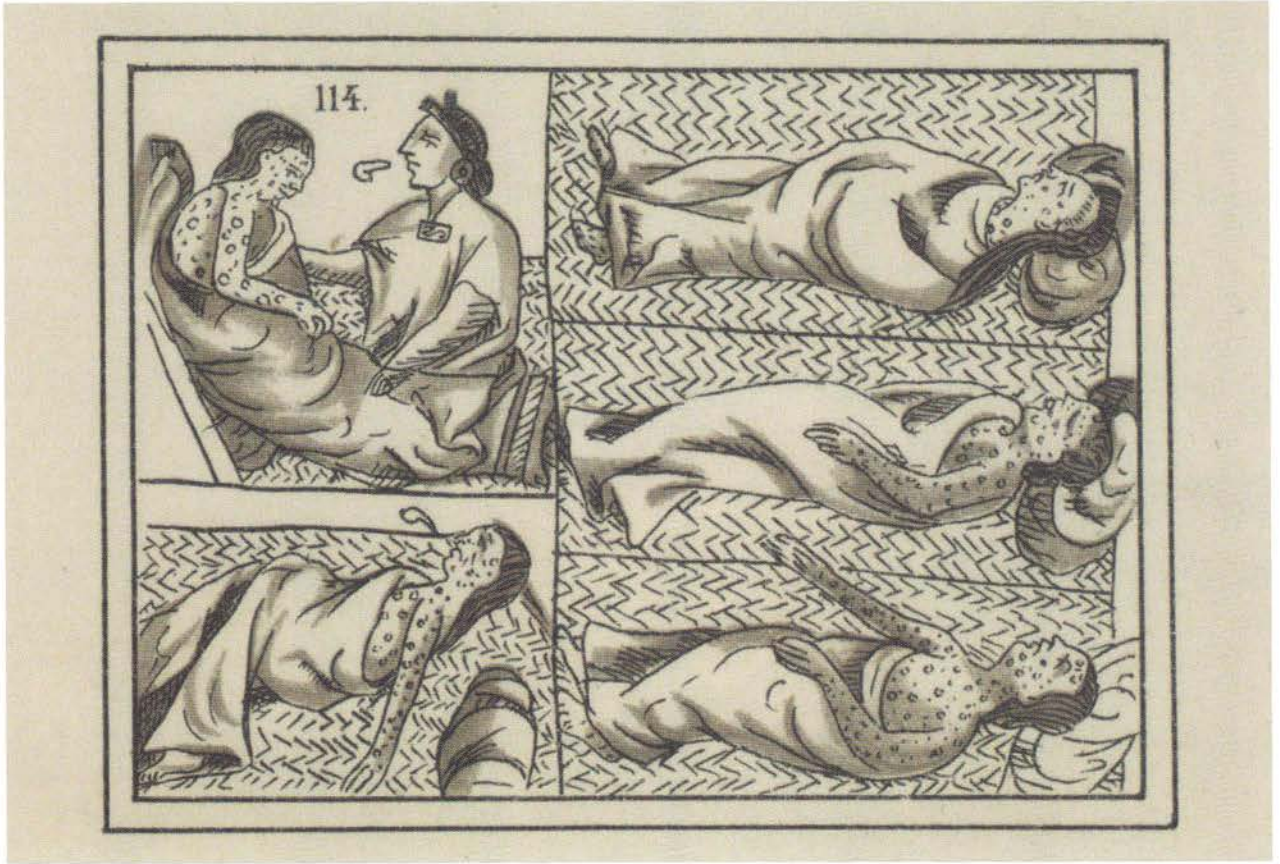
Главная пирамида Семपोалы стала сценой для значительных событий Конкисты, включая первое заключение союза с местными правителями, первое низвержение туземных богов и сражение, в котором Кортес разбил Панфило де Нарваэса. (Национальный институт антропологии и истории, Мехико)

донья Марина. Даже Монтесума сказал Кортесу, что если тот не уведет своих людей и не покинет страну, их уничтожат.

Кортес понял, что дипломатии настал конец и ему придется удерживать страну одной лишь силой. Он послал тайный приказ плотникам в Вилья-Рике начать строить три корабля, чтобы отправиться за подкреплением. Однако он медлил, говоря Монтесуме, что хотел бы вернуться домой, но не может, потому что не имеет возможности покинуть эту страну. И все же настал день, когда Монтесума сказал ему, что теперь испанцы могут уйти, потому что к Вилья-Рике пришел флот. Кортес совершенно правильно предположил, что это экспедиция с Кубы и что губернатор Веласкес узнал о его планах, когда отправленный Кортесом корабль запасался всем необходимым на Кубе для плавания в Испанию. Он также знал, что в район Пануко, еще до того, как Куальпопока начал там свои подстрекательства к мятежу, была послана другая экспедиция, организованная губернатором Ямайки Франсиско де Гараем.

Прибытие экспедиции Нарваэса

Новой экспедицией в Мексику командовал Панфило де Нарваэс, который встретил по пути одну из разведывательных партий Кортеса и узнал о ситуации в Мехико. Не имея возможности занять Вилья-Рику, где упорный и отчаянный капитан Гонсало Сандоваль был готов выдержать осаду, Нарваэс миновал этот город, двинулся дальше на Семपोалу и разместил там свои войска. Сандоваль также арестовал троих посланников Нарваэса и отослал их под охраной в Мехико, где Кортес узнал таким образом о силах противника. Испанцы, находившиеся в Мехико, прочли письма

Нарваэса, в которых люди Кортеса именовались разбойниками и предателями, заслуживающими смерти, и это восстановило их против новоприбывших. Затем посланники были отправлены обратно к Нарваэсу, неся с собой многочисленные дары и рассказы об обещанных Кортесом богатствах и почестях, не сравнимых с теми, что мог предложить своим подчиненным Нарваэс. В конечном итоге Кортес выступил в сторону побережья во главе 250 отборных солдат, оставив в Мехико за старшего Педро де Альварадо.

На новоприбывших испанцев, безусловно, произвели огромное впечатление как дары из золота, так и рассказы о богатстве. Следует также помнить, что они сравнительно недавно прибыли с весьма процветающей Кубы. В то же время люди Нарваэса не могли не заметить, какие исхудавшие, обтянутые задубелой кожей лица у солдат Кортеса, какие помятые на них доспехи. Все это свидетельствовало о том, что они будут иметь дело с испытанными в битвах ветеранами. Таким образом, экспедиция Нарваэса потерпела поражение даже раньше, чем вступила в бой.

Само сражение состоялось при Семпоале 27 мая 1520 г. Кортес со своим отрядом выступил еще до рассвета, под морозящим дождем, который его привыкшие к трудностям солдаты едва замечали, но который заставил искать укрытия людей Нарваэса. Ветераны Кортеса быстро захватили артиллерию противника и отбросили его кавалерию, а затем ворвались в город. Самое сильное сопротивление они встретили

На иллюстрациях «Флорентийского Кодекса» изображена эпидемия оспы, которая бушевала в Теночтитлане с октября по декабрь 1520 г. и унесла жизни сотен тысяч индейцев, среди которых был только что избранный уэй тлатоани Куитлауак. («Флорентийский кодекс», кн. 12, ч. 29, Американский музей естественной истории)

в центральном храме, где Нарваэс укрепился со своими аркебузирами и арбалетчиками. Эти бойцы предприняли контратаку, но тут с побережья прибыл Сандоваль с подкреплением, и вылазка была отбита объединенными силами. Затем осаждавшие подожгли кровлю храма, заставив людей Нарваэса выйти. Самого Нарваэса, тяжело раненого и потерявшего в сражении один глаз, отправили обратно на побережье под охраной, в качестве пленника. Кортес послал отряд в Вилья-Рику, чтобы снять там с кораблей румпели, компасы и паруса и тем самым сделать невозможным бегство на Кубу. Основная часть людей Нарваэса, испросив прощения у Кортеса, влилась в его войско и получила назад свое оружие.

Готовясь вернуться в Мехико, Кортес даже не знал, что он оставляет за спиной неожиданного и невидимого союзника, который может произвести опустошение среди местного населения. Один из негров-рабов в отряде Нарваэса был болен оспой и заразил хозяев дома, в котором он жил в Семпоале. Как пишет Лопес де Гомара, «оспа распространялась от одного индейца к другому, и они, будучи весьма многочисленны, при том, что они ели и спали вместе, быстро заразили всю страну».

Люди Старого Света за сотни поколений, ценой миллионов смертей, приобрели сопротивляемость к этой болезни. Те, кто от рождения были слабы, умирали, те, кто мог сопротивляться, выживали и производили на свет потомков, более устойчивых к оспе. Новый Свет никогда не знал оспы, поэтому никто из его обитателей не имел наследуемого иммунитета. Установлено, что до 90% местного населения вымерло от болезней, завезенных после Колумба.

В наше время благодаря достижениям науки воздействие заразных болезней сильно ограничено, и в XXI столетии невозможно себе представить и понять истинный масштаб пандемии. Старики умирали раньше, чем успевали передать накопленную мудрость. Жрецы, философы, политические лидеры умирали, унося с собой свои верования, знания и управленческие навыки. Умирали ремесленники, крестьяне и воины. Дети оставались сиротами. Нередко число мертвых превышало число живых, и улицы были полны разлагающихся трупов, что усугубляло последствия. Общество практически переставало существовать. Эта новая и незнакомая болезнь решила исход Конкисты в той же мере, что и остальные факторы.

Бойня в месяц тошкатль

Пока Кортес разбирался с Нарваэсом, у Альварадо возникли проблемы в Мехико. Месяц май, который ацтеки называют тошкатль, был посвящен Уицилопочтли, и в честь этого божества тогда устраивались празднества, во время которых приносились обильные человеческие жертвы. Альварадо разрешил проведение празднеств при условии, что христианские символы в храме не тронут и что жертвоприношений не будет. Однако за несколько дней до церемонии он решил проверить храм и обнаружил там следы недавних жертвоприношений. Кроме того, в храме находились рабы, ожидавшие своей очереди. Освободив их, Альварадо арестовал нескольких жрецов. На допросе они сознались, что на территории храма хранится оружие, и что после завершения церемонии заговорщики собирались уничтожить испанскую

НАПРОТИВ

Педро де Альварадо (1485–1541). Упрямый и импульсивный, Альварадо мог спровоцировать восстание в Мехико своим чрезмерным усердием. Тем не менее, в любых трудных обстоятельствах он был отважен, решителен и верен до конца. (Torfoto)

СЛЕДУЮЩИЙ РАЗВОРОТ

Храм Солнца в Теотиуакане. Вид с вершины церемониального комплекса, именуемого Цитаделью. Этот храм был древним уже в те времена, когда ацтеки, тогда еще полудикие кочевники, впервые появились в долине Мехико. Они сделали этот храм центром своего мира и местом своего мистического происхождения. (© Филип Бэрд, www.anthroarchart.org)

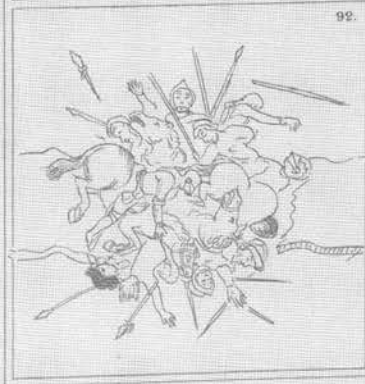
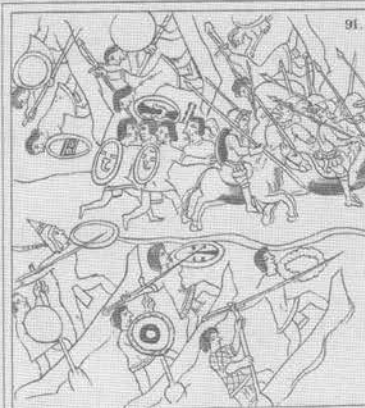
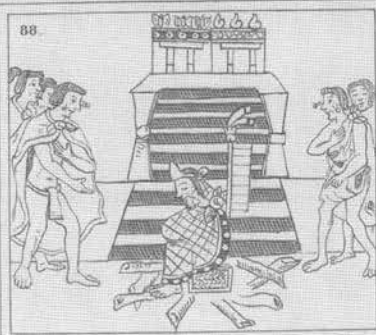
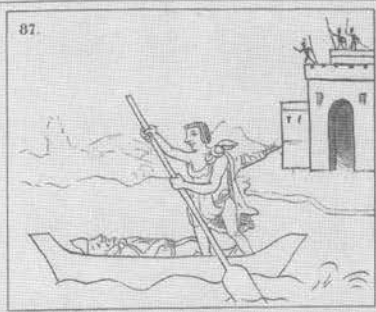
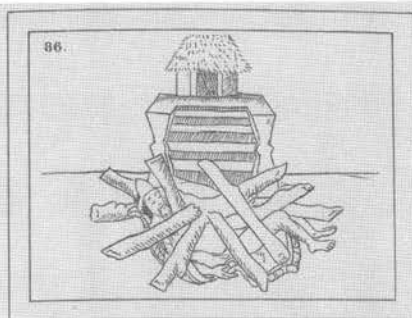
охрану, а крест сбросить вниз, что послужило бы сигналом к бунту. Все усугублялось тем, что город был полон пришедшими на празднество людьми, которые испытывали чувство гнева, видя в храме крест и охранявших его чужеземцев.

18 мая Альварадо дождался начала церемонии, а затем, оставив часть своих солдат во дворце, повел остальных к храму и проложил себе дорогу через толпу. Процессия жрецов раздвинулась, открыв строй вооруженных воинов, но Альварадо ждал этого, и его люди атаковали. Они целенаправленно убивали знать и командующих, чтобы лишить армию руководства и внести смятение в ряды воинов. Тем временем около тысячи тлашкальтеков окружили двор храма и сдерживали подоспешное подкрепление. Вместе с тлашкальтеками Альварадо пробился обратно во дворец, оставив во дворе храма трупы и кровь.

Отправленные к Кортесу гонцы донесли ему, что город охвачен восстанием, Альварадо находится в осаде и близок к поражению. Кортес со своей выросшей армией поспешил обратно через Тлашкалу, где к нему присоединилось еще несколько тысяч союзников. Чем ближе он подходил к столице, тем больше свидетельств мятежа он видел. Его никто не выходил встречать, лица местных жителей были мрачны. Когда войско Кортеса вошло в столицу вечером 24 июня, город притих. Альварадо и Монтесума обвиняли в произошедшем один другого. Кортес склонен был поверить словам Монтесумы, и Альварадо получил суровый выговор. Однако гнев Кортеса обратился и на Монтесуму, потому что Кортес узнал, что император втайне вел переговоры с Нарваэсом.

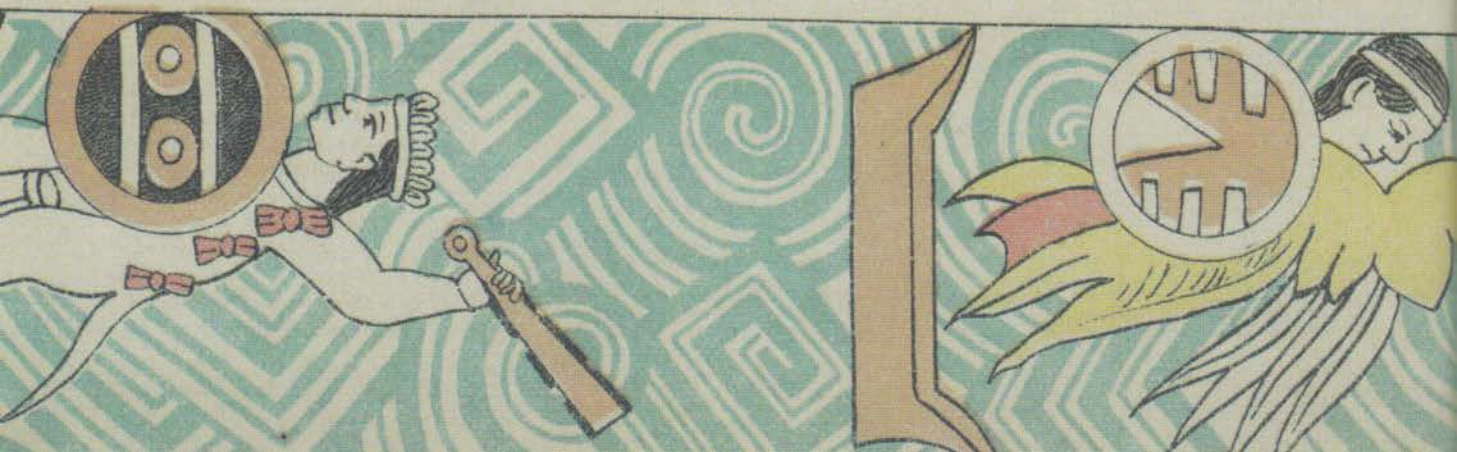
Все споры вскоре стали бессмысленны, потому что осада возобновилась. Многочисленные орды мешиков обложили дворец. Против такого количества воинов артиллерия, аркебузы и арбалеты были неэффективны. В каждой атаке погибали десятки врагов, но на их место приходили все новые и новые бойцы; в конце концов они пробились во дворец и подожгли его в нескольких местах. Атака захлебнулась, когда дело дошло до мечей. Испанцы возвели несколько осадных башен в попытках захватить прилегающие строения, в которых расположились мешицкие пращники и лучники. Когда эта попытка не удалась, Кортес возглавил вылазку, в ходе которой захватил и сжег храм, благо христианские изображения уже были вынесены из него самими ацтеками. После этого он разослал по городу отряды, дав им задание поджечь окружающие здания. Однако уже стало ясно, что ацтеки одержат верх благодаря одной своей численности. Почти все испанцы уже были ранены. Пока шел бой, ацтекские выборщики сместили Монтесуму и избрали императором Куитлауака.

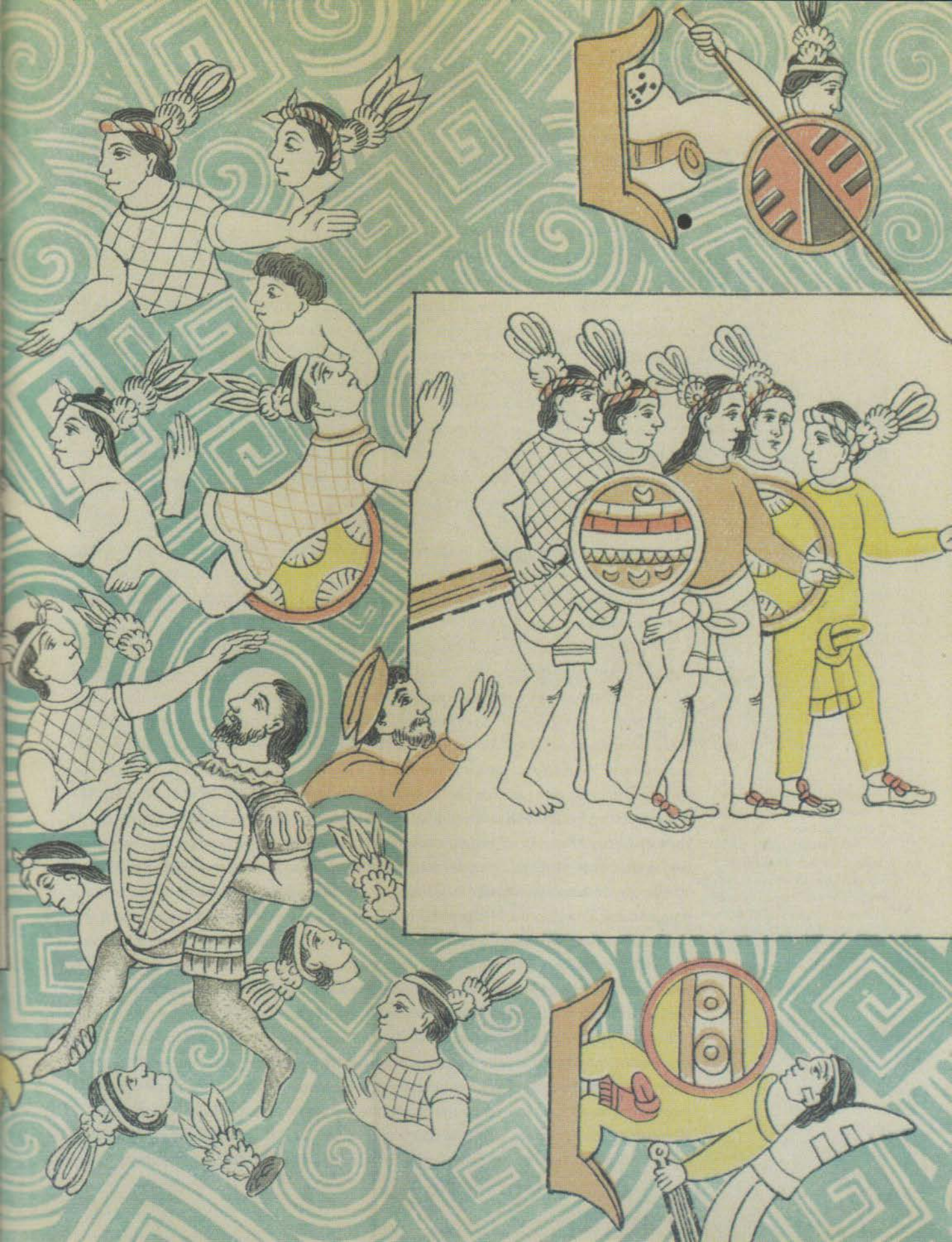
Монтесума умер ближе к концу осады, хотя точная причина его смерти неизвестна до сих пор. Кортес предложил бывшему императору обратиться к толпе и попытаться остановить сражение. Когда тот вышел из укрытия, ему по голове попали камнем, и через три дня Монтесума умер. Ацтеки, однако, излагают историю иначе. Согласно свидетельствам, собранным Дураном, рана на голове, нанесенная камнем, не была опасной, а император был убит испанцами. Саагун передает, что Монтесума обратился к толпе, но это еще больше разъярило ее. После этого Кортес решил, что Монтесума становится обузой, и приказал удушить его вместе с несколькими придворными, а тела сбросить с крыши дворца.

На этой странице «Флорентийского Кодекса» изображены некоторые события 1520 г. Второй сверху рисунок в правом ряду иллюстрирует ацтекскую легенду, относящуюся к «Ночи Печали», когда женщина, набравшая воду в колодце, заметила воинов и предупредила стражу в храме Уицилопочтли. На следующих иллюстрациях изображено сражение («Флорентийский кодекс», кн. 12, ч. 24, Американский музей естественной истории)

СЛЕДУЮЩИЙ РАЗВОРОТ
Во время «Ночи Печали» испанцы и их тлашкальтекские союзники оказались в ловушке на Тлакопанской дамбе. Ацтеки атаковали их со всех сторон, подойдя на каноез, так что дюжина солдат была сброшена в канал, где они и утонули (рисунок 18, «Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

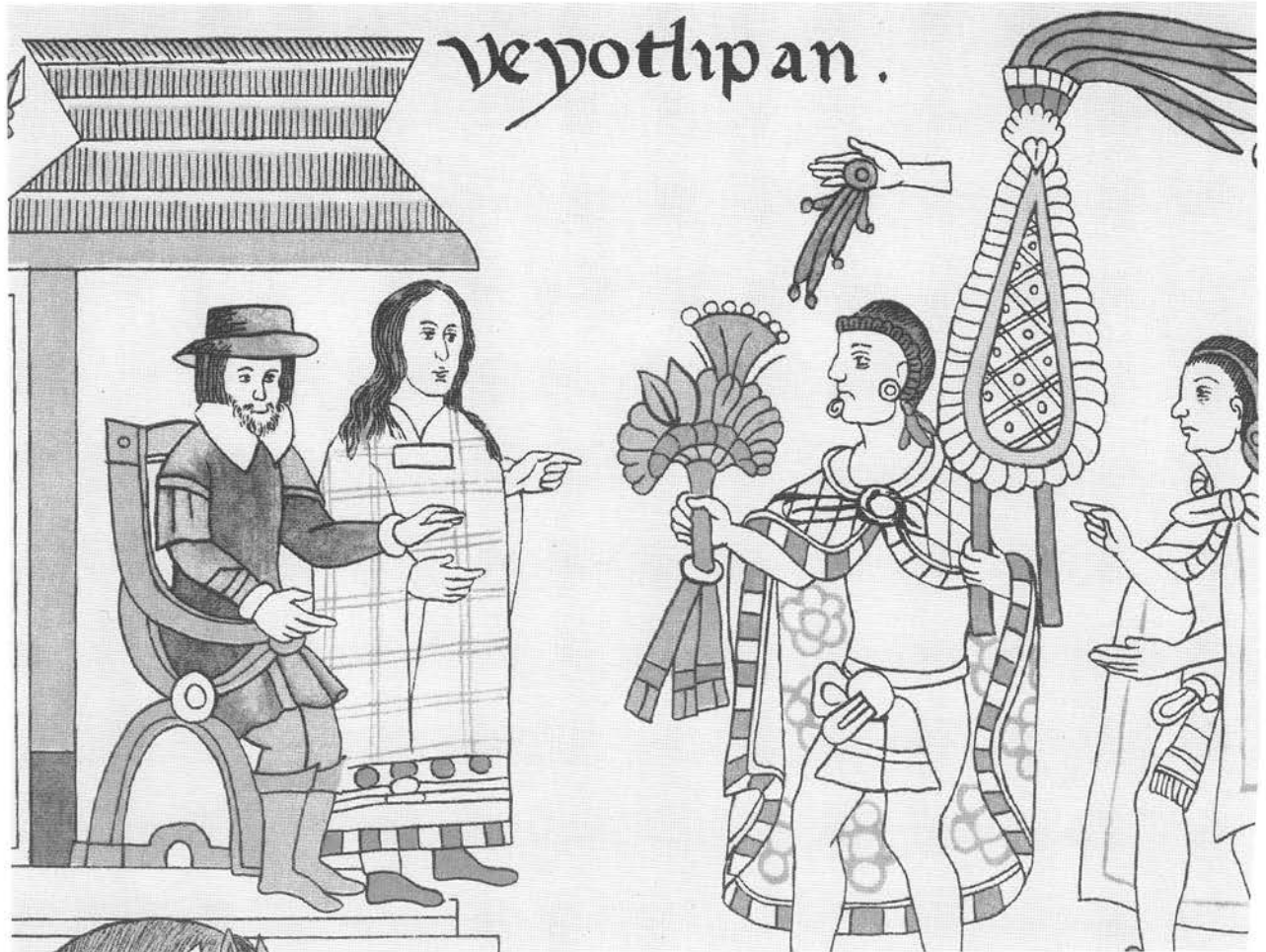

Индийская версия событий, согласно которой император погиб от рук испанцев, была принята историками современной постколониальной эпохи. Однако практически любая хроника, написанная конкистадорами, поддерживает версию Кортеса, и многие из этих солдат, ставших хронистами, не имеют никакой причины отступать от правды. Наиболее убедительны Алонсо де Агилар и Берналь Диас. Когда Агилар писал свои воспоминания, ему было больше 80 лет и он жил в затворе доминиканского монастыря под именем брата Франсиско. Он явно стремился искупить свои преступления, совершенные во время Конкисты. Агилар утверждает, что Монтесума умер от раны в голову, признавая при этом, что других пленников Кортес велел убить. Диас, который восхищается Монтесумой, пишет, что после того, как императору в голову попал камень, он впал в уныние, отказался от пищи и лечения. Принимая во внимание то, что на Монтесуму было совершено нападение из толпы, совсем недавно считавшей его полубогом, версия Диаса кажется наиболее вероятной. Хотя его слова о том, что испанцы оплакивали смерть Монтесумы, являются по меньшей мере преувеличением.

30 июня, на шестой день осады, осажденные испанцы, как капитаны, так и рядовые, поняли, что их положение в городе безнадежно. Если они останутся, их перебьют. Когда Кортес стал возражать, капитаны, включая всегда лояльных братьев Альварадо, подошли так близко к мятежу, как никогда за всю Конкисту, и сказали Кортесу, что он может или вывести их отсюда, или оставаться. Подчинившись неизбежности, Кортес подчинился и стал строить планы отступления, которое должно было состояться той же ночью.

До этого момента Кортес зарекомендовал себя как прекрасный дипломат и стратег, умеющий играть на противоречиях между противниками, чтобы достичь поставленной цели минимальными усилиями. Он имел замечательную склонность проникать в суть каждой политической ситуации и быть постоянно готовым противостоять своим противникам как тщательно спланированными благонамеренными действиями, с одной стороны, так и прямым предательством – с другой. Его тактика была полностью позаимствована у испанских монархов времен завоевания Гранады, когда Фердинанд и Изабелла взорвали эмират изнутри, натравив друг на друга трех претендентов, так что до применения военной силы дело не дошло. Говорили, что именно король Фердинанд вдохновил Макиавелли на трактат «Государь».

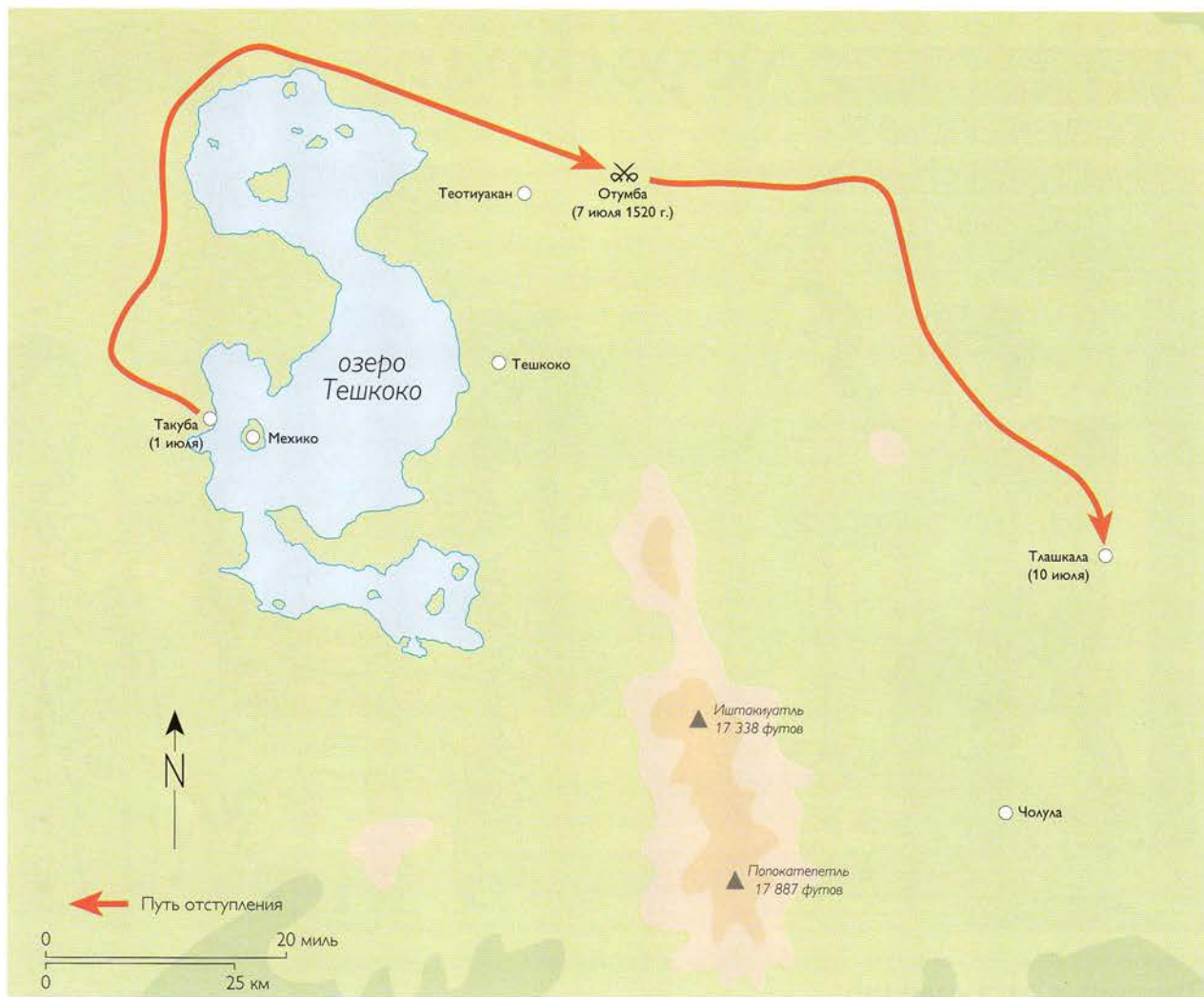
Захват Монтесумы являлся смелым ходом, однако и у него были прецеденты в истории как Европы, так и Испанского Мэйна. Средневековая знать постоянно захватывала представителей королевских фамилий в заложники ради выкупа или для изменения политической ситуации в свою пользу непосредственно во владениях заложника. Такие конкистадоры, как Веласкес и Понсе де Леон, достигли своих целей, захватив местных касиков (вождей, или царьков) и предав их смерти путем сожжения заживо. В 1513 г. Нуньес де Бальбоа в Панаме захватил касика Тубанаму и удерживал его в заложниках, пока подданные не выплатили ему 90 фунтов золота. Двадцать лет спустя Писарро по его примеру захватил императора Атауальпу и заставил инков выплатить за его освобождение несколько тонн золота и серебра. Кортес столкнулся 30 июня 1520 г. с принципиально новой ситуацией. Если ацтекская армия ранее не могла победить его в бою, то после этого она уже действовала без колебаний.

Прорыв и отступление

Итак, Агилар сообщил о смерти Монтесумы, и Кортес приказал перебить оставшихся вождей. Затем, поскольку в скрытности больше не было нужды, испанцы заново вскрыли сокровищницу и извлекли оттуда около восьми тонн золота, серебра и драгоценных камней. Одна пятая часть, согласно закону, должна была отойти короне, одна пятая, согласно договору, заключенному в Вилья-Рике, причиталась самому Кортесу. Основную часть золота и серебра расплавили и обратили в слитки, удобные для транспортирования. Для перевозки королевской доли задействовали семь раненых боевых коней и кобылу, а также 80 тлашкальтекских носильщиков. Когда формальности были завершены, испанцы поделили между собой остальную часть сокровищ. Большую часть захватили люди Нарваэса, в то время как ветераны Кортеса удовольствовались маленькими и легкими самоцветами и ювелирными изделиями. В отличие от новичков они знали, с чем им предстоит столкнуться и что с сокровищами или без них они могут выбраться отсюда только при большой удаче. Изделия из перьев кецаля, бесценные в глазах индейцев, были поделены между тлашкальтеками.

Кортес преподносит правителю Машишкацину матлашопилли, или сигнальный значок, захваченный в битве при Отумбе. Тлашкальтек в обмен предложил испанцам пищу и убежище для подготовки новой атаки на столицу ацтекской империи. («Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

Отступление испанцев после «Ночи Печали». Сражение произошло на дамбе, ведущей от Теночтитлана к Такубе, откуда оставшиеся в живых отступили на север

Плотники разобрали потолочные балки во дворце и соорудили переносной мост, чтобы перебрасывать его через разрывы в дамбах. В полночь длинная вереница испанцев и их индейских союзников растянулась вдоль Такубской (или Тлакопанской) дорожной дамбы. Погода совершенно испортилась, начиналась буря, которая загнала мешикских стражей в укрытие. Затем произошла одна из тех случайностей, которые так часто меняют ход событий. Согласно некоторым свидетельствам, некая женщина вышла из дома, чтобы набрать воды, увидела проходящую колонну и подняла тревогу. По другим источникам, тревогу поднял часовой. Как бы то ни было, через несколько минут в храме загредел барабан, и город ожил. К дамбе отовсюду стекались воины, и еще больше их прибывало на каноэ. Ненависть мешиков к испанцам была столь сильна, что они оставили свой обычный способ ведения боевых действий и пытались убить врагов, а не взять их в плен. Берналь Диас в своем красочном стиле описывает, что они кричали: «О, злодеи! Вы еще живы?». Агилар так пишет о сражении:

Франциск I, король Франции

Основным соперником Карла V в Европе был Франциск I, король Франции. Как и Карл, Франциск вззошел на трон молодым – ему не исполнилось еще и 20 лет, и он был основателем династии. Но в отличие от Карла, который интересовался Испанией и Индией лишь во вторую очередь после Германии, Франциск полностью посвятил себя возвеличению Франции. Он сумел взять под контроль богатые торговые области Северной Италии, разделив владения Карла надвое, и сделал Францию одной из главнейших держав Европы. Нельзя было найти других столь отличных внешне друг от друга людей. Франциск был искусным охотником, превосходным наездником и умелым поединщиком. Умственному развитию он уделял не меньше внимания, чем физическому. Он являлся законодателем мод и изысканности в стране, которая постепенно сделалась центром покровительства культуре и искусству. Если во Франции чего-то не было, Франциск обеспечивал это, приглашая из-за границы таких гениев, как Леонардо да Винчи и Бенvenuto Челлини. Портреты Франциска, самый известный из которых – шедевр Жана Клуз, ныне находящийся в Лувре, изображают красивого, пронзительного, самоуверенного человека, с налетом высокомерия.

После плавания Колумба Ватикан заключил ряд сделок, нацеленных на прекращение соперничества между испанцами и португальцами за контроль над торговлей с Индией. По договору, заключенному в 1494 г. в городке Тордесильяс, Португалии отдавались во владение все территории к востоку от линии, проходящей в 370 милях западнее Азорских островов, а все, что лежало западнее, получали испанцы. Заморская торговля других государств, таких как Англия и Франция, осталась в небрежении и не рассматривалась даже сама возможность их участия в торговых отношениях с заморскими территориями. Однако все изменилось, когда на французский трон вззошел Франциск I. Он отверг претензии Испании на монополию в Новом Свете и был твердо намерен получить свою долю. В 1523 г., когда испанцы уже прочно удерживали Мексику, в Севилью был от-

Портрет Франциска I, Topfoto, Британская библиотека, НР

правлен флот, нагруженный сокровищами, дарами Нового Света и экзотическими животными – первой значительной прибылью от Конкисты. Однако у мыса Сен-Винсент флот подстерегли французские корсары, которые захватили 700 фунтов жемчуга, 500 фунтов золотого песка, и целые ящики золотых и серебряных слитков. Корсары плавали под покровительством своего короля, и Франциск получил львиную долю добычи. Отныне французы не только подстерегали испанские корабли, возвращающиеся домой с драгоценным грузом, но и совершали плавания в Вест-Индию, нападая там на торговые фактории и торгуя с поселенцами в нарушение монополии испанской короны. Когда Карл пожаловался папе, Франциск ответил: «Солнце светит мне, равно как и испанцу».

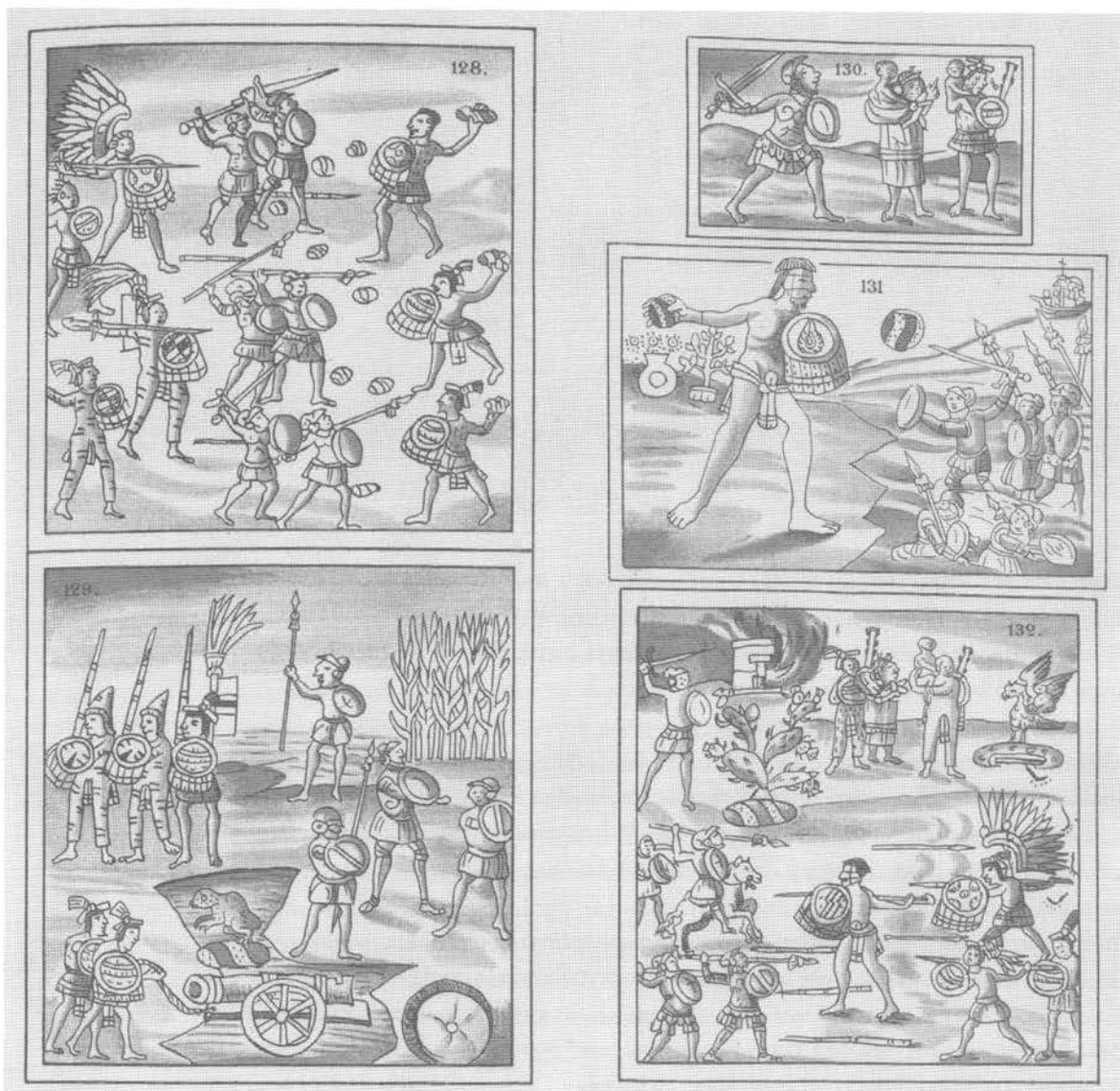
«Здесь пало множество испанцев. Одни мертвые, а другие раненые, и многие без всяких ранений теряли сознание от изнеможения. И, поскольку все мы бежали, никто не протянул бы руку, чтобы помочь подняться товарищу, будь то даже его собственный отец или брат».

Аркебузы и арбалеты, бесполезные в ближнем бою, пришлось бросить и полагаться только на мечи. Арьергард, отрезанный вместе с обозом от основной колонны, отступил на ступени храма, где и был перебит. Множество ацтеков бросилось грабить обоз, дав передышку остаткам армии Кортеса, которая благодаря этому сумела пересечь озеро и уйти по берегу.

Современные исследователи считают, что испанцы потеряли по меньшей мере 600 человек, основную часть своей армии, а также большинство лошадей и все пушки. Кроме того, при отходе из Мехико пало несколько тысяч тлашкальтекских воинов. Ночь с 30 июня на 1 июля 1520 г. в мексиканской истории носит название *Ла Ноче Тристе* (La Noche Triste), то есть «Ночь Печали».

Битва при Отумбе

Побитые и потрепанные испанцы двинулись обратно в сторону Тлашкалы. Они обошли озеро Тешкоко с севера и повернули на восток, постоянно преследуемые вражескими стрелками. Наконец мешики решили окончательно уничтожить их и закончить войну. Для последнего удара они выбрали равнину Отумбы, неподалеку от священных руин Теотиуакана. Они полагали, что на равнине превосходящими силами пехоты под предводительством верховного жреца Теночтитлана они опрокинут и уничтожат остатки армии Кортеса. Их опыт столкновения с крупными андалузскими боевыми конями ограничивался стычками в городе и на мостах, где подвижность лошадей была ограничена, а копыта скользили по мостовой. Ацтеки совершенно недооценивали всадников и предоставили Кортесу превосходные условия для действий кавалерии.

Сражение, состоявшееся 7 июля, носило характер ближнего боя. По словам Алонсо де Агилара, у Кортеса на глазах стояли слезы, когда он призывал своих людей сделать еще одно, последнее усилие. Сам Кортес писал, вспоминая детали битвы для короля Карла: «Мы едва могли отличить своих от врагов – так яростно и на таком близком расстоянии сражались они с нами. Мы были уверены, что настал наш последний день, ибо индейцы были очень сильны, а мы, изнуренные, почти все раненые и ослабевшие от голода, могли оказать им только незначительное сопротивление». Наконец, Кортес высмотрел группу военачальников, управлявших сражением и, построив в линию своих вооруженных копьями всадников, повел их в атаку через плотные ряды ацтекских воинов. Лошади пробились сквозь эту массу, главный военачальник был пронзен копьем, и мешики, находившиеся уже в одном шаге от победы, пали духом и начали отступление.

Армия Кортеса была спасена, но ее состояние позволяло ей лишь продолжать марш к Тлашкале. Берналь Диас подсчитал, что кроме потерь, понесенных европейцами в «Ночь Печали», еще 72 солдата, а также пять испанских женщин, прибывших с Нарваэсом, пали в сражении при Отумбе. Фактически самый тяжелый урон понесли люди Нарваэса, которые не привыкли к войне не на жизнь, а на смерть и к дисциплине, столь необходимой для того, чтобы выжить. Многие из них погибли на мостах, будучи отягощены добычей.

Мешики тем временем попытались перетянуть тлашкальтеков на свою сторону, предложив им оставить старые раздоры и объединиться против чужеземцев. Одна из фракций в Тлашкале склонялась к тому, чтобы принять данное предложение. Однако правители пресекли это движение в самом его начале и решили остаться верными Кортесу, а также предупредили о последствиях всякого, кто решит принять сторону Мехико. И вот, когда измотанные и потрепанные испанцы добрались 10 июля до Тлашкалы, их встретили там со словами: «Здесь ваш дом, здесь вы можете отдохнуть и развеселиться после перенесенных вами страданий».

Возобновление Конкисты

Несмотря на поражение, Кортес был намерен вернуться обратно, покончить с Теночтитланом и покорить всю страну. Это намерение поддерживали его ветераны. Послав в Вилья-Рику за порохом и оружием, дав своим людям отдохнуть и залечить раны, Кортес отправил отряд испанцев и тлашкальтеков покорять город Тепеаку. Мешикский гарнизон встретил его на равнине, и, как и при Отумбе, был рассеян кавалерийской атакой. Победа подняла дух солдат, бывшие солдаты Нарваэса осознали необходимость дисциплины, и Кортес смог двинуться против других мешикских городов, разоряя те из них, которые не подчинились ему из страха. Покорив всю провинцию, Кортес заложил город Сегура-де-ла-Фронтера, собираясь в дальнейшем использовать его как базу в борьбе с Теночтитланом. Там были созданы все необходимые органы городского управления, а здания и укрепления возведены в необыкновенно короткий срок. Место для города выбиралось не только со стратегической точки зрения, но и потому, что окрестности идеально подходили для посе-

НАПРОТИВ

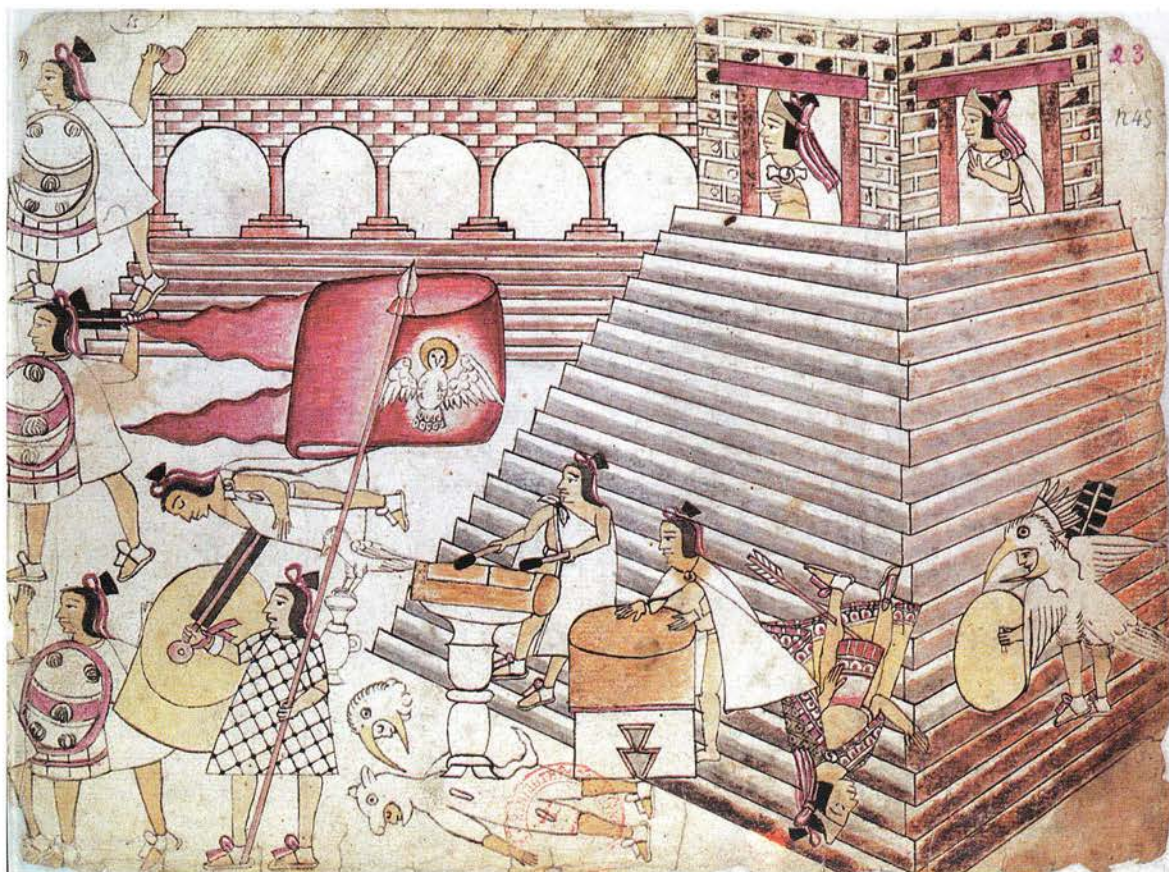
На этих иллюстрациях из «Флорентийского кодекса» изображена битва за Теночтитлан. Некоторые бойцы обеих сторон представлены здесь как герои. На среднем рисунке в правом ряду имеется подпись «Цилакацин Могучий». Больше всего испанцы боялись воинов именно этого ранга – отоми, которые славились тем, что носили в своих щитах крупные камни и металы их в ряды противника. («Флорентийской кодекс», кн. 12, ч.32, Американский музей естественной истории)

ления. Как всегда, Кортес смотрел в будущее. Некоторые из его людей были менее оптимистичны, и ему пришлось пресечь потенциальный мятеж среди сторонников Нарваэса, повесив одного из предводителей.

Из Вилья-Рики были вызваны матросы и плотники со снаряжением уничтоженного флота. Они начали постройку тринадцати бригантин, которые предстояло разобрать, перевезти до места и снова собрать на озере. Кортес ничего не хотел оставлять на волю случая. Удача снова повернулась к нему лицом. С Кубы пришло два корабля – там еще ничего не знали о произошедших событиях и прислали Нарваэсу оружие, порох и снаряжение. Кортес все реквизирует и присвоил себе людей и снаряжение с еще двух кораблей, прибывших с Ямайки для снабжения злополучной экспедиции губернатора Гарая. Эти четыре корабля он отправил на Эспаньолу за людьми и лошадьми. Уже убедившись в том, что одними лишь мечами многого не добиться, он затребовал лошадей, огнестрельное оружие и порох с Эспаньолы. И, наконец, взятка, посланная им королю в самом начале экспедиции, принесла свои плоды в виде оружия, снаряжения и людей, которые начали прибывать из самой Испании.

Готовясь к выступлению в поход, Кортес издал ряд приказов: никто не должен хулить Христа, Деву Марию, апостолов или святых; запрещается плохо обращаться с союзниками-индейцами и грабить их; никто не должен покидать лагерь ни по какой причине; все солдаты обязаны иметь прочный доспех (индейский доспех,

Мешикские воины защищают Великий Храм. Один из них захватил испанский штандарт. По «Аскатитланскому кодексу», лист 24 (Изобразительная библиотека Энн Ронан / Heritage Images)

Осада Теночтитлана, 1521 г.

После двух лет неудачных переговоров, войны и эпидемии, ацтеки выбрали новым императором Куаутемока и начали укреплять Теночтитлан, готовясь к осаде. К Теночтитлану вместе с испанцами подошли 50 000 воинов из Тлашкалы, Уэшоцинка, Чолулы, а также других городов-государств. Войска Кортеса штурмовали город и с суши и с воды, однако, ворвавшись внутрь, они попали в западню, устроенную для них в лабиринте городских улиц и каналов. Многих из нападающих защитники заманили в тупики и там с легкостью забросали камнями, которые они кидали с крыш городских зданий. Те, кто искал укрытия или отвлекался на добычу, терялись среди маленьких комнат и внутренних двориков в жилищах горожан. На иллюстрации ацтеки внезапно проломилась сквозь деревянную крышу и глинобитную стену дома, чтобы захлопнуть в безжалостную ловушку и порубить на

куски тлашкальтека и его испанского союзника. Этот испанец один из капитанов и искусный мечник. Такое же положение занимает одетый в красное тлашкальтек, чья красно-белая головная повязка указывает на принадлежность к знати. Его стальной меч получен в дар от испанцев. В то время, когда лучник стреляет по врагам сверху, два ацтекских воина врываются через пролом в саманной стене, чтобы застать противника врасплох и зажать его в угол. Один из нападающих, судя по его тунике-зуатлю, является знатным человеком. Другой воин одет в тлауицтли и шлем в виде легендарного огненного койота. Подобная тактика городского боя, примененная ацтеками, заставила Кортеса временно отступить, а затем начать планомерную осаду, в ходе которой он разрушал одно строение Теночтитлана за другим. Это была самая длительная битва в истории (Адам Хук, © Оспри Пабблишинг Лтд.)

который многие стали носить здесь, должен был быть хорошо простеган), а также нашейник, шлем и поножи, и нести с собой щит; запрещается играть на лошадь и оружие; все солдаты, кроме больных и раненых, должны спать в полном вооружении и обуты на случай ночной атаки; сон на посту или оставление поста карается смертью; переход из одного лагеря в другой без разрешения карается смертью; дезертирство в сражении карается смертью.

Тем временем Теночтитлан страдал от другой напасти. Оспа наконец-то перешла через горы близ Чалько и уже 60 дней опустошала столицу. В долине Мехико от оспы умерло больше 40% крестьян, и вскоре начался голод. Среди умерших от оспы был и император Куитлауак. Ему наследовал его двоюродный брат Куаутемок. Хотя этот новый правитель имел от роду только 25 лет, мужественное сопротивление, которое он оказал врагам в последние дни империи, делает его в глазах ацтеков величайшим из всех императоров, а в наши дни – национальным символом независимости.

Осада Мехико, 1521 г.

26 декабря 1520 г. Кортес выступил из Сегура-де-ла-Фронтеры. Помимо хорошо экипированного и доукомплектованного европейского контингента, у него было 10 000 тлашкальтекских воинов, а при необходимости правители Тлашкалы обещали предоставить ему еще больше своих войск. Испанцы и их союзники пересекли горы и подошли к Тешкоко, не встречая сопротивления. Там они устроили штаб-квартиру и разбили идолов храма. В окрестные города были посланы отдельные отряды, и многие из этих поселений сдались. Представители других городов сказали, что они тоже могли бы сдаться, если бы не мешикские гарнизоны. Время от времени люди Кортеса вступали в схватки с отрядами противника. После одного особенно яростного боя пал Шочимилько, и Кортес снова ступил на берег озера, откуда вдали был виден Теночтитлан.

Чтобы избежать длительной осады, Кортес послал Куаутемоку предложения мира, а когда они были отвергнуты, принялся покорять города вокруг озера, чтобы обеспечить блокаду Теночтитлана. Отряд Гонсало де Сандовалья захватил области, подвластные Тешкоко, и обнаружил там кожу с голов двух испанцев, захваченных в плен после «Ночи Печали» и принесенных в жертву в храме. Кожа была выдублена, бороды оставлены нетронутыми. Среди других храмовых подношений оказались четыре лошадиные шкуры вместе с копытами и подковами, а также одежда принесенных в жертву. В одной из клеток, в которых держали будущих жертв, пленный испанец Хуан Юсте, прибывший в Мексику с экспедицией Нарваэса, выпарал свое имя.

28 апреля в озеро Тешкоко спустили бригантины. В Тлашкалу, Чолулу, Уэшоцинко и другие союзные города послали гонцов, и через неделю в Тешкоко стали прибывать войска союзников. Из одной Тлашкалы пришло 50 000 воинов. Они проследовали через город со своими боевыми штандартами, оглашая небо криками «Кастилия!» и «Тлашкала!». Установив блокаду Мехико, Кортес приступил к реализации последней стадии своего плана. Альварado, имевший под своим началом 30 кавалеристов, 18 арбалетчиков, 150 пехотинцев и 25 000 тлашкальтекских воинов, должен был наступать на ацтекскую столицу из Такубы. Олиду, возглавляв-

шему отряд из 33 всадников, 18 арбалетчи́коа, 160 пехотинцев и 25 000 индейцев, предстояло атаковать Мехико со стороны Койоакана. Сандоваль, руководивший атакой со стороны Истапалапы, имел в своем распоряжении 24 кавалериста, 4 аркебузи́ра, 13 арбалетчи́ков, 150 пехотинцев и 30 000 воинов Тлашкалы. Сам Кортес намеревался командовать флотом, на каждом судне которого находились: капитан, 6 арбалетчи́ков или аркебузи́ров и 12 гребцов. Акведук, доставлявший в город воду с Чапультепека, был перерезан, и город оказался теперь полностью изолированным. Кортес и его капитаны начали осмотр дорожных дамб. Они приказали заделать разломы в дамбах так, чтобы по ним могла пройти кавалерия, но ближе к городу разломанных участков и баррикад становилось все больше.

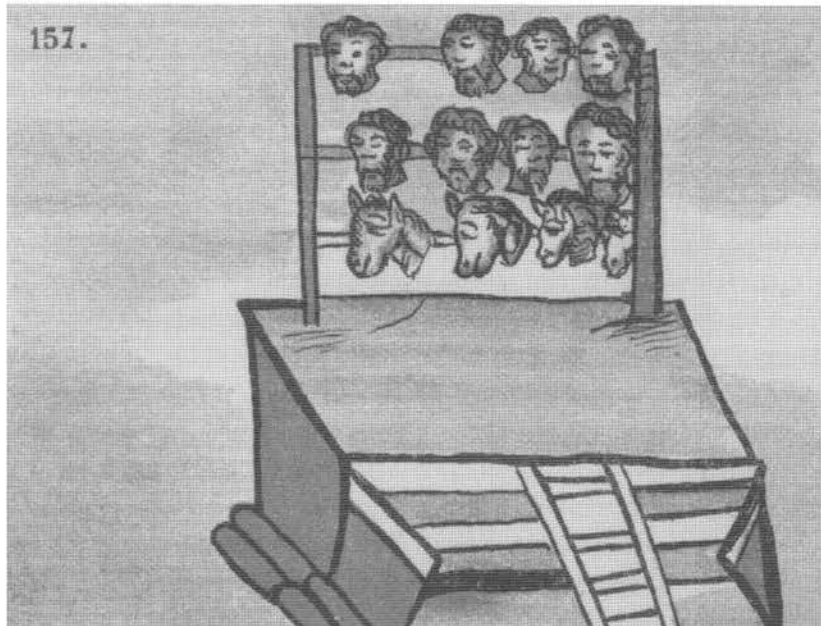
31 мая 1521 г. Сандоваль вышел из Истапалапы, чтобы очистить от противника дамбу и атаковать город. Кортес на бригантинах двинулся на помощь ему по озеру. Захватив укрепленный холм, господствовавший над водой, Кортес повернул корабли на Мехико, и там их встретило около 500 каноэ с ацтекскими воинами. С берега дул свежий ветер, наполнявший паруса, и испанцы пробились через строй каноэ, многие из которых были повреждены, а сидевшие в них воины утонули. Остальные каноэ испанцы отогнали к городу. Осада Мехико началась.

Следующие восемьдесят дней были очень напряженными. Испанцы отвоевывали дорожные дамбы шаг за шагом, только для того, чтобы снова быть отброшенными назад и оказаться на исходной позиции. На Такубской дамбе, на месте которой теперь проходит широкая улица под названием Пуэнте-де-Альвараво (мост Альвараво), Альвараво предпринял поспешную атаку, намереваясь захватить территорию, прилегающую к храму. Ацтеки отступили, разрушив дамбу на протяжении 60 футов. Альвараво и его всадники въехали в воду и выбрались на другой стороне разлома, в то время как пехота начала его заделывать. Внезапно появились многочисленные каноэ, которые до этого находились в засаде. На помощь атакующим поспешили бригантины, но наткнулись на барьер из кольев, вбитых в дно озера и скрытых водой. Альвараво сумел пробиться назад, но пятеро его людей были пленены ацтеками.

Плен означал жертвоприношение. Испанцы часто слышали в отдалении грохот больших храмовых барабанов, звук труб, сделанных из раковин, и другие звуки, означавшие, что их товарищей принесли в жертву. По мере того как испанцы продвигались по городу и приближались к храму, они могли даже видеть церемонию на вершине пирамиды, но ничего не могли сделать – только молиться. У солдат появилось обыкновение завершать каждый день сражения молитвой: «Благодарение Господу, что они не уволокли меня сегодня, чтобы принести в жертву». По мере того, как все больше их товарищей убивали на жертвенном камне, ненависть испанцев к ацтекам все возрастала. Никто не просил и не давал пощады.

В ходе битвы ацтеки пытались деморализовать тлашкальтеков и прочих союзников, бросая в их ряды обваренные части тел принесенных в жертву, с криками: «Жрите плоть этих туэлес (богов – отсылка к почти божественному статусу, который поначалу был присвоен кастильцам) и ваших братьев, потому что мы ими уже сыты!»

Летом 1521 г. ацтекам удалось захватить в плен многих испанцев. «Флорентийский кодекс» указывает, что всех этих пленников подвергли ритуальной казни перед Великим Храмом ацтекского бога Уицилопочтли. Даже головы их лошадей были выставлены в цомпантли, как военные трофеи. («Флорентийский кодекс», кн.12, ч.35, Американский музей естественной истории)

Кортес приказал временно прекратить атаки, но продолжал создавать видимость активных действий. Его люди сражались непрерывно уже почти десять недель, а союзники теряли боевой дух при виде стойкости ацтеков. Беспокойство усилилось, когда из Теночтитлана пробрались посланники, которые показали союзникам части тел европейцев, взятых в плен и принесенных в жертву.

Испанцам пришлось выделять отряды и посылать их в союзные города, чтобы произвести впечатление на тамошних правителей и удержать их на своей стороне. Эти меры оказались вполне эффективными, и когда в конце июля Кортес возобновил атаки, в его распоряжении было 150 000 индейских воинов. Теперь он начал войну на уничтожение. Захватив квартал города, он разрушал все здания и использовал получившийся материал для того, чтобы засыпать каналы и заполнять разрывы в дамбах, что увеличивало простор для действий пехоты и кавалерии. К несчастью для ацтеков, люди из Шочимилько, Куитлауака и Истапалапы предпринимали теперь собственные набеги, пересекая озеро на каноэ, грабя и похищая женщин и детей. Хотя Куаутемок сумел остановить это, необходимость распылять свои силы как для отражения атак испанцев, так и для пресечения пиратских набегов сильно ослабила его оборону.

Город был истощен, люди страдали. Будучи уже ослаблены эпидемией оспы, терпя нехватку продовольствия и воды, вызванную блокадой, они умирали тысячами. Многие, неспособные носить оружие, приходили к испанским позициям для того, чтобы сдаться. Алонсо де Агилар писал:

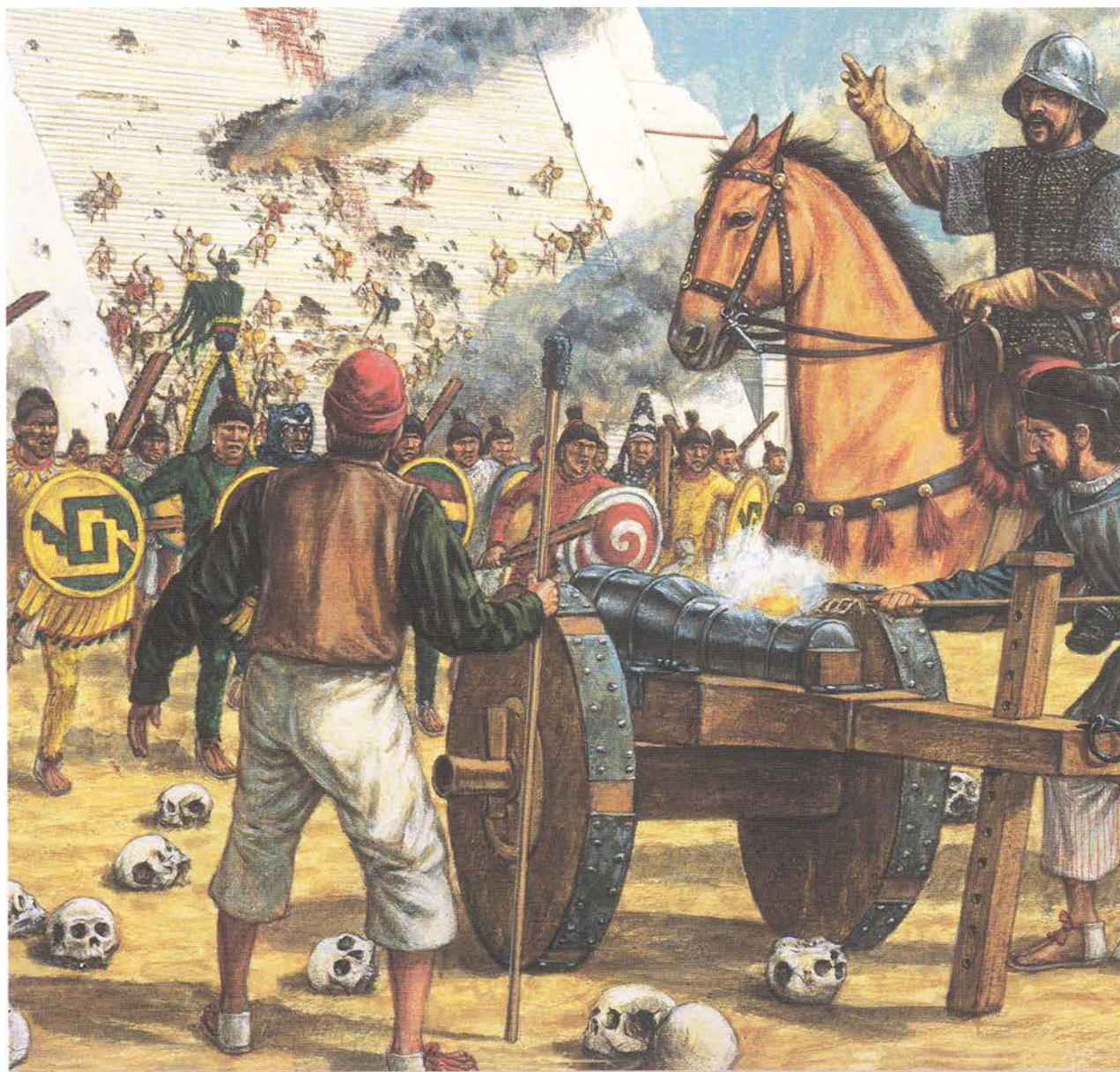
«В городе царил великий мор, потому что там собралось множество людей, в особенности женщин, и им нечего было есть. Мы едва могли пробираться по улицам, забитым индейцами, страдавшими от голода, мора и оспы».

В каких бы жестокостях ни обвиняли испанцев за пять столетий, прошедших со времен Конкисты, все их действия бледнеют перед тем, что творили их союзники-тлашкальтеки. Столетия ненависти и жестокости, лежащей в основе мезоамериканской военной культуры, вылились в насилие, заставившее ужаснуться самого Кортеса. Впоследствии он писал королю:

«У нас было больше трудностей с тем, чтобы удержать наших союзников от убийств, нежели с тем, чтобы сражаться врагом. Ибо никакое племя, даже самое дикое, не следует обычаям столь ужасным и свирепым, как туземцы этих

Новый штурм Теночтитлана начался в декабре 1520 г. В течение всей весны ацтеки сражались, нападая из-за баррикад, с крыш домов и с каноэ, плывущих по узким каналам. Испанцы попадали в ловушки и несли огромные потери. Осада стала войной на истощение. («Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

Последняя оборона Великого Храма, 1521 г.

Все лето 1521 г. испанцы с непрерывными боями пробивались к центру Теночтитлана. Днем они продвигались вперед, только для того, чтобы быть отброшенными назад ночью. Город защищал сам себя. Улицы Теночтитлана напоминали лабиринт. Оказавшись в городе, испанцы не могли продвинуться дальше, поскольку не знали пути. Их заманивали в ловушки и атаковали со всех сторон и сверху. Территория храма была окружена стеной, а расположенные за этой стеной пирамиды легко превращались в убежища и цитадели. Высота Великого Храма составляла более 100 футов. По его крутым стенам вели лестницы, перемежавшиеся уступами,

на которых могли разместиться ацтекские войска и отсюда осыпая нападающего врага стрелами и камнями, ожидая прибытия подкреплений из других частей города. На площади перед храмом собрались отборные ацтекские воины, а их передовая группа уже устремилась в атаку на испанцев. Артиллерийский расчет, состоящий из испанских моряков, готовится выстрелить по атакующим из своей ломбарды. Поблизости расположено гигантское цомпантли, где выставлены черепа тысяч принесенных в жертву пленников, захваченных ацтеками во время предыдущих военных походов. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

земель. Наши союзники совершили в тот день множество грехов, которые нам не удалось предотвратить, ибо их насчитывалось более 150 000, а нас, испанцев, лишь около девяти сотен. Ни наши убеждения, ни предупреждения не могли остановить их произвол, хотя мы делали все, что было в наших силах...

Я разместил испанцев на каждой улице, чтобы, когда люди станут выходить, дабы сдаться в плен, это помешало нашим союзникам убить этих несчастных, чье число было несметно. Я также сказал капитанам наших союзников, что этих людей нельзя убивать ни в коем случае. Однако мы очень многое не смогли предотвратить, и более 15 тысяч человек в тот день были убиты и принесены в жертву глашкальтеками».

К августу единственным очагом сопротивления осталась небольшая часть Тлателолько. По каналам плавали бригантины и палили из пушек по домам. Осознав, что ситуация безнадежна, Куаутемок погрузил свою семью и приближенных в каноэ и попытался сбежать на берег. На озере было множество каноэ с людьми, спасавшимися из города. Когда Кортес узнал, что произошло, он передал на бригантины приказ обыскать озеро и найти императора. 13 августа 1521 г. Гарсиа Ольгуин, капитан одной из бригантин, опознал императорский навес, захватил каноэ и принудил всех, кто в нем был, сдаться. Доставленный затем к Кортесу, Куаутемок сказал:

Куаутемок, последний ацтекский император Мексики. Изображение на мексиканской монете в 5 песо, отчеканенной в XX веке. (Коллекция Чарльза М. Робинсона)

«Господин Малинче, я выполнял свой долг, защищая свой город и своих подданных. Более я не могу сделать ничего, и вот я приведен к тебе силой и отдан в твою власть. Сними же с пояса своего клинок и убей меня».

На это Кортес дал милостивый ответ, похвалив свергнутого императора за отважную оборону. Еще испанский военачальник заявил, что хотя он сожалеет о разрушении города и гибели такого количества людей, это уже свершилось и ничего нельзя изменить. Что же касается Куаутемока и его близких, то им будет дарована жизнь.

Великая осада была завершена. С покорением Мехико был завершен один период истории и начался новый. Берналь Диас сказал об этом такими простыми, но прочувствованными словами: «Куаутемок и его капитаны были арестованы тринадцатого дня августа в час вечерней молитвы, в день святого Ипполита, в лето одна тысяча пятьсот двадцать первое. Благодарение Господу нашему Иисусу Христу и Владычице нашей, Святой Деве Марии, благословенной матери Его. Аминь».

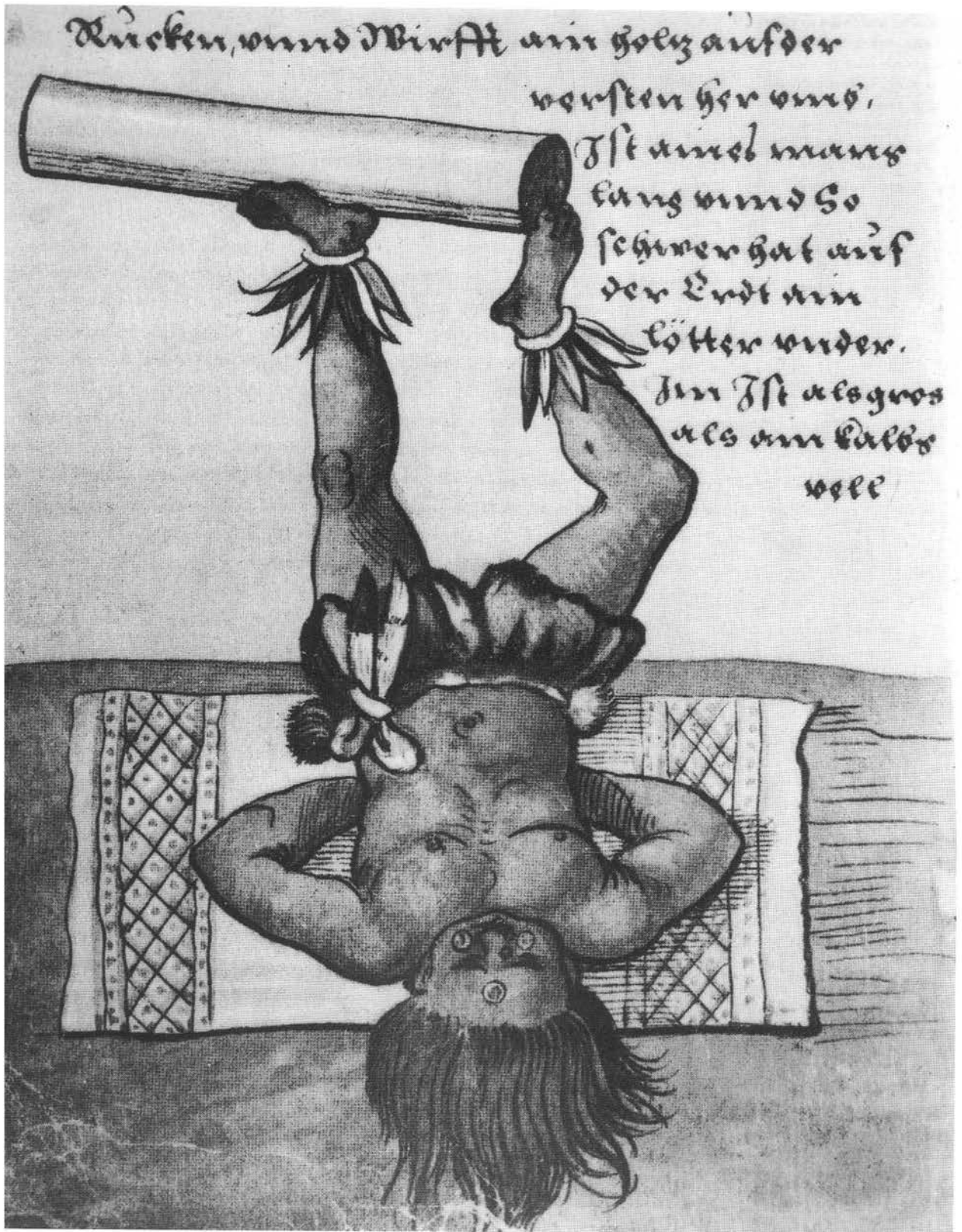
ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Сразу же после захвата ацтекской столицы все мысли испанцев сосредоточились на последствиях этой войны. В течение трех лет они сражались против неприятеля, невероятно превосходящего их числом, и страдали от тягот войны. Они видели, как их товарищей волокут в храм, чтобы принести в жертву, и ничего не могли с этим поделать. Они обнаружили останки тех, кого отдали языческим бога, изуродованные настолько, что опознать их было невозможно. Пришло время расплаты. В тот день, когда город сдался, его наводнили солдаты, искавшие золото. Тем временем их тлашкальтекские союзники продолжали кровопролитную оргию, убивая любого ацтека, который попадал им в руки. Город был полностью разрушен. Около 100 000 мужчин, женщин и детей умерли во время 80-дневной осады, тысячи тел лежали непогребенными. Большинство выжившего населения устремилось прочь из города; они шли по дамбам, на которых испанцы установили посты, получившие задание выискивать и отбирать у беженцев припрятанные ими сокровища. Знатные ацтеки одевались в лохмотья и пачкали тела и лица грязью, пытаясь скрыть свой статус, однако алчные испанцы обыскивали их с головы до ног.

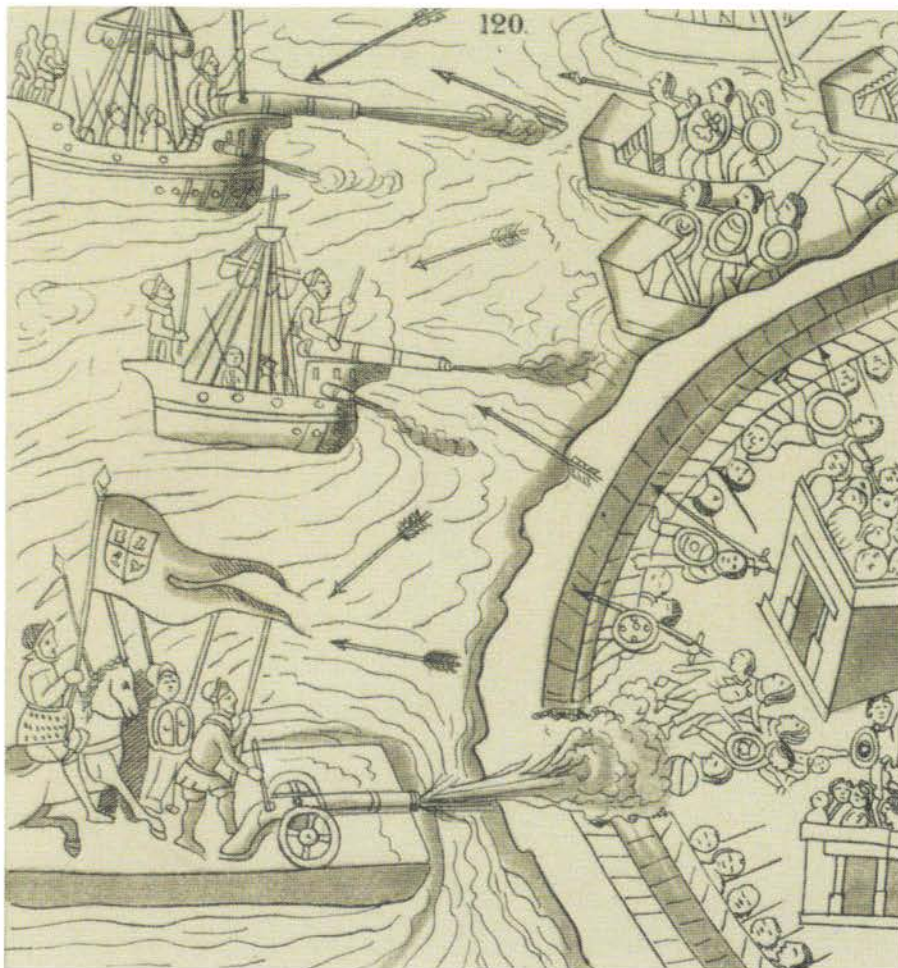
Собрав значительное количество золота, испанцы перенесли его в штаб-квартиру Кортеса в Койоакане, и там Кортес и королевские ревизоры решили расплавить это золото и поставить на нем пробу. В итоге его оказалось более чем на 130 000 *кастильянос* (в одном кастильяно 42,29 грамма чистого серебра). Все добытые ценности, включая рабов, были переписаны. Одна пятая часть добычи по закону принадлежала короне, остальное распределили по всей армии в соответствии с положением каждого, причем Кортес и его капитаны получили львиную долю. Помимо всего прочего, там имелись золотые украшения, изделия из перьев и многое другое, в чем Кортес, будучи человеком образованным, увидел произведения искусства. Вместо того чтобы расплавить эти вещи, их послали королю-императору, который не обратил внимания на их художественную ценность и переплавил все золото. Некоторые изделия

НАПРОТИВ

Кортес вернулся в Испанию со свитой, включающей 40 индейцев. Среди этих обитателей Нового Света были три сына Монтесумы, а также группа акробатов, способность которых подбрасывать тяжелые вещи ногами необыкновенно изумила европейцев. (Вайдрич, 1927 г.)

На этой иллюстрации из «Флорентийского кодекса» показан конец осады Теночтитлана после серии согласованных атак на суше и на воде. У испанцев было 13 бригантин от 42 до 48 футов длиной, с одним или двумя парусами. Суда эти имели плоское дно, которое позволяло им свободно подходить близко к берегу. («Флорентийский кодекс», кн. 12, ч. 13, Американский музей естественной истории)

из перьев впоследствии оказались в Вене, где, после некоторых розысков, их можно увидеть в *Künsthistorische Museum* (Историко-художественном музее).

Однако добыча разочаровала испанцев. Несметные сокровища, обнаруженные некогда во дворце и пропавшие в «Ночь Печали», так и не нашлись. Как уже говорилось, солдаты снаряжались в поход за свой счет, и теперь, после окончания войны, их обременяли долги, которые необходимо было выплатить. Некоторые задолжали столько, что пришлось обратиться в третейский суд и тем, кто не имел возможности заплатить, была предоставлена двухлетняя отсрочка. Оставив позади страх и постоянное напряжение войны, солдаты начинали осознавать свое положение и роптать против командира, поскольку они были уверены, что он сколотил себе огромное состояние за их счет. Аналогично королевские аудиторы обвиняли его в утаивании сокровищ, которые по праву принадлежат короне. Они плохо понимали, что имеют дело не только с военными потерями, но и с высокоорганизованной системой частного предпринимательства ацтеков Мехико. Большая часть богатств, которые они видели в городе два года назад, принадлежала вовсе не государству, а могущественному торговому сословию, и эти торговцы, разумеется, бежали из города, унеся с со-

бой все, что только было возможно. Итак, Кортеса приперли к стенке, и он призвал Куаутемока и других знатных людей, чтобы они объяснили ему, куда все делось. Но те мало что могли добавить. Королевский аудитор Хулиан Альдрете потребовал допросить под пыткой Куаутемока и Тетлепанкецаля, правителя Такубы. Кортес согласился – вероятно, с гораздо меньшими сомнениями, чем он изображал впоследствии. Этим двоим обмазали ноги маслом и подожгли. В конце концов Куаутемок сказал, что сокровища были брошены в озеро, однако испанские ныряльщики не нашли там ничего существенного. В конце концов, всеми этими жестокими мерами, в результате которых оба допрашиваемых стали калеками, испанцы получили всего лишь 200 000 песо. После того как короне, чиновникам, Кортесу и капитанам были выплачены их доли, солдаты получили в среднем около 160 песо за три года трудов и страданий. Чтобы дать представление о масштабах вознаграждения, скажем, что хороший меч в то время стоил около 50 песо. Хотя испанцам еще предстояло покорить большую часть Мезоамерики, Конкиста была в основном завершена после отречения Куаутемока. Исчезновение самой мощной силы на континенте оказало глубокое воздействие на окрестные государства. Единственной силой, способной на длительное и серьезное противостояние, являлась империя тарасков, живших к северо-востоку от Мичоакана. Когда известие о поражении ацтеков дошло до тарасков, они отправили к Кортесу посольство с просьбой принять их в вассалы. «Я ответил, что все мы здесь являемся вассалами Вашего Величества, – писал Кортес Карлу V, – и что их правитель, должно быть, достаточно мудр, чтобы изъяснить же-

Церемония крещения тлашкальтекской знати. Кортес постоянно говорил о христианстве и даже убедил тлашкальтеков убрать идолов из одного храма и заменить их изображениями Христа и Девы Марии. Для испанцев церемония крещения стала публичной демонстрацией добровольности их союза с тлашкальтеками. («Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

вание стать одним из нас, ибо мы обязаны объявить войну каждому, кто этого не желает». Тем не менее Кортес снарядил в Мичоакан несколько экспедиций, самая крупная из которых, возглавляемая Кристобалем де Олидом, пришла туда летом 1522 г. В порядке устрашения Олид разорил прилегающие области, разрушил храмы и отослал правителя тарасков в Мехико. Кортес принял его со всеми почестями, полагающимися правителю, и тот вернулся в Мичоакан с должными впечатлениями и покорностью. Олид тем временем двинулся дальше на север, в Колиму, которую быстро усмирил. Другие экспедиции дошли до тихоокеанского побережья. Сам Кортес возглавил экспедицию, направлявшуюся в Пануко с целью предотвратить попытку колонизации, предпринятую ямайским губернатором Гараем. В одном из городов они обнаружили кожу, снятую с лиц кастильцев из первой экспедиции Гарая. В конце концов Пануко был покорен, и к растущей империи добавился обширный сельскохозяйственный район.

Самой примечательной деталью этих экспедиций являлись задействованные в них многочисленные отряды индейцев с их собственными командирами и правителями во главе, причем многие из них прежде были врагами. Кроме тлашкальтеков в этих экспедициях принимали участие жители Тешкоко и более того – около 15 000 мешиков, посланных Куаутемоком, под командованием одного из его кузенов. Причина такого резкого поворота была очень проста: их религия долго предрекала разрушение мира, и теперь это пророчество исполнилось. Им не оставалось ничего, кроме как помогать тем, кто разрушил их мир. Таким образом, испанцам с помощью потерпевших поражение ацтеков в течение десятилетия удалось установить власть практически над всей территорией нынешней Мексики. Сопrotивлялись только подвластные майя районы Юкатана, которые сумели продержаться еще столетие, и некоторые прибрежные и пустынные области далеко на севере, покорение которых испанцы не считали неотложным делом. Как писал Кортес в третьем письме к Карлу V, спустя всего девять месяцев после поражения Куаутемока: «Хозяйства и имения Вашего Величества основаны во всех лучших и наиболее удобных для этого городах и провинциях».

Что самое интересное, Кортеса беспокоила и судьба индейцев. Хотя он и оказался разрушителем их мира, он восхищался их цивилизацией и верил в то, что при новых правителях они способны позаботиться о себе. Ему особенно претила мысль об обращении индейцев в рабов. Обсуждая эту проблему в одном из писем к императору, он утверждал, что индейцы слишком величественны, чтобы обращать их в рабство и притеснять до полного уничтожения, как это случилось в Вест-Индии. Однако кто бы трудился во владениях конкистадоров, если бы не рабы? Вдобавок целые страны, являвшиеся союзниками испанцев в войне, не подлежали порабощению, а их правители должны были получить свою долю. Чтобы избежать прямого обращения в рабство и все же поддержать экономику, Кортес рекомендовал учинить энкомьенду – систему, уже существовавшую в Вест-Индии, согласно которой конкистадору или поселенцу давалось право взыскивать установленное количество труда с индейцев, живущих в определенной местности. Такие люди назывались энкомендерос (в ед. числе – энкомендеро). Предполагалось, что они будут оберегать индейцев, об-

ращать их в христианство и при необходимости снаряжать их для военной службы. Кортес требовал, чтобы каждый энкомендеро выращивал те сельскохозяйственные культуры, которые вели к распространению европейских злаков в Новой Испании. На практике для энкомендеро гораздо проще было требовать оплату продуктами в соответствии с требуемой работой, чем уследить, кто, где и как трудится. Постепенно система развилась до данничества, не слишком отличающегося от того, что практиковалось при ацтеках до Конкисты. Энкомендерос попросту заменили собой прежних туземных правителей, так что никаких серьезных изменений не потребовалось.

Хотя формально энкомьенда была отменена Новыми Законами и прочими королевскими указами, в действительности она в той или иной форме просуществовала вплоть до XIX столетия, а в некоторых областях Мексики ее остатки сохраняются до сих пор.

Когда большая часть страны оказалась во власти испанцев, Кортес понял, что необходим административный центр. Хотя после капитуляции разрушенный и вымерший Мехико был оставлен, Кортес понимал, какое значение этот город имеет для всей страны. Вероятно, он также не хотел, чтобы руины стали местом паломничества для побежденного народа и возможным рассадником мятежа. В конце 1521 г. он решил возродить город. Мехико был поделен на участки, которые раздавали всем желающим, и его районы управлялись чиновниками по испанскому образцу. Пока шло восстановление, будущее население города оставалось в Койоакане. В мае 1522 г. Кортес написал королю:

«Мы уже четыре или пять месяцев отстраиваем город, и он уже прекрасен. Каждый день он становится еще благороднее, так что, как и прежде, он будет центром и столицей всех этих провинций. Он строится так, чтобы испанцы были здесь в безопасности и надзирали бы за туземцами, которые никоим образом не могли бы причинить им вред».

Поначалу за работы по восстановлению отвечал Альварадо. Местные союзники, которые теперь из подмоги превратились в обузу, получили свою долю от награбленного, а их правители были утверждены в качестве управляющих провинциями при новом порядке. Тех, кто не был нужен для очистки и восстановления города, отослали по домам. Пребывание Альварадо в должности ответственного за восстановление оказалось кратким. В начале 1522 г. ему поручили покорение Оахаки, где он оставался больше года и собрал изрядное богатство. Он возвращался в Мехико, когда получил извещение от Кортеса, что добычу следует отослать в столицу, дабы возместить утрату ценностей, перехваченных французскими корсарами Франциска I. Эта новость до крайности возмутила его солдат, уже считавших себя богачами, и кое-кто из них начал сговариваться убить Альварадо и его братьев. Узнав об этом, Альварадо арестовал заговорщиков. Двое заводел были повешены, а местный царек, тоже участвовавший в заговоре, заключен под стражу, где и умер две недели спустя. Этот заговор стал первым проявлением недовольства, преследовавшего Кортеса и его капитанов по мере того, как Конкиста подходила к завершению.

HOTEL
BAMER

cinema

ЗАКЛЮЧЕНИЕ НОВАЯ ИСПАНИЯ И НОВОЕ НАСЛЕДИЕ

Если экспедиция Бальбоа в Панаму была первым случаем, когда европейцы ступили на материк в Западном полушарии, то покорение Мексики стало началом процесса, в результате которого более чем половина Нового Света оказалась в руках Испании почти на три столетия. Значение достижений Кортеса, как и достижений Колумба, на протяжении нескольких десятилетий было недооценено. Однако Колумб, открывший прежде неизвестный Европе материк, и Кортес, покоривший могущественную и прежде неизвестную империю, доказали, что возможно самое невообразимое. Они расчистили место для экспедиций Франсиско Писарро и прочих в Южную Америку, для экспедиций Франсиско Васкеса де Коронадо и Эрнандо де Сото на территорию современных Соединенных Штатов. В свете достижений Колумба и Кортеса имели смысл даже поиски Эльдорадо и семи золотых городов.

Впоследствии Мексика стала центральной частью обширного вице-королевства под названием Новая Испания, которое простиралось от современных американских штатов Юта и Калифорния на севере до границы между Панамой и Коста-Рикой на юге, и от Пуэрто-Рико на востоке до Филиппин на западе через полмира. Административным центром являлся город Мехико, поднявшийся, подобно фениксу, из пепла ацтекской столицы Теночтитлан. Новая Испания была первой в ряду вице-королевств, которые возникли южнее по всему полушарию по мере распространения власти Испании. Следующими стали Перу, откуда осуществлялось управление всей западной частью Южной Америки, Новая Гранада на севере Южной Америки и, наконец, Ла-Плата на юго-востоке Южной Америки. И только Бразилия находилась в руках португальцев. Мог ли кто-нибудь, кроме Кортеса, завоевать Мексику – вопрос сложный. Некоторые утверждают, что если бы этого не сделал он, сделал бы кто-нибудь другой. Но, как пишет в своей великолепной «Истории Конкисты» Хью Томас, это все чистой воды предположения. Следует задаться вопросом, смог ли бы кто-нибудь, кроме Кортеса, понять противоречия между индейскими народами и воспользоваться ими? Учитывая от-

ВВЕРХУ

Антон сжигает знатных индейцев. Из «Кодекса Кингсборо» (Джон Пол)

НАПРОТИВ

Современный Мехико-сити

Иллюстрация отражает всю иронию победы Кортеса для его индейских союзников. Францисканские монахи жгут боевые штандарты и трофеи тлашкальтеков вместе с их священными идолами. (Библиотека университета Глазго)

ношение большинства его современников, которые склонны были относиться к индейцам с презрением, это крайне маловероятно. А ведь именно политические и племенные различия сыграли важную роль в победе испанцев. Мог ли какой-либо другой лидер оказаться столь же удачлив и хватило бы у него здравого смысла, чтобы этим воспользоваться? Сумел бы другой человек удержать в полном повиновении армию, состоящую по большей части из своевольных авантюристов? Пока не пал Теночтитлан и ацтекская империя не отошла в историю, люди Кортеса не ставили под сомнение его право возглавлять их. Следует также отдать должное его способности поддерживать верность индейских союзников в критический момент незадолго до последнего рывка, когда «Ночь Печали» показала, насколько на самом деле уязвимы испанцы.

Что произошло бы, если бы Конкиста не удалась? Опять же, Томас небезосновательно полагает, что, возможно, Испания долго обдумывала бы новую попытку завоевания и что Мексика, подобно Японии, могла бы пойти собственным путем и еще долго оставаться в культурной изоляции, присоединившись к европейской цивилизации в более позднюю эпоху. Однако все это очень умозрительно. Пока Кортес решал проблемы консолидации недавно завоеванной империи и отстраивал ее сто-

лицу, возникла новая сложность. Неожиданно и без приглашения с Кубы прибыла жена Кортеса донья Каталина со свитой, приличествующей ее новой позиции вице-королевы. К тому времени у Кортеса имелось несколько любовниц, индейнок и испанок, а донья Марина вот-вот должна была родить ему сына. Супруги ссорились, и это в сочетании с тем, что Мехико расположен в 7500 футов над уровнем моря (примерно 2,5 км), плохо сказалось на и без того слабом сердце доньи Каталины. Она умерла при неясных обстоятельствах, и Кортеса обвиняли в том, что он убил ее. Однако похоже, что они поссорились и у доньи Каталины случился сердечный приступ.

Столь же подозрительной была смерть Франсиско де Гарая, вернувшегося в Мехико после провала его второй экспедиции в Пануко. После рождественского обеда с Кортесом Гарай умер от неизвестной желудочной хвори.

К тому времени возобновились улегшиеся было волнения. Кортес отправил Кристобаля де Олида в Гондурас, а в 1524 г. получил известие, что Олид поднял мятеж. Воспользовавшись этим предложением (и не зная, что Олид уже потерпел поражение и казнен сторонниками Кортеса), он выступил во главе нескольких тысяч испанцев и союзников, в сопровождении всего двора. Он также взял с собой номинального императора Куаутемока. Экспедиция потерпела катастрофическую неудачу, ее преследовали голод, болезни и слухи о мятеже. Два года спустя в Мехико вернулись менее сотни выживших. Куаутемока среди них не было. Преследуемый мыслями о том, что император замышляет против него заговор, Кортес приказал повесить его.

Остальная часть жизни Кортеса принесла ему сплошные разочарования. Он и его товарищи, которые так стойко сражались и так мечтали о славе и богатстве, обнаружили, что их сменили чиновники и бумагомаратели, которых Карл V прислал для управления недавно завоеванным королевством. Вся оставшаяся жизнь Кортеса делилась между его имениями в Мексике и отстаиванием своих прав перед королем-императором. Он получил титул маркиза дель Валле де Оахака, звание капитан-генерала и обширные поместья, но ему отказали в праве управлять его же собственными завоеваниями. Эти функции были переданы государственным служащим, и в ранние годы Мексикой управляли несколько примечательных личностей. Однако ширящиеся сплетни, подогреваемые завистью, не позволяли Кортесу получить в полной мере то, что ему причиталось, а в конце жизни отношение к нему и вовсе стало недостойным. Он умер 2 декабря 1547 г., в совершенном разочаровании и забвении. Его тело позже перевезли в Мехико, где похоронили в Госпитале Иисуса, который он же сам и основал на пике своего могущества и славы.

Педро де Альварадо воспользовался Конкистой как подножием для карьеры исследователя и завоевателя. После покорения Гватемалы его назначили губернатором этой провинции и Гондураса. Но, имея столь же беспокойный нрав, как его бывший командир, он не мог устоять перед новыми авантюрами. В 1541 г. он помогал Кристобалю де Оньяте, исполняющему обязанности губернатора Халиско, осаждать индейский город. Его, облаченного в полный доспех, придавила поскользнувшаяся лошадь. Под тяжестью лошади и брони он умер спустя час. Но даже после смерти Альварадо оказался беззащитен перед чиновниками, и не прошло и года, как у его вдовы отобрали в пользу короны большую часть поместий.

В «Кодексе Кингсборо» отражены все ужасы, через которые пришлось пройти ацтекам из-за системы энкомьенды. На этой иллюстрации посланник Кортеса Антон сжигает четырех знатных индейцев. (Древнее искусство и архитектура)

Другой офицер Кортеса, Франсиско де Монтехо, в 1526 г. получил разрешение вторгнуться на полуостров Юкатан. Монах, сопровождавший экспедицию, описал неслыханную жестокость, с которой испанцы относились к майя. И все же майя продолжали сражаться еще 20 лет. Монтехо позднее возлагал вину за свои неудачи на Гонсало Герреро, бывшего испанского солдата, который чудом спасся при кораблекрушении, пережил плен и стал могущественным военачальником майя.

Нуньо де Гусман, в свое время державший сторону Веласкеса против Кортеса, оказался в спорной политической ситуации и надеялся снискать королевское благоволение нападением на царства Западной Мексики, каковое и совершил в 1529 г. Выступив в поход с испанскими войсками и многотысячной армией союзных индейцев, он учинил кровавую бойню от Мичоакана до Соноры. По его приказу правителя народа пурепеча проволокли по земле за скачущей лошастью, а затем сожгли зажи-

Битва при Кахамарке, 1532 г.

Со времен Колумба лошадям принадлежала главная роль во всех экспедициях конкистадоров. Индейцы обычно считали их мифическими существами и сравнивали с гигантскими оленями, до тех пор, пока не узнали их слабые места. Ацтеки научились использовать против лошадей пики, но уже после того, как война с испанцами была проиграна. Узнав о прибытии Атауальпы в Кахамарку, Писарро приготовил для императора инков ловушку. Сначала монах зачитал рекуэримьенто, документ, провозглашающий божественные права испанцев на завоевание. Отказываясь их признать, Атауальпа указал на солнце и сказал, что его бог живет в небесах и смотрит

оттуда на своих детей. В этот момент из места, где прятались испанцы, раздался выстрел из аркебузы, и всадники под предводительством Эрнандо де Сото с криками «Santagol Y a ellos!» («Сантьяго! И вперед на них!») атаковали охрану Атауальпы. Копыта стучали по мощеному двору, а затем по телам упавших воинов, которым некуда было бежать. Испанские мечи отсекали индейцам конечности, а копья пронзали иной раз сразу двоих. Армия инков была совершенно ошеломлена первой встречей с лошадьми. Сам Писарро, сражавшийся пешим, проложил себе путь мечом и взял Атауальпу в заложники. (Адам Хук, © Оспри Паблишинг Лтд.)

во. Десятки селений были сожжены, тысячи индейцев обращены в рабство. Вскоре после этого на северных границах стали распространяться слухи о золотых городах. И в самом деле, выживший после кораблекрушения Кабеса де Вака, заместитель начальника погибшей экспедиции Нарваэса, выбрался в 1537 г. из пустыни и сообщил об индейцах, которые живут в больших городах. Желая повторить успех Нуньо, Франсиско Васкес де Коронадо возглавил новую экспедицию. В 1540 г. более 300 испанцев, сотни индейских наемников и тысяча лошадей и свиней отправились на территорию нынешних американских штатов Аризона и Нью-Мексико только для того, чтобы найти там индейцев пуэбло, живущих в городах из саманного кирпича. Пока войска отсутствовали, индейцы Западной Мексики подняли восстание и атаковали изолированные испанские ранчо. Когда местный губернатор не смог подавить восстание, на

В сегодняшнем Мехико повсюду можно встретить следы могущества ацтеков. Город, построенный на развалинах ацтекской столицы, – это настоящая сокровищница доколумбовых времен. Практически любое строительство натывается на руины старого города. При строительстве метро в конце 1960-х – начале 1970-х гг. и даже при ремонте канализации было сделано множество важных открытий. Видимо, наиболее интересным местом в современной Мексике является Тлателолко, ставшее после раскопок в начале 1960-х гг. частью правительственного проекта под названием «Площадь трех культур». На южной стороне широкой улицы Сан-Хуан-де-Летран находится двор большого храма, в котором сохранилось основание со 114 ступеньками, описанное Берналем Диасом. Его описание было

таким полным, что его книгу можно использовать как путеводитель по этим руинам. Этот объект представляет собой древнюю культуру. Прямо рядом с ним находится монастырь Санта-Крус-де-Тлателолко, основанный в 1536 г. епископом Сумаррагой и представляющий колониальную культуру. А за ним возвышаются здания из стекла и бетона, разрушенные и восстановленные после землетрясения, которые представляют культуру современную. Позади храмового комплекса находится стела с надписью: «13 августа 1521 года, после героической обороны, возглавляемой Куаутемоком, Тлателолко оказался во власти Эрнана Кортеса. Это было не триумфом и не поражением, а, скорее, мучительным рождением нации метисов – современной Мексики». (Topfoto/ The Image Works)

помощь призвали Педро де Альварадо, но «великая миптонская война» закончилась только тогда, когда сам вице-король вмешался в дело со свежими силами.

В Южной Америке у конкистадора Франсиско Писарро дела обстояли иным образом. Писарро был участником похода Васко Нуньеса де Бальбоа в 1513 г., а позднее стал влиятельным землевладельцем в нынешней Панаме. Уже в среднем возрасте он принял участие в двух экспедициях на юг вдоль побережья Колумбии и Эквадора, где впервые увидел золото инков. В 1532 г. Писарро получил разрешение императора организовать третью экспедицию в Перу. Империя инков распространяла свою власть на территорию более 700 000 кв. миль, на которых проживало более 10 млн. человек. Узнав, что император Атауальпа прибыл в Кахамарку, Писарро отважно атаковал армию инков и захватил в заложники их правителя. В качестве выкупа за себя тот пообещал комнату, полную золота, и прочие ценности. Это невероятное богатство составило 13 400 фунтов золота и 26 000 фунтов серебра. Затем Писарро приказал удавить Атауальпу. После ряда стычек испанцы в 1533 г. захватили Куско – столицу инков. Сопrotивление продолжалось до 1570 г., но исход его был предрешен.

Разбогатеv после получения своей доли выкупа от Атауальпы, Эрнандо де Сото, командующий у Писарро кавалерией, лично профинансировал вторжение во Флориду в 1539 г., несмотря на неудачу двух предыдущих экспедиций под началом, соответственно, Понсе де Леона и Нарваэса. В течение следующих трех лет его армия практически бесцельно перемещалась по территории нынешних Джорджии, обеих Каролин, Теннесси, Алабамы, Миссисипи, Луизианы, Арканзаса и Техаса, пока им не пришлось бежать вниз по Миссисипи от объединенной индейской армии. Несмотря на добычу в виде 50 фунтов пресноводного жемчуга, экспедиция оказалась финансово разорительным предприятием, стоившим де Сото жизни.

В конце концов получилось, что больше всего выиграли некоторые рядовые солдаты, вроде Берналя Диаса с его гватемальскими поместьями. Помимо прочего, они научились ожидать худшего. Диас жаловался на бедность, но бедность эта была относительной. По сравнению с теми сокровищами, что так ему и не достались, он в самом деле мог считать себя бедным. Однако, по меркам и его времени, и нашего, Диас окончил свои дни в богатстве.

Конкиста положила начало горестной истории иноземных вторжений в Мексику. После Испании настал черед Соединенных Штатов и Франции, затем пришло время экономического колониализма Великобритании, Нидерландов и Германии, и тех же США. После этого в Мексике развился национализм с сильным оттенком ксенофобии. Хотя средний мексиканец к отдельно взятым иностранцам относится вполне добродушно, он отнюдь не испытывает того же самого к государствам, гражданами которого эти иностранцы являются.

Недружелюбное отношение к иностранцам началось в конце колониального периода, когда идеи просвещения, а также известия о полной независимости, завоеванной Соединенными Штатами в борьбе против Англии, просочились в Мексику, пробудив национальное сознание. Испания, к тому времени пришедшая в необратимый упадок, не могла больше пробуждать в мексиканцах преданность. На са-

Хотя, несомненно, такие конкистадоры, как Педро де Альварадо, получили огромное богатство, они не прекращали походы до самой своей смерти. В «Льенсо де Тлашкала» изображаются некоторые из поздних экспедиций конкистадоров. («Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

мом деле в период колонизации очень немногое могло эту верность породить. Хотя формально жители американских владений Испании считались ее подданными, а сами по себе провинции Нового Света именовались королевствами, а не колониями, отношения их с метрополией были отношениями слуги и хозяина, причем хозяина заморского. Гражданское управление находилось в руках *пенинсулярес* – уроженцев Испании или европейцев на испанской службе, для которых мексиканское назначение являлось всего лишь ступенькой в карьере. Закон запрещал этим людям владеть поместьями, недвижимостью, паями в копиях в управляемых ими областях. Цель такого закона состояла в том, чтобы избежать коррупции и конфликта интересов, однако в тех редких случаях, когда он применялся, он только увеличивал пропасть между управляющим и управляемыми.

Ниже пенинсулярес стояли креолы – испанцы чисто европейского происхождения, но родившиеся в Новом Свете. Они составляли поместное дворянство и офицерский корпус колониальных армий, но не имели права участвовать в делах государства. Третьим классом являлись метисы-полукровки, по большей части мелкие торговцы и ремесленники. Ниже всех стояли индейцы, единственным делом ко-

торых была грязная и тяжелая работа. Эта кастовая система эффективно пресекала любые перспективы продвижения мексиканцев любого происхождения, так что когда в 1821 г. испанский режим рухнул, страна оказалась не готовой к самоуправлению. Первые десятилетия независимости в основном представляли собой череду военных диктатур, поскольку генералы из числа креолов были единственными людьми, обладавшими хоть каким-то административным опытом.

Даже независимость не убрала окончательно Испанию с мексиканской сцены. Испанцы еще несколько лет удерживали за собой крепость Сан-Хуан-де-Улуа, перекрывавшую вход в Веракрус, а в 1829 г. Испания предприняла тщетную попытку вновь оккупировать Мексику, но это привело лишь к окончательному разрыву. Однако позднее, в 1840 г., мексиканские монархисты составили совместно с испански-

Эта современная реконструкция представляет территорию Великого Храма Теночтитлана такой, какой она выглядела в 1519 г. Сам храм, увенчанный двумя святилищами Уицилопочтли и Тлалока, расположен в дальней части. Непосредственно на переднем плане находятся круглая платформа для жертвенных схваток и круглый же храм Кецалькоатля. Правее размещается цомпантли, хранилище, где были выставлены головы жертв, а прямо перед храмом Кецалькоатля — двор для игры в мяч.

Археологическое исследование Великого Храма началось в 1978 г. Его местоположение было давно известно, и сразу же по-

сле принятия решения о раскопках рабочие приступили к расчистке участка, для чего им пришлось снести несколько кварталов колониальных зданий, не имеющих особо исторической или архитектурной ценности. Сегодня посетитель может пройти по специальному помосту над обширными развалинами, причем не только самого храма, но и церемониальных залов. Однако это лишь часть того комплекса, о котором писали в своих воспоминаниях Кортес и его люди.

Остальное лежит под колониальными строениями, которые сами по себе являются уникальными памятниками культуры. (Tropfoto/the Imagework)

ми коллегами заговор, имевший целью посадить на декоративный мексиканский трон испанского принца.

В результате отношение мексиканцев к испанцам можно назвать, в лучшем случае, двусмысленным. В то время как прочие нации в Латинской Америке увековечивают память былых завоевателей и первооткрывателей на монетах, в памятниках, названиях улиц и прочем тому подобном, в Мексике о Кортесе упоминают редко. Напротив, Куаутемок является национальным героем, и его имя и предполагаемый облик можно увидеть повсюду. Видимо, окончательным выражением национального отъединения был отказ Мехико установить дипломатические отношения с режимом Франко. Хаос, воцарившийся в Мексике в середине XIX в., породил одну из тех иронических ситуаций, которые так любят историки. Во время французской интервенции 1862–1867 гг. император Наполеон III убедил австрийского эрцгерцога Максимилиана Габсбурга взойти на мексиканский трон. Три года его правления прошли в непрерывной борьбе с республиканским правительством, которое возглавлял Бенито Хуарес, чистокровный индеец-сапотек. Лишившись поддержки Франции, империя рухнула, и Максимилиан сдался республиканцам. Более трех столетий назад кастильский авантюрист захватил индейскую Мексику ради короля из династии Габсбургов. А теперь мексиканский индеец приговорил к смерти принца той же династии.

Однако в жизни и культуре Мексики повсеместно видны следы испанского владычества. В каждом мексиканском городе и поселении, основанном до начала XX в., есть свои колониальные памятники. Церкви, как правило, скопированы с испанских образцов, которые, кстати, сами были построены под влиянием мавританского архитектурного стиля или переделаны из мечетей, хотя в облике многих мексиканских церквей чувствуется влияние традиций и приемов постройки мезоамериканских храмов. Дома, простые снаружи и роскошные внутри, тоже несут отпечаток мусульманской Испании. Помимо мавританского влияния можно увидеть также великолепные колониальные особняки и общественные здания в стиле ренессанса и барокко. Великий город Гуанахуато, колыбель мексиканской независимости, тем не менее, полностью является европейским, это сердце испанской культуры в Новом Свете, с его современными статуями Дон Кихота Ламанчского и верного Санчо Пансы, а также ежегодным фестивалем Сервантеса.

Однако влияние Испании простирается не только на искусство, литературу и архитектуру. Оно влияет и на повседневную жизнь мексиканского народа. Мексиканцы говорят на собственном диалекте кастильского. В их законодательной системе используется кодекс Наполеона, а их общественное поведение исторически отражает испанскую норму.

Коренные перемены в нашем восприятии ацтеков произошли в последние годы, после критического изучения истории Конкисты. Столетиями испанские хроники описывали крушение ацтекской империи как блистательное военное достижение небольшого, но прекрасно вооруженного отряда Кортеса, сумевшего нанести поражение ордам дикарей. Этот взгляд получил широкое распространение в XIX и XX столетиях отчасти благодаря популярности «Истории завоевания Мексики»

Рисунок из «Флорентийского кодекса» изображает Бернардино де Саагуна (1499–1590), испанского миссионера, описавшего в мельчайших подробностях языки и обычаи народов Нового Света. («Флорентийский кодекс», Американский музей естественной истории)

Прескотта. На самом деле испанцы в гораздо большей степени были обязаны своим успехом политической раздробленности ацтеков и болезням, чем превосходству в оружии и военном деле. Почти во всех битвах вместе с испанцами сражались их союзники-индейцы, численность которых составляла десятки тысяч. Таким образом, Конкиста была равным образом и столкновением культур и индейской гражданской войной. В наше время цивилизация ацтеков официально признана нацио-

нальным наследием Мексики, и более 20 миллионов человек, что составляет около 30% населения, заявляют о своем чистокровном индейском происхождении.

Испанская страсть к золоту была сравнима только с их ревностью к распространению своей религии. Примечательно, что христианство укоренилось в Новом Свете довольно легко. Для индейцев уничтожение ацтекской цивилизации означало, что боги оставили их, и это создало духовную пустоту. К тому же мешикская идея о богах, проливающих собственную кровь и требующих кровавых жертвоприношений в храмах, потребовала лишь небольших усилий для того, чтобы принять идею о боге, жертвующем свою кровь ради блага всего мира, а также символического «питья крови» во время христианского причастия. На самом деле, у туземных верований и христианства оказалось достаточно много параллелей, чтобы размыть различия между ними и образовать в результате уникальную местную форму католицизма. Древние ритуалы смешались с христианскими праздниками, а многие из старых богов превратились в христианских святых со сходными функциями. Вероятно, самым известным примером является Святая Дева Гваделупская, традиция поклонения которой была установлена индейцем по имени Хуан Диего в Тепейяке в 1531 г. Весьма интересно, что Тепейяк был городом, посвященным богине Тонацин, которая тоже являлась олицетворением матери.

По иронии судьбы, основателями этой новой веры стали испанские монахи, не изучавшие древние индейские верования и поэтому не сумевшие разглядеть под маской христианства черты поклонения старым богам. Первым миссионером, осознавшим это, был францисканец Бернардино де Саагун (1499–1590), который провел последние две трети своей долгой жизни в Мексике и первым применил то, что мы сейчас называем антропологическим исследованием, для изучения практически всех сторон жизни страны до Конкисты. Монументальная «Всеобщая история вещей Новой Испании» Саагуна, более известная как «Флорентийский кодекс», подробно описывает историю, религию, философию, торговлю, ремесла и прочее.

Несомненно, Саагуном двигало желание понять верования индейцев, чтобы противостоять идолопоклонничеству. Однако по мере продвижения эта работа обре-

Не вся Мексика была покорена силой. Многие государства встроились в испанскую колониальную систему мирным путем, оставшись под управлением собственной знати. На рисунке изображен разговор знатного миштека Доминго де Гусмана с викарием Доминго де Санта-Мария о теологических вопросах. Индейский касик-правитель держит в руках рукопись с пиктограммами, обсуждая происхождение своих божественных предков с монахом, в руках у которого Библия. Позади них изображен любопытствующий испанский энкомендеро Франсиско де лас Касас.

Довольно скоро между конкистадорами, церковью и индейской знатью стали возникать споры касательно управления страной. Кортес много времени проводил в Испании, отстаивая свои претензии на более высокие титулы и более значительные владения. В частности, он не желал довольствоваться пожалованным ему титулом маркиза дель Валле де Оахака, то есть Долины Оахаки, где множество золотых копей по-прежнему принадлежало миштекам

и сапотекам. В отсутствие Кортеса его сын Мартин и другие родственники были назначены на должности энкомендерос, что давало им право требовать от индейцев исполнения трудовой повинности. Франсиско де лас Касасу, двоюродному брату Кортеса, дали энкомьенду в Йануитлане (богатой провинции), но вскоре после этого он оказался втянут в споры за управление этой провинцией с доминиканскими монахами. Хотя Гусман, известный также как вождь Семь Обезьян, был прямым потомком эпического героя по имени Восемь Оленей, энкомендеро считал, что имеет права феодального владельца, и намеревался пресечь отношения доминиканцев с касиком. Выступая посредником между короной и туземной знатью, управлявшей землями, церковь в конце концов добилась того, что их взаимоотношения стали более плодотворными. К XVII в. энкомендерос и их потомки в основном лишились этого права, а их происхождение от конкистадоров было забыто. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

Дон Антонио де Мендоса (1490–1552), ставший вице-королем Новой Испании в 1535 г., был первым в длинной череде чиновников, которые сменили завоевателей в системе управления новыми землями. (Национальный исторический музей, Мехико)

ла собственную жизнь. Общаясь со своими учениками-индейцами, которые мешали науатль с кастильским и латынью, Саагун встречался с индейскими старейшинами и учеными, изучал их пиктографические записи и слушал их воспоминания о ныне исчезнувшем мире. Он был увлечен языками. Хотя в науатле не существовало сформировавшейся письменности, для выражения идей использовались пиктограммы. Многие из них воспроизведены во «Всеобщей истории» вместе с текстами на науат-

ле, записанными латинскими буквами, с кастильским переводом и комментариями. Изучая памятники ацтеков, Саагун нашел, что многое в их истории и культуре заслуживает восхищения. Материал в его трактате, создававшемся с 1558 по 1580 г., был, по европейским канонам, разделен на 12 книг, согласно предмету описания, а сам текст разбит на главы и параграфы. Двенадцатую книгу, посвященную собственно истории Конкисты с ацтекской точки зрения, автор дополнил в 1585 г., и причиной этих дополнений стало изменение взглядов самого Саагуна. В целом «Всеобщая история» содержит настолько исчерпывающие сведения и написана столь объективно, что ее брали за основу авторы любого современного труда о цивилизации ацтеков.

Другим важным источником по истории древней Мексики является иллюстрированное описание, сделанное специально для испанской короны. Этот документ, известный как «Кодекс Мендось», хранится в Бодлейнской библиотеке в Оксфорде. Его составили в Мехико около 1541 г. (то есть раньше появления трудов Саагуна и Дурана) местные писцы, работавшие по заданию монахов, по требованию Карла V, желавшего побольше узнать о своих заморских владениях. Поскольку поручение о составлении этого описания было передано, очевидно, вице-королем Новой Испании доном Антонио де Мендосой, то сам документ носит его имя.

Текст «Кодекса Мендось» является сочетанием индейских пиктограмм с письменными пояснениями на испанском и науатле. Таким образом, по словам одного из ученых, он служит «чем-то вроде Розеттского камня». Текст и иллюстрации охватывают практически все области жизни мексиканского общества, включая список царств-данников и наложенной на эти царства дани, изображения изделий из ткани, оружия, доспехов, костюмов, пищи, и даже повседневные события из жизни представителей всех классов общества. Этот текст дает нам полное представление об ацтекской империи. Вдохновителем данной работы был Хуан де Сумаррага, первый епископ Мехико, прибывший туда в 1528 г. Как и Бартоломе де Лас Касас, Сумаррага видел себя защитником индейцев. Его методы, однако, были гораздо более тонкими, чем у Лас Касаса. В силу этого, а также потому, что он являлся апостолическим инквизитором, историки часто представляют его стражем установившегося статус-кво. Однако, при всем своем рвении в деле защиты и распространения католицизма, Сумаррага способствовал образованию и был открыт для чужих идей. Он верил, что мексиканцы способны воспринять все самое лучшее из испанской культуры и что в их собственной культуре (исключая религию) содержится много того, что достойно восхищения. Школы, основанные им или находившиеся под его покровительством, открыли дорогу для тех испано-индейских учеников, которые оказались незаменимыми помощниками для людей, подобных Саагуну или Дурану. Именно Сумаррага должным образом спросил Хуана Диего о его видении Святой Девы Гваделупской. Хотя достоверность видения и даже само существование Хуана Диего ставились под сомнение как римскими католиками, так и некаатолическими исследователями, папа Иоанн Павел II канонизировал Хуана Диего во время своего епископального визита в Мехико в конце 2001 г.

БИБЛИОГРАФИЯ И СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

- Berdan, Frances F., and Anawalt, Patricia Rieff (eds.), *The Essential Codex Mendoza* (University of California Press, Berkeley, 1997)
- Chavero, Alfredo, *Lienzo de Tlaxcala* (Mexico, 1892)
- Columbus, Christopher, *Four Voyages to the New World: letters and selected documents*, trans. and ed. by R.H.Major (Corinth Books, New York, 1961)
- Cortés, Hernán, *Letters from Mexico*, trans. and ed. by Pagden (Grossman Publishers, New York, 1971)
- Díaz del Castillo, Bernal, *Historia Verdadera de la Conquista de la Nueva España*, 5th edition (Editorial Porrúa, S.A., Mexico, D.F., 1960)
- Díaz del Castillo, Bernal, *The Discovery and Conquest of Mexico*, trans. and by A.P.Maudsley (Farrar, Straus & Cudahy, New York, 1956)
- Durán, Diego (comp.), *The History of the Indies of New Spain*, trans. and annot. by Doris Heyden (University of Oklahoma Press, Norman, 1963)
- De Fuentes, Patricia (ed. and trans.), *The Conquistadores: First-Person Accounts of the Conquest of Mexico* (The Orion Press, New York, 1963)
- Hassig, Ross, *Mexico and the Spanish Conquest* (Longman, London, 1994)
- León-Portilla, Miguel (ed.), *The Broken Spears: The Aztec Account of the Conquest of Mexico* (Constable and Company Ltd., London, 1962)
- López de Gómara, Francisco, *Cortés: The Life of the Conqueror by his Secretary*, trans. and ed. by Lesley Byrd Simpson (University of California Press, Berkeley, 1964)
- Sahagún, Bernardino de (comp.), *Florentine Codex: General History of the Things of New Spain*, trans. by Arthur J. O. Anderson and Charles E. Dibble, 12 vols (School of American Research, Santa Fe, 1950–82)
- Sahagún, Bernardino de, *Primeros Memoriales*, 2 vols, photography by Ferdinand Anders, paleography of Nahuatl text and English translation by Thelma D. Sullivan, Completed and revised with additions by H. B. Nicholson, Arthur J. O. Anderson, Charles E. Dibble, Eloise Quiñones Keber and Wayne Ruwt (University of Oklahoma, Norman, 1993–1997)
- Thomas, Hugh, *Conquest: Montezuma, Cortés, and the Fall of Old Mexico* (Simon & Schuster, New York, 1993)
- Thomas, Hugh, *Who's Who of the Conquistadores* (Cassell and Co., 2000)

ЛИТЕРАТУРА

- Anawalt, Patricia Rieff, «What Price Aztec Pageantry?» in *Archaeology* Vol. 30/4 (1977), pp. 226–233.
- Anawalt, Patricia Rieff, *Indian Clothing Before Cortés: Mesoamerican Costumes from the Codices* (University of Oklahoma Press, Norman, 1981)
- Anawalt, Patricia Rieff, «Understanding Aztec Human Sacrifice,» in *Archaeology* Vol. 35/5 (1982), pp. 38–45.
- Anawalt, Patricia Rieff, «Riddle of the Aztec Royal Robe,» in *Archaeology* Vol. 46/3 (1993), pp/ 30–36.
- Atkinson, William C., *A History of Spain and Portugal* (Penguin Books Ltd., London, 1060)
- Bancroft, Hubert Howe, *History of Mexico, Vol.2*, from *The Works of Hubert Howe Bancroft*, 39 vols (A.L. Bancroft & Co., San Francisco, 1883)

- Boone, Elizabeth Hill, *The Aztec World*, in *Exploring the Ancient World* series (St. Remy Press, Montreal, and Smithsonian Institution, Washington DC, 1994)
- Boorstin, Daniel, *The Discoverers* (Random House, New York, 1983)
- Broda, Johanna, Carrasco, David & Matos Moctezuma, Eduardo, *The Great Temple of Tenochtitlán: Center and periphery in the Aztec World* (University of California Press, Berkeley, 1987)
- Brumfiel, Elizabeth M., «Elite and Utilitarian Crafts in the Aztec State.» in Elizabeth M. Brumfiel & Timothy K. Earle (eds.), *Specialization, Exchange and Complex Societies* (Cambridge University Press, Cambridge, 1987), pp 102–118.
- Carrasco, David and Matos Moctezuma, Eduardo, *Moctezuma's Mexico: Visions of the Aztec World* (University of Colorado Press, Niwot, 1992)
- Carrasco, Pedro, *The Tenochca Empire of Ancient Mexico: The Triple Alliance of the Tenochtitlán, Tetzcoco, and Tlacopan* (University of Oklahoma Press, Norman, 1999)
- Carrasco, Pedro, «Social Organization of Ancient Mexico.» in Gordon Elkhalm & Ignacio Bernal (eds.), *Handbook of Middle American Indians, Vol 10* (University of Texas Press, Austin, 1964–76), pp. 349–375.
- Caso, Alonso, *The Aztecs, People of the Sun*, 5th edition (University of Oklahoma Press, Norman, 1978)
- Cerwin, Herbert, Bernal Diaz, Historian of the Conquest (University of Oklahoma Press, Norman, 1963)
- Clendinnen, Inga, *Aztecs: An Interpretation* (Cambridge University Press, Cambridge, 1991)
- Chimalpahin Quauhtlehuanzin, Domingo de San Antón Muñón, *Codex Chimalpahin: Society and Politics in Mexico Tenochtitlán, Tlatelolco, Texcoco, Culhaucan, and Other Nahua Atlepetl in Central Mexico: The Nauatl and Spanish Annals and Accounts Collected and Recorded by don Domingo de San Anton Munon Chimalpahin Quauhtlehuanzin*, ed. and trans. by Arthur J.O. Anderson and Susan Schroeder (University Press of Oklahoma, Norman, 1997)
- Cypress, Sandra Messinger, *La Malinche in Mexican Literature From History to Myth* (University of Texas Press, Austin, 1991, reprinted 2000)
- Davies, Nigel, *The Aztecs, A History* (University of Oklahoma Press, Norman, 1980)
- Fagan, Brian, *The Aztecs* (W.H.Freeman and Co., New York, 1984)
- Florescano, Enrique, *El Mito de Quetzalcóatl* (Fondo de Cultura Economica, Mexico, 1993)
- Gillespie, Susan D., *The Aztec Kings: The Construction of Rulership in Mexica History* (University of Arizona Press, Tucson, 1989)
- Gush, Geare, *Renaissance Armies: 1480–1650* (Patrick Stephens, Cambridge, 1975)
- Hassig, Ross, *Aztec Warfare: Imperial Expansion and Political Control* (University of Oklahoma Press, Norman, 1988, reprinted 1995)
- Hassig, Ross, *War and Society in Ancient Mesoamerica* (University of California Press, Berkeley, 1992)
- Heath, Ian, *The Armies of the Aztec and Inca Empires, Other native Peoples of the Americas, and the Conquistadores 1450–1608*, from *Armies of the 16th Century* series, Vol.2 (Foundry Books, Nottingham, 1999)
- Held, Robert, *The Age of Firearms: A Pictorial History from the Invention of Gunpowder to the Advent of the Modern Breechloader* (The Gun Company, Chicago, 1970)
- Hillebrand, Hans J., «The Reforming Spirit.» in Merle Severy (ed.), *Great Religions of the World* (National Geographic Society, Washington, 1971)
- Humble, Richard, et al., *The Explorers*, from *The Seafarers* series (Time-Life Books, Alexandria, Virginia, 1978)
- Innes, Hammond, *The Conquistadores* (Alfred A. Knopf, New York, 1969)
- Kelly, John Eoghan, *Pedro de Alvarado, Conquistador* (Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1932)
- Kendall, Paul Murray, «The Worl of Francis I.» in *The Renaissance, Maker of Modern Man* (National Geographic Society, Washington, 1970)

- Klein, Cecelia, «The Ideology of Autosacrifice at the Templo Mayor,» in Elizabeth H. Boone (ed.), *The Aztec Templo Mayor* (Dumbarton Oaks, Washington DC, 1987).
- Lavin, James D., *A History of Spanish Firearms* (Herbert Jenkins, London, 1965)
- Léon-Portilla, Miguel, *Pre-Columbian Literatures of Mexico* (University of Oklahoma Press, Norman, 1969)
- Léon-Portilla, Miguel, Bernardino de Sahagún, *First Anthropologist*, trans. by Mauricio J. Mixco (University of Oklahoma Press, Norman, 2002)
- Livesey, Anthony, *Great Commanders and their Battles* (Macmillan, London, 1987)
- Lockhart, James, *The Nahuas after the Conquest: A social and Cultural History of the Indians of Central Mexico* (Stanford University Press, Stanford, 1992)
- Matos Moctezuma, Eduardo, *The Great Temple of the Aztecs: Treasures of Tenochtitlan* (Thames and Hudson, London, 1988)
- Miller, Hubert J., *Juan de Zumarraga: First Bishop of Mexico* (New Santander Press, Texas, 1973)
- Nicholson, H.B., «Religion in Pre-Hispanic Central Mexico,» in Gordon Ekholm & Ignacio Bernal (eds), *Handbook of Middle American Indians, Vol.10* (University of Texas Press, Austin, 1971) pp. 395–446.
- Nicholson. H.B., *Topiltzin Quetzalcoatl of Tollan: a Problem in Mesoamerican Ethnohistory* (University of Colorado Press, Boulder, 2001)
- Nicholson. H.B. with Quinones Keber, Eloise, *Art of Aztec Mexico: Treasures of Tenochtitlan* (National Gallery of Art, Washington, DC, 1983)
- Nicolle, David, *Fornovo 1495*, Campaign 43 (Osprey Publishing, Oxford, 1996)
- Nicolle, David, *Pavia 1525*, Campaign 44 (Osprey Publishing, Oxford, 1996)
- Nicolle, David, *Granada 1492*, Campaign 53 (Osprey Publishing, Oxford, 1998)
- Oman, C.W.C., *The Art of War in the Middle Ages*, rev. and ed. by John H. Beeler (Cornell University Press, Cornell, 1968)
- Pasztor, Esther, *Aztec Art* (Harry N. Abrams Inc, New York, 1983)
- Pohl, John M.D., *Exploring Mesoamerica* (Oxford University Press, Oxford, 1999)
- Peterson, Harold L., *Arms and Armor in Colonial America 1526–1783* (Stackpole Co., Harrisburg, 1956)
- Peterson, Harold L., *The Treasury of the Gun* (Rodge Press and Golben Press, 1962)
- Prescott, William Hickling, *History of the Conquest of Mexico*, 1843 (Reprinted by the Modern Library, New York, 1998)
- Quinones Keber, Eloise, *Codex Telletiano Remensis* (University of Texas Press, Austin, 1995)
- Sauer, Carl Ortwin, *The Early Spanish Main* (University of California Press, Berkeley, 1966)
- Smith, Michael E., *The Aztecs* (Blackwell Publishers, Oxford, 1994)
- Soustelle, Jacques, *The Daily Life of the Aztec in the Eve of the Spanish Conquest* (The Macmillan Company, New York, 1962)
- Stewart, Desmond, et al., *The Alhambra* (Newsweek, New York, 1974)
- Stone, George Cameron, *A Glossary of the Construction, Decoration, and Use of Arms and Armor in all Countries and in all Times Together with Some Closely Related Topics* (Jack Brussel, New York, 1961)
- Stuart, Gene S., *The Mighty Aztec* (The National Geographic Society, Washington DC, 1981)
- Time-Life Books (ed.), *Gods of Sun and Sacrifice: Aztec & Maya Myth*, from *Myth and Mankind* series (Time-Life Books BV, Amsterdam, 1997)
- Townsend, Richard, *The Aztecs* (Thames and Hudson, London, 1992)
- Weiditz, Christoph, *Das Trachtenbuch des Christoph Weiditz von seinen Reisen nach Spanien (1529) un den Niederlanden*, ed. by Theodor Hampfe (Walter de Gruyter & Co.< Berlin, 1927)
- Wise, Terence, *The Conquistadores*, Men-at-Arms 101 (Osprey Publishing, London, 1980)
- Wood, Peter et al., *The Spanish Main*, from *The Seafarers* series (Time-Life Books, Alexandria, Virginia, 1979)

ГЛОССАРИЙ

адарга – кожаный сердцевидный щит

аркебуза – фитильное «ружье с крюком», отличающееся от других типов ручного огнестрельного оружия своей изогнутой сзади ложей (прикладом)

армэ – наиболее распространенный шлем всадника западноевропейской тяжелой конницы XV в.

атлатль – ацтекская копье-металка

ацтеки – «Народ Астлана», или Страны Цапель, собирательное название жителей долины Мехико (Мешико), говорящих на языке науатль

Ашайакатль (годы правления 1469–1481) – третий ацтекский император, отец императоров Монтесумы и Куитлауака. В его теночитланском дворце в 1519–1520 гг. квартировал Кортес

барбют – разновидность западноевропейского открытого шлема

бургиньот – западноевропейский открытый шлем с полями и гребнем

бюффэ – защита у шлема для подбородка

донья Марина (1502–1551) – Малиналли, известная также как Ла Малинче. Индианка, подаренная испанцам в Потончане. Владея чонтальским наречием майя и языком науатль, она стала переводчицей Кортеса и до некоторой степени его доверенным лицом, советницей и соглядатаем. Родила ему сына. После Конкисты вышла замуж за Хуана Харамильо и жила в своих владениях.

гублет – облегающая куртка, испанская мужская одежда XVI в.

угальго – представитель мелкого испанского дворянства

ичкауипилли – ацтекский доспех из хлопка

Какама, он же **Какамацин** – правитель Тешкоко (годы правления 1515–1520), дальний родственник Монтесумы. Его отцом был великий правитель и государственный деятель Несауальпилли (годы правления 1472–1515). Какама встретил Кортеса по пути в Мехико и указал ему дорогу к городу. Умер при загадочных обстоятельствах во время «Ночи Печали», вероятно, был убит по приказу Кортеса.

кальмекак – ацтекская жреческая школа

Камаштли – имя Мишкоатля, отца легендарного Кецалькоатля

кауильо – испанский командир отряда

Кецалькоатль – тольтекский культовый герой, почитаемый повсеместно в центральной и южной Мексике

Коанакоч (годы правления 1520–1521) – брат Какамы, взшедший на трон Тешкоко в 1520 г., после того как его предшественника взял под стражу Кортес

Коиштлауака – чочо-миштекское государство в Оахаке

Куальпопока (умер в 1520) – мешикский правитель Пануко, зачинщик антииспанского восстания на побережье. Сожжен на костре в конце 1520 г.

Куаутемок (1496–1525), он же Гуаутемок и Гуаутемотцин, – восьмой и последний император ацтеков, правивший с 1520 по 1521 г. Сын Ауицотля, пятого императора (годы правления 1486–1502), и двоюродный брат Монтесумы. Сдался Кортесу 13 августа 1521 г. Повешен в 1525 г. во время Гондурасского похода Кортеса.

куачике – ацтекский воинский ранг

Куитлауак (умер в 1520) – седьмой император, сын Ашайакатля, брат Монтесумы, которому он и наследовал после свержения последнего. После нескольких месяцев правления умер от оспы.

куэштекатль – особый ацтекский воинский ранг

- мавры** – исламское население Испании
- макауауитль** – ацтекский меч
- масеуатль** – ацтекский крестьянин
- мешика** – ацтекское племя, основавшее Теночтитлан
- Мишкоатль** – Облачный Змей, чичимекский герой, отец Кецалькоатля, бог-покровитель Тлашкалы и Уэшоцинко
- миштеку** – индейские племена северной и восточной Оахаки
- Монтесума**, он же **Моктесума** и **Мотекусума** (1468–1520) – шестой император Мексики, второй носитель этого имени. Правил с 1502 по 1520 г. Сын Ашайакатля. Лишившись власти и став пленником испанцев, умер при загадочных обстоятельствах (вероятно, был забит камнями).
- морион** – высокий западноевропейский шлем с полями
- науа** – индейские племена, населявшие центральную Мексику. Ацтеки – одна из ветвей науа
- науатль** – язык науа
- Несауалькойотль** – прославленный тлатоани Тешкоко
- нештлауали** – ацтекское название жертвоприношения, букв. «уплата долга»
- Реконкиста** – «отвоевание» Иберийского полуострова у мавров, завершённое королем Фердинандом и королевой Изабеллой
- сапотекы** – индейцы Оахаки
- селата** – разновидность испанского шлема
- сиуакоатль** – верховный жрец культа чичимекской богини, являвшейся матерью Мишкоатля и существовавшей в двух ипостасях, как Сиуакоатль (Женщина-Змея) и Тонацин (Наша Мать). Считался вторым по значению лицом в империи ацтеков.
- тараски** – индейские племена Мичоакана, более известны как пурепеча
- текутли** – ацтекский землевладелец
- тельпочкалли** – букв. «дом мальчиков», воинская школа у ацтеков
- Теночтитлан** – столица мексиканских ацтеков
- Тентлиль** (он же Теутлилли, Теудиле или Тендиле) – мексиканский дипломат и правитель вассальной провинции тотонаков, первым встретил Кортеса после высадки. Сведений о нем после того, как Кортес вступил во внутренние области Мексики, не имеется.
- тепоцтопилли** – ацтекская алебарда
- терция** – подразделение в испанской армии XVI в., численностью около 250 человек
- Тетлепанкецаль** – правитель Такубы (Тлакопана), замучен Куаутемоком
- тильматли** – ацтекское широкое прямоугольное одеяние, носилось как плащ или как пончо
- тлатоани** – «оратор», высокопоставленный текутли
- тональпоуки** – ацтекский предсказатель
- уастеки** – индейские племена северного Веракруса
- Уицилопочтли** – Колибри Юга, бог-покровитель ацтеков
- уэй тлатоани** – букв. «великий оратор», император ацтеков
- фитильная пицаль** – первое настоящее ружье, снабженное спусковым крючком, запальным фитилем и спусковым механизмом (замком)
- цицимитль** – ацтекский демон
- чинампа** – искусственный остров-поле
- шапель де фер** – букв. «железная шапка», открытый западноевропейский шлем XII–XVI вв. с низкой тульей и широкими круговыми полями
- школли** – короткая куртка с бахромой, одежда ацтекских жрецов
- шикуипилли** – ацтекское название подразделения в 8000 человек
- эуатль** – воинская одежда ацтекской знати

Как создавалась и как была уничтожена великая империя ацтеков, самого могущественного государства доколумбовой Америки

Война миров, столкновение двух цивилизаций, ужасные кровавые культы древних индейцев и ненасытная жажда золота завоевателей. Судьбоносные битвы и события, определившие на века ход мировой истории

Описание организации, тактики, методов подготовки и кодекса поведения ацтекских воинов, на протяжении столетий наводивших ужас на всех своих врагов и изумивших своим бесстрашием завоевателей из Старого Света

Подробнейшие и достоверно точные иллюстративные материалы, в деталях воссоздающие внешний облик и вооружение всех типов индейских воинов и испанских конкистадоров

Цветные и черно-белые фотографии предметов искусства и археологических находок, а также карты и схемы

ISBN 978-5-699-32129-2

9 785699 321292 >

ЭКС